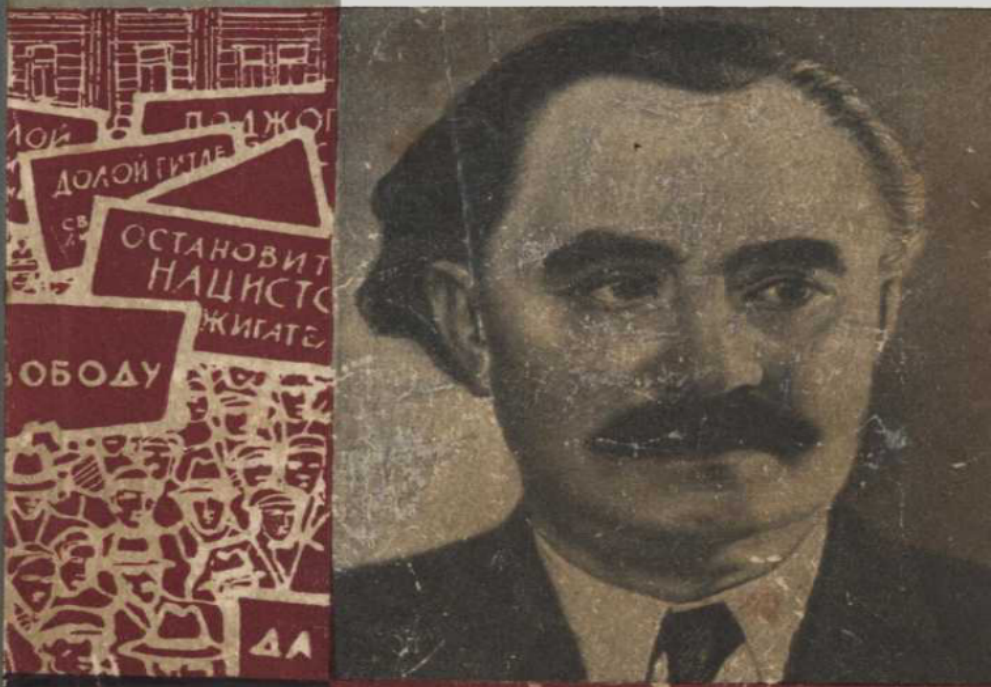
ДИМИТРОВ



Камен Калчев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дело Георгия Димитрова огромно. Трудно все охватить в беллетризованной биографии. Поэтому я прежде всего остановился на главных событиях и фактах, стараясь писать ясно, просто, доступно, чтобы быть полезным самым широким читательским кругам, для которых и предназначена моя книга.

Камен Калчев

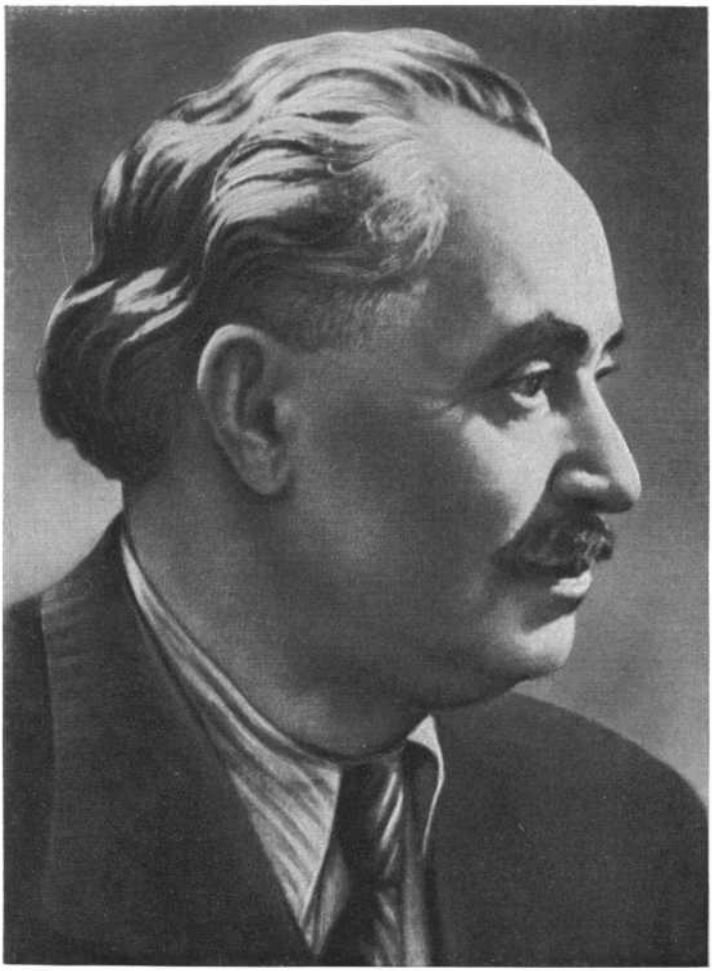
- Камен Калчев
  -
  - ОТ АВТОРА
  - БЕГСТВО
  - В СОФИИ
  - РАННИЕ ГОДЫ
  - УЧЕНИК
  - НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ
  - РАССВЕТ
  - РЕДАКТОР-РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ
  - ЧТО ДЕЛАТЬ?
  - ДЕД И МАСТЕР
  - В САМОКОВЕ
  - У ШАХТЕРОВ
  - ПОДРУГА
  - ПОДЪЕМ
  - ВОЙНА
  - НОВАЯ ВОЙНА
  - НАРОДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
  - ВСТРЕЧА ВО ФРАКИИ
  - В ТЮРЬМЕ
  - ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ!
  - ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАЧКА
  - НЕУЛОВИМЫЙ
  - ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ
  - ПЕРЕД БУРЕЙ
  - ЕДИНЫЙ ФРОНТ
  - ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ
  - К ВЫРШЕЦУ
  - ВОССТАНИЕ
  - ВЫШЕ ГОЛОВЫ
  - В ЭМИГРАЦИИ
  - «КОРИЧНЕВАЯ ЧУМА»
  - АРЕСТ

- ДАЛЕКО ОТ МИРА
- ВОЗМУЩЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
- ЛЕЙПЦИГ
- ВСТРЕЧИ
- ПОЕДИНОК
- ПОСЛЕДНИЙ УДАР
- ОСВОБОЖДЕНИЕ
- В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
- ПОСЛЕДНИЙ ЧАС
- К СОЦИАЛИЗМУ
- ОН НЕ УМЕР
- ВЫПОЛНЯЯ ЕГО ЗАВЕТЫ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Камен Калчев
ДИМИТРОВ



Н. С. ХРУЩЕВ О Г. М. ДИМИТРОВЕ

«Советские люди глубоко чтят память Георгия Димитрова, героического борца против фашизма и

войны, за объединение всех прогрессивных и демократических сил на борьбу за мир и социальный прогресс. Мы высоко ценим большой вклад, который он внес не только в освободительную борьбу болгарского народа, но и в мировое коммунистическое и рабочее движение. Георгий Димитров был замечательным другом советского народа, поборником нерушимого единства и дружбы болгарских и советских коммунистов».

Из речи на Софийском аэродроме 20 мая 1962 года.

* * *

«Разрешите привести еще один прекрасный пример мужества и убежденности в правоте великого дела коммунизма. Этот пример показал Георгий Димитров Недавно я перечитал книгу о Лейпцигском процессе, чтобы освежить в памяти события героической борьбы великого сына болгарского народа Георгия Михайловича Димитрова. На Лейпцигском процессе он был как бы в клетке с тиграми. Нельзя без волнения читать то, что говорил там Георгий Димитров. Он говорил так, словно судили. в Лейпциге не его, а он судил, судил Геринга, судил Геббельса, судил Гитлера, судил фашистских заправил и извергов, судил фашистский режим.

Откуда у него было такое мужество? От убежденности! Вряд ли он рассчитывал на то, что вырвется из лап фашистских извергов. Но он, не страшась смерти, судил своих врагов, врагов рабочего класса, врагов прогрессивного человечества, мужественно судил.

Теперь дело, за которое боролись Владимир Ильич Ленин, Георгий Михайлович Димитров и другие вожди народа, за которое отдали жизнь и пролили кровь сотни тысяч, миллионы борцов за торжество марксистско-ленинского учения, — это дело победило, знамя социализма гордо развевается над многими странами Европы и Азии. Владимир Ильич Ленин покоится в Мавзолее на Красной площади в Москве, и к нему, как правильно сказал президент Республики Мали Модибо Кейта, как к роднику, тянутся люди из всех стран мира,

чтобы приложиться к этому источнику, набраться сил и мужества для борьбы за счастье народов. Георгий Димитров покоится в Мавзолее в городе Софии, и к нему нескончаемым потоком идут и идут люди. А благодарные им потомки в веках будут прославлять их как бесстрашных борцов за свободу и счастье народов, за дело коммунизма.

А где же те, кто боролся против Ленина, против Димитрова? Где те, кто судили Димитрова? Где Геббельс? Тот сам себя отравил. Где Геринг? Тот тоже себя отравил. Где Гитлер? Сам себя застрелил и хорошо сделал, потому что избавил нас от этого неприятного дела».

Из речи на митинге советской и кубинской молодежи в Москве 2 июня 1962 года.

ОТ АВТОРА

Когда в 1947 году Союз народной молодежи поручил мне написать популярную художественную биографию Георгия Димитрова, я воспринял это как большую честь и большую ответственность. В те годы было известно очень мало материалов о жизни и деятельности Димитрова (биографический очерк Стеллы Благоевой и документы Лейпцигского процесса). Надо было собирать материалы, которые показывали бы как самого Димитрова, так и ту эпоху, в которой он жил и работал. В этом отношении мне помогли устные рассказы его близких, друзей его детства и юношества, а также соратников по долголетней революционной деятельности. Много мне помогли и воспоминания матери его Парашкевы Димитровой. Они ввели меня в ту атмосферу, в которой оформлялся характер будущего революционера. Помогали мне речи, письма, высказывания Димитрова в годы ранней его революционной, публицистической и общественной деятельности; многочисленные его запросы в парламенте, выступления на Лейпцигском процессе, доклады и статьи после 9 сентября 1944 года.

Учтя критические замечания, сделанные на первое издание этой книги, я постарался, работая над переизданием, устранить недостатки и улучшить, насколько позволяют мои силы, художественную ее сторону.

БЕГСТВО

Ветер стучал створками оком. дети сгрудились возле матери и со страхом вслушивались в зимнюю вьюгу. Казалось, наступал конец света…

А вечер обещал быть таким хорошим: у очага дымились вкусные кушанья, соблазняла баница — сладкий слоеный пирог, горкой возвышалась каша, посыпанная орехами, а в котелке виднелись сушеные сливы. Над самым столом, на котором уже лежал холодец, свисал рахат-лукум — белая сладкая, точно халва, колбаска.

За дверью послышался шорох. Дети и мать вздрогнули, прислушались. Щелкнул затвор, и в дом ввалился отец. Он был неузнаваем, еле переводил дух, плечи и шапка засыпаны снегом, лицо посинело от холода.

— Быстро собирайтесь! — крикнул он и бросился к шкафу. Жена и дети глядели удивленно. Он вытащил из шкафа старый турецкий пистолет, засунул его за пояс и снова крикнул: — Чего стоите? Разве не знаете, что идет турецкий карательный отряд?! Поколют нас, как ягнят!.. Бегите!..

Дети и мать бросились одеваться. Пока надевали они свои кожушки, отец уже набросил на плечи тяжелый ямурлук — шерстяную домотканую бурку — и ждал у двери.

— Парашкева! — крикнул он нетерпеливо.

— Я здесь, отец, — откликнулась низенькая пятнадцатилетняя девушка.

— Держи этот мешочек и помни, что в нем порох… Слышишь?

— Слышу.

Отец сунул в руки девушки мешочек, но, увидев, что она держит еще что-то, спросил строго:

— Что это еще у тебя в узелке?

— Баница, — робко ответила девушка, — нечего ее оставлять туркам.

— Это ты хорошо придумала. Но возьми и порох. Ну, а теперь пошли, быстренько!

Заботливо закрыв двери и окна, полагая, что через несколько дней они вновь вернутся, хозяева покинули дом.

Ветер со всех сторон набрасывался на покинутый домишко, засыпал его снегом, яростно стучал в закрытые ставни.

В ту ночь в Банскую околию нахлынул турецкий отряд из города Неврокопа. Болгары бежали в ближайший лес. Было

холодно, люди копали землянки, жгли костры.

На второй день вьюга стихла, пригрело солнце. Опасливо выбирались болгары из землянок и смотрели в сторону села Голиина баня.

— Неужели не прекратилась резня? — спросила мать.

— Ежели подожгут село, — ответил задумчиво отец, — тогда возврата нет.

Так и случилось. На четвертый день над селом взвился густой дым, заполыхало пламя. То горела болгарская часть села Голиина баня. Произошло это зимой 1878 года.

— Возврата нет!

Женщины и дети в последний раз глядели на дымившуюся Банскую долину, прощались с родным краем.

В те морозные, февральские дни со всех концов порабощенной Македонии уходил гонимый народ, а за спиной его дымились горевшие села.

Парашкева бережно хранила мешочек под своим кожушком, чтобы не намок порох. Но за весь путь отец ни разу не выстрелил. Он был измучен и задумчив. Куда деться с шестью детишками и женой? Как их прокормить?..

Много беженцев погибло в пути: одни умерли от холода и голода, другие от болезней. Погибших оставляли в лесах, среди глубоких снежных сугробов, без погребения: не было ни времени, ни сил. Живые шли, оплакивая павших и борясь за свою жизнь.

Семья красильщика выдержала: осилила холод и вьюги. Правда, дети простудились, но это было ничто в сравнении с тем, что постигло других.

Добрались до Джумаи. Прожили здесь зиму, поголодали. А когда приблизилась весна, мать и дети задумались о возвращении. Но отец сказал:

— Если и вернемся, то через год вновь придется бежать. Лучше двигаться дальше.

И они пошли дальше.

Было уже тепло и весело. Вдоль дороги цвели черешни, зеленели луга, жужжали пчелы, над цветами кружились пестрые бабочки.

Весна пришла.

Беженцы брели от села к селу, останавливались то там, то тут, чтобы передохнуть да отряхнуть пыль с одежды, — и опять в дорогу. С ними шел худой и кроткий осленок, на спине его громоздились хозяйская одежда, мешок с хлебом, а еще выше, на деревянном седле, восседала привязанная за ногу курица. Люди выходили из селения поглядеть на беженцев. Дети, показывая на них пальцами, кричали матерям:

— Мама, мама! Цыганы!

— Какие они, белые? — шутили матери.

— Белые…

Крестьяне жалели беженцев, давали им хлеб и бузу, чтобы подкрепили они свои силы. В селе Дикани беглецам насыпали в мешки орехи, яблоки, оделили их кутьей. Парашкеве это понравилось, и она попросила отца остаться здесь. Но тот ответил:

— Не думаешь ли ты, что тут всегда будут давать кутью да орехи? Сегодня родительская суббота, поминовение усопших…

Беженцы шли все дальше и дальше, пока не добрались до села Ковачевци, что неподалеку от города Радомира.

— Здесь остановимся, — сказал отец.

Разгрузили осленка на голой поляне, разложили костер и первую ночь спали под открытым небом. Утром отец ушел в село и пропадал там несколько часов, а вернувшись, сказал:

— Нашел работу — стану чесальщиком. Буду чесать шерсть и вату. Не останемся голодными… — Поглядел на детей, подумал и добавил: — Надо и вам закатать рукава.

Все молчали. Что они могли делать? Наконец одна из дочерей сказала:

— Лучше буду голодной ходить, но к чужим не пойду.

— А я пойду, — сказала Парашкева, — я не стыжусь никакой работы.

И она пошла работать на чужих.

Все село знало Парашкеву как работящую девушку. И только хозяин не был ею доволен. Часто ругал, а раз даже выгнал из дому, за то, что пошла на сельские игры без его разрешения.

Удивительная девушка Парашкева! Только за-, слышит барабан — бросит метлу и мчится на площадь. И нет ей равных в народных танцах — хоро и рученице. Полюбилась она скромному, серьезному хлопцу. Звали его Димитром. Был он, как и Парашкева, родом из Македонии. Бежал и он оттуда гол как сокол, скитался по разным местам, работал возчиком, корчмарем, потом стал шапочником, делал хорошие меховые шапки.

Справили шумную, свадьбу. Народу собралось много, ели и пили досыта. Счастливейшая из всех, новобрачная весело отплясывала хоро и рученицу.

— Теперь тебе, Парашкева, пора и успокоиться, — сказал отец. — Нужно уже о муже, а потом и о детях заботиться… А ты, Димитрий, — обратился он к молодому зятю, — люби жену свою! Не женщина это, а золото, настоящая махмудия — золотая монета. Чем больше на нее глядишь, тем красивее кажется…

И домом твоим завертит и детей тебе народит и вырастит.

Такими словами благословил старый отец молодоженов.

В СОФИИ

18 июня 1882 года в селе Ковачевци у Парашкевы и Димитрия родился сын. Назвали его Георгием.

Так и записали в общине: Георгий Димитров.

С прибавлением семейства Димитр увидел, что ему своим ремеслом в селе не прокормиться. Надо подаваться в город. Правда, в то время и в маленьком городе было не бог весть Сколько работы, но все же больше, чем в селе. Решено — сделано: семья Димитра переселилась в соседний городок Радомир.

По утрам радомирские торговцы и ремесленники открывали двери своих лавок, поливали водой перед входом, подметали, садились по-турецки на скамейку и глядели на улицу: не появится ли где покупатель. Всякого, кто переступал порог, приглашали присесть; если же вошедший оставался надолго, то получал чашечку турецкого кофе. Обычно посетитель выпивал кофе и не покупал ничего: или шапка ему казалась дорогой, или мех тощим. Да и какой народ здесь жил! Покупали шапку и носили всю жизнь, да еще завещали ее детям.

В Радомире у Димитра и Парашкевы родилась девочка, назвали ее Магдалиной. Теперь было уже двое детей. Стало ясно, что жизнь уже не будет идти так, как шла до сих пор.

— Для меня, Парашкева, — сказал как-то Димитр, — нет хлеба в Радомире. Надо ехать в Софию. Та м дело другое…

— Как скажешь, Димитр, — ответила Парашкева. — Если решил ехать, так поедем. Слышала я, что наши беженцы там живут лучше.

И они решили переселиться в Софию. Нагрузили тележку багажом, усадили детей и тронулись.

Было это в 1886 году.

Освобожденная восемь лет назад от турецкого ига София быстро росла и украшалась. Улицы расширились, почистились, замостились, появились керосиновые фонари, по улицам прохаживались хорошо одетые люди. Играла музыка, было шумно и весело. Парашкева глядела и не могла наглядеться. Когда из корчмы слышалась музыка, так и хотелось ей соскочить с телеги и завертеться в огненной ручениче… Красивый город! Только бы работу найти…

Остановились в хане — постоялом дворе, построенном еще в далекие турецкие времена. Переночевали, отдохнули от долгого пути. Утром Димитр пошел искать работу. Душа Парашкевы изболелась: то и дело поглядывала она на ворота да ворчала на

детей. Это не Радомир, где все как на ладони. Тут София…

Димитр вернулся под вечер и похвалился, что нанял дом неподалеку от евангелической церкви. Парашкева обрадовалась: целый дом! Взяли вещички и пошли. Но какой же это дом? В нем уже жила куча людей. Тесно, мрачно, душно. В комнату, где им предстояло жить, не было даже отдельного входа, надо было проходить через кухню соседа.

Но что поделаешь, пришлось поселиться в этой норе. Димитр только стиснул зубы и стал ждать того времени, когда твердо встанет на ноги и обзаведется собственным домом.

Но когда он встанет на ноги? Люди здесь носят модные шляпы, их не интересуют меховые шапки. Димитр начал шить еще кожухи и шубы.

Все менялось в молодой столице. Маленькие ремесленные мастерские, существовавшие чуть ли не испокон веков, стали гаснуть, как свечи: в мастерских, которые открывались взамен им, тарахтели моторы, и работали там уже не привычные для всех ремесленники, а новые люди — рабочие.

Димитр продолжал с утра до вечера корпеть над иглой. Чтобы спорилась работа, он вызвал из Радомира своего родственника, с которым вместе и повел дело. Худо ли, бедно — хлеб добывался, но одно мучило — нет своего угла. Да и Парашкева постоянно напоминала:

— Здесь нельзя дольше жить. Георгий подрастает, скоро в училище пойдет. Нужно о своем жилье подумать…

В то время в Софии было много бездомных. Нахлынули они со всех концов Македонии и Фракии, все еще пребывавших в руках турецких поработителей. Трудно было бездомным найти место в старой Софии. Поэтому они стали строить дома за городом, в поле. Димитр также взял участок в Ючбунаре, на краю города, и там вместе с родственником построил среди голого поля небольшой низенький дом.

Было это в 1888 году.

Здесь, в этом доме, в бедняцком Ючбунаре, потекли годы юного Георгия.

РАННИЕ ГОДЫ

Домишки бедноты росли на Софийском поле, как грибы. Зимой по равнине гуляли вьюги, весной ее заливали ручьи. Люди воевали с невзгодами и стихиями, но с тягостной своей обыденщиной не находили сил бороться или не знали, как это делать.

По соседству с Димитровыми жили мелкие ремесленники, рабочие. В будни все отправлялись на работу в город, а в праздник заполняли широкие улицы разноголосым гомоном и весельем, заводили на полянах буйные танцы, а иногда и дрались по каким-либо пустячным поводам.

Семейство меховщика Димитра тоже выходило в праздники на поляны поглядеть танцы, послушать музыку. Торжественно бил барабан, играла скрипка, визжал кларнет, и мелкой дробью сыпались удары в бубен. Но вот на землю падали вечерние сумерки, люди разбредались по домам, и бедняцкий квартал засыпал. А на утренней заре люди вновь тянулись в город, чтобы заработать кусок хлеба.

Тяжкой была их жизнь. От зари до позднего вечера работали они в маленьких дымных мастерских, на пыльных табачных складах, таскали грузы на базарах, чистили улицы, батрачили на богатых, а иные скитались без всякой работы. Так проходили дни. А по вечерам собирались в прокуренных корчмах, пили ракию, наливались вином, бранились и кричали, и в этих криках, казалось, хотели вылить свою муку. Часто появлялась полиция для усмирения, и тогда происходили такие побоища, что пробуждался весь квартал. До поздней ночи слышались крики арестованных.

Парашкева приподнималась на постели и через маленькое оконце долго глядела туда, где между домами светился красный огонек полицейского участка. Она крестилась, тихо шепча молитвы, а маленький Георгий, высунувшись из-под одеяла, тихо спрашивал:

— Мама, за что их бьют? Что они сделали?

Молчала мать. Трудно было ей объяснить происходящее на этом божьем свете.

Действительно, за что их бьют? Разве с них недостаточно всяких бед? «Всё против бедняков, — думала Парашкева. — Они за все в ответе». Глубоко вздохнув, она смотрела на сына. Он не спал. Какие мысли не давали покоя этой детской душе? Кто ему все растолкует, объяснит?

Родителей тревожила судьба детей. Что выйдет из них, как отзовется на их душах все то, что они видят вокруг?

Димитр решил обнести дом деревянной оградой, чтобы изолировать детей от влияния улицы. Но когда, как ему казалось он достиг цели, улица со своими криками перешагнула через забор. Димитр предупреждал жену:

— Гляди в оба! Не упусти детей! Пусть чем-нибудь занимаются, не оставляй их без дела.

Парашкева успокаивала:

— Не тревожься, Димитр, ребята послушные.

Но Димитр, зная доброту жены, как-то вечером пришел пораньше и решил сам заняться с детьми.

— Хотите иметь сад?

— Хотим!

Выкопали грядку, посадили цветы. С того вечера маленький Георгий стал заправским садоводом. Никому не доверяя этой работы, — разве только иногда младшей сестренке Магдалине, и то под своим присмотром, — Георгий сам ухаживал за цветами, поливал их. Весной цветы зацвели, загудели над ними пчелы, стало весело и радостно во дворе. Дети почти забыли улицу.

По вечерам Димитр расспрашивал детей, как они провели день, что делали, угощал сладостями, а после ужина заставлял читать молитву и отправлял спать.

Димитр любил говорить;

— Я строгий, но справедливый человек.

И никто не сомневался в его строгости и справедливости. В праздники он собирал семью и читал из библии любимые им псалмы. Как-то вечером, когда Димитр закончил чтение и закрыл библию, Парашкева сказала ему:

— Почему ты не научишь меня читать, Димитр? Как слепая я…

— Научу! — И, не откладывая в долгий ящик, Димитр тут же взялся за дело. Заняв детей орехами, он приступил к обучению жены: — Это «А», а это «Б». Запомни!

Уже съедены орехи и дети пошли спать, а Димитр и Парашкева продолжали листать страницы книги. В комнате было полутемно, маленькая керосиновая лампа догорала, с улицы долетал последний шум.

— На будущий год запишем Георгия в училище, — размышлял вслух Димитр, — хоть ему еще и не подошло время, но все же запишем, чтобы оторвать от улицы… Как научится читать, легче станет. Тогда книги ему подскажут, что делать…

Парашкева слушала мужа, как всегда, внимательно, исполненная к нему доверия и любви. Все, что он говорил, для

нее было самой истиной, и не было для нее другой истины, кроме той, которую исповедовал он…

Перевалило за полночь. Спал Ючбунар. И в этой ночной тиши над бедняцким кварталом распростерли крылья свои лютая тоска да тяжкое горе.

— Мама, мамочка!.. — донеслось откуда-то.

Крик пронизал сердца людей. Проснулись дети и, приподняв испуганно головы, спрашивали:

— Кто кричит, мама?

— Спите, спите! — отвечала Парашкева и плотнее укрывала их одеяльцами. Дети замирали, затаив дыхание, но не засыпали, пока не стихало страдание того, кто кричал в темноте, пока не угасал красный фонарь…

УЧЕНИК

Наступило время ученья. Еще до записи в школу Георгий хвалился:

— Я ученик первого отделения!

Все заботы о новом ученике легли на мать. Первого дня занятий в школе она ожидала не менее взволнованно, чем сын. Сшила сыну куртку, брюки и сумку для книг.

Долгожданный день наступал медленно. Утро только занималось, когда Георгий проснулся. Сбросив одеяло, он соскочил с кровати и кинулся умываться.

— Очень рано, сын, — заметила мать. — Люди еще спят, училище закрыто.

— Не рано. Пока дойдем, как раз и будет время.

Мать не возразила и стала собираться. Проснулась и Лина, поднялся отец, на ноги встал весь дом. Надо спешить, чтобы приготовить и отправить ученика.

А Георгий был уже у ворот. Книжная сумка висела за его спиной.

Какой чудесный день! Роса еще блестела на траве, туман поднимался от реки, и в кустарнике кричали воробьи. Георгий приподнялся на цыпочки и поглядел на улицу. Людей еще не было. Только собака переходила улицу, таща за собой длинный мохнатый хвост. Но сегодня у Георгия мысли были заняты другим, как и у всех учеников первого класса. Он даже не подумал поискать камень. Он только крикнул:

— Пойдем, мама!

— Иду, иду…

И на пороге появилась мать вместе с Линой. Следом вышел отец. Позвал сына, положил ему руки на плечи и сказал:

— В добрый час, сынок. Слушайся учителя, учись.

Георгий загорелся от волнения.

Отец проводил их за ворота и долго глядел вслед. Парашкева держала Лину за руку, а Георгий шел впереди. Сумка с книгами прыгала у него на спине.

Училище св. Климента Охридского находилось далеко, и все же Димитровы пришли туда раньше всех.

Спустя немного времени двор заполнился детьми. Стало шумно и весело. Все направились в учительскую записываться. Вошел туда и Георгий с матерью.

В учительской комнате все было так интересно. У окна висела большая географическая карта, на столе стоял большой

раскрашенный шар, который так и блестел на солнце. У дверей размахивали маятником старинные часы. Георгий стоял как зачарованный — такого он еще никогда не видел. На столе перед учителем Георгий заметил блестящий металлический звонок с шариком наверху. Учитель нажал на шарик, и по комнате разлились сладкие веселые звуки. Дверь открылась, и вошел слуга:

— Слушаю, господин учитель!

— Всех учеников построить по два и ввести в учительскую. Да скажи им, что это не хан, не постоялый двор, а училище.

— Я уже им объяснял, да они не слушают… — стал было оправдываться слуга.

Но учитель подал знак удалиться. Поглядев поверх очков, учитель спросил;

— Ты на очереди, мальчик?

Георгий вздрогнул. За него ответила мать:

— Да, он на очереди.

— Документы! — сказал учитель.

Мать подала метрическое свидетельство. Учитель взял, оглядел его внимательно и, окунув в чернила перо, начал писать: «Георгий Димитров Михайлов…»

Рука учителя дрожала, была она сухая, желтая, разрисованная вспухшими синими жилами. Он писал медленно, точно рисуя каждую букву. Пожелтевшие, обгоревшие От табака усы его свисали и закрывали рот. Лицо во всех направлениях было прорезано морщинами. Георгий пристально рассматривал учителя. Около большого журнала, в который учитель записывал имена учеников, лежала тонкая палка с заостренным концом. Учитель поднял голову и сказал коротко:

— Готово! Следующий!

Парашкева схватила сына и потащила к выходу. Учитель окликнул их:

— Останьтесь на молебен!

— Останемся, учитель, останемся, — ответила мать, выводя сына во двор.

— Для чего эта палка, мама?

— Какая палка?

— На столе учителя.

— Чтобы бить плохих учеников.

— А что значит — плохие ученики?

— Которые не слушаются…

Молебен начался через час. Ученики и родители собрались во дворе, под старым высоким вязом. Здесь они и выслушали молитву.

После молебна Георгий, мать и маленькая Лина отправились в ближайшую лавку купить грифель и грифельную доску. Счастливейший момент дня — грифель и доска в сумке. Всю дорогу Георгий шел молча и только время от времени ощупывал сумку — на месте ли столь дорогие его сердцу предметы.

К обеду вернулись домой. Георгий первым делом повесил над своей кроватью грифельную доску, повесил так высоко, чтобы ее не достала сестренка. В этот день ему не игралось, он помнил, что теперь он ученик первого класса.

НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Семья Димитрова росла. Родились Никола и Любомир. Двор наполнился шумом и криком. Парашкева едва успевала вести хозяйство: чинить одежду, готовить пищу, ткать. И все же никто и никогда не слышал от нее жалобы. Всегда она была чистенькой, с засученными рукавами, гладко зачесанными волосами.

Как самый старший, Георгий помогал матери по хозяйству. Иногда, чтобы только он не бродил по улице, мать заставляла Георгия вязать чулки. Он все исполнял беспрекословно. Находил время поработать и на грядках го дворе. Кроме цветов, теперь появились лук, картофель, петрушка…

Счастливая мать!

Дети слушались ее, помогали ей. Старшие нянчили младших, старались заменить им мать, в чем только могли. Георгий опекал Лину и меньших братьев, защищал их на улице от драчунов. Одним словом, он скоро почувствовал себя взрослым. Но иногда случалась и беда… Метил камнем в собаку, а попал в соседское окно; возвращаясь из пекарни, уронил наземь противень с пирогом — и только потому, что хотел нести его на голове; как-то влепил в прохожего мячом… Да что только не случается с мальчишками! Разве не за это взрослые треплют их за уши? Георгий не скрывал своей вины и принимал наказание как заслуженное, и это нравилось строгому отцу. А мать, нежно глядя на сына, восклицала:

— Очень уж ты непоседливый, сын. Неужели и повзрослев таким же останешься?

Георгий молчал. Как он мог сказать, каким станет, когда вырастет?

А семья все прибывала. Кроме Георгия» Магдалины, Николы и Любомира, появился еще и Костадин. На правах члена семьи поселился у старого Димитра и ученик его Теофил. Это был застенчивый скромный юноша из села Пирдоп. Подружившись с Георгием, он много рассказывал о жизни в родном селе. Георгий любил с ним разговаривать. Часто, уходя в мастерскую отца и усевшись там на скамейке, заводил с Теофилом долгие беседы. Порой Теофил говорил грустно:

— Хорошо тебе, Гого, ты выучишься, станешь учителем, а наше дело — умереть здесь над иглой…

— Почему, Теофил?

— Потому, что мы бедняки… Что может сделать бедный человек? Я хотел учиться, но отец погнал меня на заработки. Кто

за него будет платить долги?

— А ты хочешь учиться?

— Хочу.

— Я тебе дам книги… Любишь ли ты историю?

— Что такое история?

— В ней пишется о греках, римлянах, филистимлянах…

— Принеси.

Георгий на другой день принес книгу. Теофил ее развернул, поглядел картинки, пообещал прочесть от корки до корки, но дальше обещания дело не пошло, он едва прочел две страницы.

— Нет времени, Гого, — оправдывался Теофил, — целый день с иглой. Когда читать? Вечером глаза болят… Так и ослепнуть можно. Да и наша песенка спета, хотя бы ты ученым стал.

И Теофил уходил в свою скорлупку, примирившись с тяжкой судьбой… Это не нравилось Георгию.

— Ты очень пугливый, Теофил.

— Верно, — признавался тот, — я трусливый потому, что бедняк. Бедняка каждый может обидеть…

Это сердило Георгия. Как не стыдно признаваться, что ты труслив!

Как-то вечером читали историю прославленного Ивайлы — пастуха, ставшего народным вождем. Рассказ разволновал Теофила.

— Да, и среди простого народа в старину были большие люди, но теперь их нет… То было другое время…

— А Ботев, Левский, Бенковский! — взрывался Георгий. — Слышал ли ты что о них?

— Нет, — опускал голову Теофил, — не слышал.

Дружба с Теофилом продолжалась недолго. Однажды прибыл его отец и увез сына в Пирдоп. Уехал Теофил — и как в воду канул, словно ростовщик продал его за недоимки вместе с отцом и всеми их пожитками…

Летели годы. Георгия надо было уже определять во второй класс. Врач посоветовал родителям пропустить один год: Георгий был слаб здоровьем, страдал золотухой. Так и сделали. Георгий тяжело перенес разлуку с училищем, но продолжал заниматься дома с надеждой, что на следующий год он вернется. Однако и на следующий год учиться ему не пришлось, только по другой причине: у отца не было денег.

Детей было много. Надо было еще кому-то из семьи начать работать. Самым взрослым был Георгий. Это значило, что теперь пора и ему закатать рукава и впрячься в работу.

Димитр не хотел обучать сына своему ремеслу. Кому сейчас нужны старомодные меховые шапки? На этом деле с голоду

можно умереть… Лучше подумать о чем-то другом. Советовался с разными людьми, но никто не мог придумать ничего надежного.

Георгий сам выбрал себе занятие.

— Отец, — сказал он, — я решил стать печатником. Наборщиком.

Отец не возразил, только спросил:

— Кто тебя этому обучит?

— Сам научусь… Я говорил уже с Йорданом Караивановым, переплетчиком… Замечательное ремесло! Да и книги можно читать всласть…

— Хорошо, — согласился отец, — хочешь стать печатником — становись. Это ремесло не для простых людей… Ум нужен для него.

В сентябре 1894 года Геогрий Димитров поступил учеником наборщика в типографию Николы Пиперова. Вначале мел он в типографии полы, носил воду, как и все ученики, а потом встал за кассу набирать тексты.

РАССВЕТ

Целые дни Георгий проводил в маленькой типографии. Поскольку он был самым младшим, рабочие посылали его по всяким своим делам: то принести попить, то сбегать за табаком, то убрать мусор около касс. Георгий все исполнял старательно, прислушивался к советам старых рабочих, учился у них.

Обычно в типографии велись разговоры о событиях дня, о газетных и журнальных новостях.

В ту пору в Болгарии стали раздаваться голоса за правду, за братство и равноправие, за восьмичасовой рабочий день. Газеты писали, что старые ремесла и первобытное земледелие гибнут, что в стране нужно развивать индустрию, строить большие мастерские и фабрики, вводить новые способы обработки земли.

Молодые люди, побывавшие за пределами Болгарии, возвращались пламенными проповедниками идей Маркса и Энгельса, утверждали, что страна уже пошла по пути капиталистического развития, а это неизбежно порождает острую классовую борьбу.

Велись споры. Одни говорили:

— Мы все социалисты, но в Болгарии нет почвы для социализма, потому что нет бедных, каждый имеет свою ниву, виноградник, дом; у нас нет рабочих…

Другие отвечали:

— Верно, что в Болгарии еще нет рабочего движения, но рано или поздно оно появится, само развитие человеческого общества неизбежно ведет к социализму, и наша страна будет развиваться в том же направлении, в каком развиваются другие передовые страны, она уже встала на этот путь. Никто не может остановить идей социализма, как никто не может остановить развитие жизни.

«19 июля вечером, — писал Димитр Благоев, основоположник социалистического движения в Болгарии, — под вековыми буками на Балканах, в сотне метров от места, где пали Хаджи Димитр и Стефан Караджа и где каждый год 20 июля собираются жители окрестных сел почтить память погибших на Бузлудже героев восстания, около большого костра расположилась группа людей… Это были прибывшие из Казанлыка и далеких городов участники конгресса. Они ожидали прибытия участников конгресса из ближайших мест, которые рано утром 20 июля и начали прибывать…»

И дальше:

«Выбор Бузлуджи и 20 июля для созыва первого социалистического съезда был не случаен. То было время, когда не разрешались никакие открытые собрания, а тайным собраниям можно было приписать обвинение в заговоре против «державы», т. е. против тогдашнего режима. Угроза преследования заставляла социалистов скрывать свои первые социалистические собрания; социалистическое движение не получило еще права гражданства… Бузлуджанский конгресс должен был решить вопросы, которые были подняты на тырновском собрании; оставалось их обсудить и принять окончательное решение[1]. Прежде всего здесь надо было решить вопрос, выходить ли открыто как социалистическая организация… После подробных объяснений, сделанных тырновцами перед конгрессом, последний единодушно решил присвоить организации название: «Болгарская социал-демократическая партия».

Димитр Благоев заканчивает:

«…20 июля, в полдень, удовлетворенные проделанным на Бузлуджанском конгрессе, с сияющими лицами от сознания, что в этот день под вековыми буками на старом Балкане заложили основы «социал: демократической партии» Болгарии, южноболгарские и североболгарские участники конгресса горячо пожали друг другу руки и с пожеланиями смелой и энергичной общей деятельности во имя великих идеалов, которые их объединяют, с надеждой увидеться на следующем конгрессе расстались».

Так 20 июля 1891 года создалась Болгарская социал-демократическая партия во главе с Димитром Благоевым — Дедом[2].

Первых социалистов было мало числом, но это были восторженные и смелые люди, которых не удовлетворяло спокойствие старого общества ремесленников и новых богачей.

— Уничтожьте этих развратителей молодежи! — кричали в злобном хоре ростовщики, торговцы и капиталисты. — Уберите этих безбожников! Залечите эту язву!

Враги задыхались от злобы.

— Социалисты, — вопили они, — не признают семьи! Социалисты считают, что все должно быть общим: и деньги, и имущество, и женщины!.. Социалисты не хотят работать, поэтому проповедуют равенство. Они хотят заставить всех есть из общего котла…

Молодые люди прогрессивного склада держались независимо. На улицах и площадях заводили горячие споры, разоблачали перепугавшихся мещан, предвещали гибель буржуазного строя. Новая молодежь выделялась и внешним своим

обликом: длинные до плеч волосы, бородатые лица, широкополые шляпы, небрежно завязанные широкие галстуки, в руках — толстые палки.

Мещане презрительно называли таких молодых людей «драками» — задирами, «ослиной колючкой», «жаворонками». Когда же в споре с ними мещанам не хватало обидных слов, они отводили молодых людей в полицейский участок и там довершали «идейный» спор…

Трудно и страшно идти через темный лес невежества и злобы. Тяжко было первым, тем, которым предстояло проложить путь через непроходимую политическую темноту.

В то время вышла брошюра Димитра Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?». Она вызвала оживленные споры и разговоры среди рабочих и прогрессивной интеллигенции страны. Она указывала болгарским рабочим путь к правде[3].

РЕДАКТОР-РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ

Одним из близких друзей Георгия Димитрова в то время был переплетчик Иордан Караиванов, социалист, задорный молодой человек, не боящийся ничего.

Переплетная мастерская, где работал Караиванов, находилась около типографии. Каждый вечер после работы Йордан открывал двери типографии и звал приятеля на прогулку. Любили они побродить по городу, побеседовать, пошутить.

Однажды в летний вечер два Друга отправились в городской сад. Как все здесь, в центре столицы, не похоже на рабочий квартал Ючбунар! Яркие фонари, нарядные женщины. Рестораны, полные веселящихся господ.

А в городском саду — своя прелесть. Вечерний воздух, напоенный ароматами цветов, казалось, звенел от шума листвы. Слышался плеск фонтана — изваянная из мрамора богиня высоко поднятой рукой метала ввысь струи воды. И, конечно, вокруг фонтана гуляли влюбленные.

Неподалеку от фонтана на деревянной скамье устроились и Георгий с Йорданом. Сидели молча, наслаждались летним вечером. Только иногда, когда мимо проходили вызывающе разодетые женщины и их богатые кавалеры, Йордан не выдерживал и бросал колючие поговорки. Георгию нравилась эта злая ирония друга, она его веселила, забавляла.

Иордан вспомнил о книгах, которые он недавно прочел, и стал рассказывать о них. Затем принялся читать стихи, в которых было много страшных слов против буржуазии. Временами он увлекался и говорил так горячо, так вдохновенно, будто слушали его тысячи людей, а не один человек, да и тот ученик типографии господина Пиперова…

— Согласно учению Карла Маркса, — говорил Иордан, — будущее принадлежит рабочему классу, а не господину Пиперову — хозяину типографии. Четвертое сословие выметет в мусорную яму третье сословие, и после того начнется строительство новой жизни… Значит, нужна борьба. А борьба требует знаний. Значит, надо читать.

Георгии слушал задумчиво.

— Конечно, — продолжал Йордан, — мы с тобой не можем закончить училище, но есть более высокая школа, чем самое высшее учебное заведение, — это жизнь… Читал ли ты «Что такое социализм?»? Не читал. А «Наемный труд и капитал» Карла Маркса? Тоже нет. А надо читать, брат. Да, читать. Понятно?

Георгий стыдливо молчал. Йордан пригласил его к себе домой, предложил дать книги.

— Пойдем, увидишь, в каких палатах я живу, — Йордан схватил Георгия за руку и увлек за собой.

«Палата» Караиванова находилась на чердаке. Было там темно, душно и пахло чесноком. Йордан зажег керосиновую лампу и открыл окно. Бледный свет осветил низкую деревянную кровать, на которой лежал подмастерье, земляк Караиванова. У кровати стоял покосившийся стол, на котором виднелись остатки ужина — чесночная кожура, соль и кусочек пожелтевшего сыра. Йордан накрыл спящего сползшим было одеялом и тихо сказал Георгию:

— И мы думаем, что живем. Да пропади она, такая жизнь!

Через открытое окно потянул свежий ветерок и зашелестел листом газеты, которой был накрыт стол. Где-то далеко прозвенел звонок запоздавшего фаэтона, послышался конский топот, и опять все замерло Только похрапывал спящий подмастерье.

— Иногда мне хочется, — заговорил снова Караиванов, — сесть и описать всю вот эту нашу жизнь… Описать, как живет рабочий… И как живут богачи…

Он подпер голову рукой, опиравшейся на стол, и стал теребить буйные свои волосы. Ветерок играл упавшими на лицо прядями. Караиванов задумчиво глядел в окно, за которым виднелся кусок звездного неба.

— Знаешь, Гьоре, какой чудный рассказ можно написать… «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Здорово!

— Да, Караиванов, — ответил Георгий, — ты и раньше рассказывал о своих планах, но ничего что-то из них не выходит…

— Прав ты, нужны дела! Я быстро загораюсь, брат, и быстро гасну.

Караиванов повернулся к полке, на которой лежало несколько книжиц, взял одну и сказал:

— Видишь, что здесь написано?

Георгий поглядел через плечо Караиванова, а тот начал читать:

— «…Пусть изменчивая мода нам говорит, что «страдания народа» — старая тема и что поэзия должна ее забыть. Не верьте, молодые люди, она не стареет! О, если бы могли годы ее состарить! Расцвел бы тогда мир!..»

Взволнованный Георгий встал. Караиванов, все больше воодушевляясь, продолжал читать:

— «Посвятил я лиру свою народу. И, может быть, я умру, не узнанный им… Но я ему служил, и сердце мое спокойно».

Караиванов читал еще долго, а потом, потрясая кулаком, сказал:

— Вот это называется писатель!

— Кто он?

— Некрасов, русский писатель. Но есть и другой, как он, — Чернышевский.

— У тебя есть что-нибудь написанное? — спросил Георгий.

— Нет, я еще ничего не написал, но все у меня в голове. Каждый момент могу сесть и написать.

— Интересно. Напиши…

— Нет смысла, Гьоре, кто напечатает?

— Найдем! Можем издать газету, я ее наберу. Я уже давно взял на прицел нашего попа.

— Я тебе дам поговорки, хочешь? У попа просить хлеба, что у мертвеца слез. Из попа — святого, из редиски — соления, из монаха соседа не сделаешь. Ну как, подходит?

— Чудесно. Остается придумать название для газеты.

— Сейчас же этим и займемся, — подхватил Караиванов. — Я тебя не выпущу, пока не придумаем.

— Уже придумал, боюсь только, не смешно ли будет.

— Говори.

— Назовем, к примеру, «Кукареку».

— Чудесно!

Захваченные своей выдумкой, друзья тут же начали составлять макет будущей газеты. Поскольку Георгий имел уже опыт, он указывал место передовой статьи, фельетона. Караиванов, потирая руки, только восклицал:

— Чудесно! Чудесно!

Через неделю газета «Кукареку» вышла в свет. Редактор хоть и претерпел много мук и злоключений, но слово сдержал — газету выпустил в срок. Понятно, что тираж был ограниченным — только для самой отборной публики: для рабочих типографии и переплетной мастерской, а также для соседей по кварталу Ючбунар.

Все читали с большим интересом. Караиванов сиял.

Радовался и Георгий, но радость была непродолжительной. Неизвестно какими путями «Кукареку» попала в руки квартального священника, осмеянного в «Кукареку». Неприятности посыпались на голову редактора. Священник пожаловался отцу. Сначала Димитр не обратил внимания, считая, что это просто мальчишеская забава, но, когда узнал, что священник хочет обратиться в суд, вызвал сына и строго спросил:

— Нет у тебя другого дела, Георгий?

— Я ничего не выдумал, отец, я написал только правду.

— Какую правду?

— Он напился, отец! Пьет вино…

— Доктор ему прописал… Пьет за царя…

— Покажи рецепт.

— Хватит. Едва уговорил его не подавать в суд. Иди занимайся своим делом и в другой раз не задирай людей. Ты их не исправишь.

— Мы еще увидим, кто их исправит…

Георгий вышел из мастерской отца с твердым решением выпустить второй номер «Кукареку». Но этому не суждено было осуществиться. Караиванов ушел из переплетной мастерской, уехал в село и в город уже не вернулся. Долго после этого друзья обменивались пламенными письмами, в которых клялись остаться верными справедливости.

Письма приходили все реже, пока совсем не прекратились. Но любовь к книге, страсть к литературе, тяга выйти из стоячего болота мещанского быта и сделать что-то великое во имя красивой, благородной и прекрасной жизни — все это, завещанное неспокойным переплетчиком Йорданом Караивановым, осталось навсегда у молодого Димитрова.

Димитров продолжал работать наборщиком, но уже не был тем мальцом, незаметным подметальщиком и учеником, каким еще недавно сюда поступил. Теперь старые рабочие смотрели на него с уважением и слушали его внимательно. Он часто вступал в их оживленные разговоры.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Как всегда, так и в этот вечер люди Ючбунара раненько вернулись в свои домишки, поужинали и легли спать, чтобы с рассветом быть опять на ногах.

Улицы опустели, только из ближайшей корчмы долетали голоса пьяных, но к полуночи и пьяные разбрелись и над кварталом опустилась привычная глубокая тишина и непроглядная темь. Лишь перед полицейским участком, как обычно, тускло горел красный фонарь.

Светилось оконце и в доме на Ополченской улице. Соседи знали, что свет льется из комнаты Георгия Димитрова. Просыпаясь среди ночи, они говорили: «Георгий все еще читает».

Что не давало спать Георгию в те ночи? Что так пленило его сердце?

Чтобы не беспокоить родителей, он перебрался спать в подвальную комнату. Небольшой стол и низкая деревянная кровать составляли всю ее мебель. Над кроватью Георгий повесил календарь, на котором написал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С некоторого времени он увлекся книгой, которую постоянно носил с собой. Отец и мать не раз спрашивали, что он читает,

— Книгу! — отвечал коротко Георгий и вновь склонялся над пожелтевшими страницами.

— Мы видим, что книгу, а не кирпич.

— Роман.

— Роман?..

Впервые родители слышали это слово. Георгий произнес его торжественно, а отец подумал: «Большими делами занят наш сын», — и сказал доброжелательно:

— Читай, только не испорти глаза.

…В подвале тихо, чуть попахивает керосином от горящей лампы, но Георгий не замечает ничего. Он весь унесся в другой мир, разговаривает с другими людьми: Верой Павловной, Кирсановым, Лопуховым, Рахметовым. Он взволнован необыкновенными их мечтами жить коллективно, бороться за радостный и свободный труд, за освобождение людей от тирании и эксплуатации, темноты, невежества.

Перевалило за полночь. Мать проснулась, приподнялась на постели и прислушалась. Из подвала ей послышался шум. «Что случилось?» Открыла дверь и опять прислушалась. Кто-то ходит по комнате, разговаривает.

— Димитр!

Муж протер глаза, поглядел на испуганную жену:

— Что случилось?

— Кто-то внизу у Георгия говорит…

Димитр встал, накинул епанчу, взял на всякий случай старинный турецкий пистолет. Осторожно спустившись по лестнице, приложил ухо к двери, прислушался. Действительно, кто-то ходит от окна к двери, а сын громко говорит:

— «Ты видишь ли, проницательный читатель, что я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то ведь ты, пожалуй, и не поймешь сам-то; да, недурные люди. Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы».

Голос стих, а затем зазвучал еще громче:

— «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат, это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Потеряв терпенье, отец постучался:

— Отвори!

Щелкнул замок, дверь отворилась. Перед изумленным отцом предстал сын с книгой в руках.

— Кто был здесь?

— Никого!

— А с кем разговаривал?

Сын усмехнулся и сказал:

— С Рахметовым!

— Рахметов? Где он?

— Здесь он! — Георгий, улыбнувшись, показал на книгу.

Утром мать, придя будить сына, нашла его спящим за столом, над книгой. Лампа еще горела, и свет ее растворялся в первых солнечных лучах, пробившихся через оконце.

Об этой книге стала говорить вся семья. Георгий заявил, что он станет следовать примеру Рахметова. По Рахметову, говорил он, каждый, кто хочет стать сильным и волевым, должен закалять себя в огне и пламени. Рахметов вбил гвозди в кровать и спал на них. Рахметов спасал несчастных, рискуя собственной жизнью. Рахметов бичевал людей за совершенные ими ошибки. Рахметов жил суровой спартанской жизнью, потому что чувствовал великое свое призвание — сделать жизнь человеческую красивой и счастливой. Таков был Рахметов. Особенный человек, исключительный человек, соль земли, двигатель двигателей!

Георгий объяснял своим близким, почему он стремится стать таким, как Рахметов. Быть таким, как Рахметов, говорил он, это значит бороться за такую жизнь, в которой все красиво, так красиво, как это описано у Чернышевского:

«…Золотистым отливом сияет нива; покрыто цветами поле, развертываются сотни, тысячи цветов на кустарнике, опоясывающем поле, зеленеет и шепчет подымающийся за кустарником лес, и он весь пестреет цветами; аромат несется с нивы, с луга, из кустарника, от наполняющих лес цветов; порхают по веткам птицы, и тысячи голосов несутся от ветвей вместе с ароматом, и за нивою, за лугом, за кустарником, лесом опять виднеются такие же сияющие золотом нивы, покрытые цветами луга, покрытые цветами кустарники до дальних гор, покрытых лесом, озаренным солнцем… И льется песня радости и неги, любви и добра из груди — «о земля! о нега! о любовь! о любовь, золотая, прекрасная, как утренние облака над вершинами тех гор!»

— Такая жизнь нам нужна, — воскликнул Георгий, — а не как это вонючее болото! Мы должны готовиться к будущему![4]

«…Говори же всем, — призывал Чернышевский, — будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести».

— Все это хорошо, — отвечали близкие Георгия, — но что можем сделать мы, обыкновенные люди, простые рабочие?

— В этой книге сказано, что делать… Я уже избрал свой путь.

— Помню я Георгия еще молодым наборщиком, — рассказывал его товарищ по работе Борис Кожухаров. — Все свое свободное время он отдавал чтению. В обеденный перерыв, который у нас продолжался полтора часа, Георгий не уходил из типографии, а, устроившись где-нибудь у наборных касс, окунался в чтение. Из карманов его всегда торчали книги. И набирал он рукописи не механически, а вчитывался в них, старался понять, о чем в них говорится.

Димитр Дончев, несколько месяцев проживший с Димитровым в его подвальной комнатке, вспоминал:

— Мы возвращались из клуба Общества рабочих-печатников часов в десять-одиннадцать вечера. Я ложился спать, а Георгий усаживался за книгу. Бывало, встанешь утром, а его нет в комнате. Находил я его во дворе, в садике, конечно, с книгой.

Здесь он читал до ухода на работу.

Товарищи, заметив страсть Димитрова к книге, поручили ему создать библиотеку при клубе Общества рабочих-печатников. Димитров стал и ее первым библиотекарем.

В 1948 году в беседе с болгарскими пионерами Димитров так говорил о том периоде своей жизни:

— В типографии я работал десять-двенадцать часов в день, а вечером, когда усталым возвращался домой, всегда занимался. Читал все без разбора, без программы, без руководителя… Так я работал годы подряд.

ДЕД И МАСТЕР

«Роман «Что делать?», — писал Г. Димитров в 1935 году, — еще 35 лет назад оказал на меня лично, как молодого рабочего, делавшего тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние. И должен сказать: ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое бы так сильно повлияло на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского. Моим любимцем был в особенности Рахметов. Я ставил себе целью быть твердым, выдержанным, неустрашимым, самоотверженным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса — одним словом, быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского».

В те далекие времена Димитров особенно жадно тянулся к тем книгам, газетам, журналам, которые распространяли социалисты. На полке в его подвальной комнатушке появились «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, книги Д. Благоева «Наши апостолы», «Социализм и задачи болгарского рабочего класса», благоевский теоретический журнал «Ново време».

Еще совсем молодым он становится активистом Софийского общества рабочих-печатников, членом правления, а позже — казначеем. Он всегда среди рабочих: вместе с ними на собраниях, на воскресных вылазках в горы. Уже тогда в газете софийских полиграфистов появились такие строки:

«Правление общества благодарит товарища Георгия Димитрова за его усердное исполнение обязанностей казначея и члена правления…» Он уже сам выступает в печати. Он неутомимо готовится к большому и трудному пути, который ему предстоит. И путь этот, естественно, вел его в партию, в которую он и решил вступить в 1902 году.

В тот день маленький клуб партии был переполнен рабочими, ремесленниками, студентами. Димитров сидел где-то в последних рядах, серьезный, сосредоточенный. Он пытался скрыть волнение, охватившее его. А тут еще, как на грех, Вылчо Орачев, один из его поручителей, запаздывал.

Председатель собрания, водворив тишину, объявил, что поступило заявление от типографского рабочего Георгия Димитрова с просьбой о приеме в партию. Председатель прочел заявление и спросил, есть ли вопросы. Хотя большинство

присутствовавших знало подавшего заявление, все же им хотелось порасспросить его, чтобы не подумалось ему, что легко перешагнуть высокий и трудный порог в партию. Расспрашивали о профессии отца, об убеждениях брата его Николая, сестры Магдалины, вообще о всей семье. Димитров отвечал коротко, спокойно. Председатель уже было собирался перейти к голосованию, как неожиданно последовал вопрос:

— Пусть товарищ Димитров скажет нам: почему он хочет стать членом именно нашей, социал-демократической партии, что его привлекает в ней?

Димитров поднялся, оглядел сидевших в зале товарищей.

— Я решил стать членом социал-демократической партии, — сказал он, — потому, что, как рабочий, считаю, что только эта партия борется последовательно и верно за интересы рабочего класса, только она единственная выдвинула лозунг за освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации, за улучшение жизни народа. Только под знаменем рабочего класса, объединенного в своем Интернационале, будут осуществлены самые возвышенные идеалы человечества: свобода, братство и равенство!..

Я хочу стать членом партии, потому что глубоко убежден, что рабочий класс может освободиться от эксплуатации не на пути классового компромисса а на революционном пути…

Когда собрание закончилось, знакомые и незнакомые поздравили вновь принятого члена партии.

— Этот хлопец далеко пойдет, — говорили старые партийцы.

Домой Димитров вернулся поздно. Был он взволнован, задумчив. Он понимал, что взял на себя огромную ответственность, став членом партии «Отныне, — думалось ему, — я уже принадлежу не себе, а партии, которая может потребовать от меня всего, даже жизни».

Было ему тогда двадцать лет.

Приближалось лето 1903 года. Партия готовилась к своему X съезду, который должен был состояться в городе Русе. Димитр Благоев решил вместе со своими ближайшими сподвижниками Георгием Кирковым и Гавриилом Георгиевым дать решительное сражение оппортунистически настроенным мелкобуржуазным элементам в партии, которые пытались свернуть партию с ее верного пути идейного и организационного развития[5].

В маленькое клубное помещение на улице Кирилла и Мефодия шли и шли партийцы за инструкциями и информацией. Неутомимый Георгий Кирков, известный под кличкой «Мастер», как управделами партии, превратился в живой центр кипящей борьбы, мудро направляемой Димитром Благоевым, которого

любовно звали «нашим Дедом».

И Дед и Кирков стояли за окончательное размежевание с «общедельцами», с оппортунистами. «Сейчас все на виду, и нет нужды скрывать, что социал-демократическое революционное сознание в партии замутнено и сама партия под тлетворным влиянием «широкого» невежества быстро идет к перерождению… Излишне скрывать зло…» — писал Кирков в журнале «Ново време». Все здоровое, честное готовилось, по выражению Д. Благоева, к «ампутации».

В тот летний день Дед медленно поднялся по узкой деревянной лестнице клуба и вошел в комнату управделами. Пришел он сюда, чтобы просмотреть последнюю корректуру редактируемого им журнала «Ново време». Дед был настолько поглощен своими мыслями, что сел за стол, не сняв шляпы, с привычной палкой в руке. В комнате было тихо, и лишь время от времени сюда долетали звуки песни, которую репетировал хор в нижнем этаже партийного клуба.

Лицо у Деда было уже тронуто морщинами, на грудь свисала длинная патриаршая борода, начинавшая седеть. Лицо его выдавало человека сильной воли и уравновешенной мысли. Родился он в 1856 году в селе Загоричене Костурской околии в Македонии, с молодых лет испытал горечь тяжкой жизни сапожника в Константинополе, табачного работника в Салониках, бедного ученика в Адрианополе, семинариста в Одессе, голодающего студента в Петербурге…

В Петербурге Благоев познакомился с социалистическим движением, с учением Карла Маркса. В 1885 году он был выслан из России как «нежелательный иностранец». Благоев вернулся в Болгарию. Здесь вместе с женой Велой Живковой начал издавать журнал «Съвременнний показател», который положил начало марксистской пропаганде в Болгарии. Гонимый за свои социалистические убеждения из города в город, Благоев разносил семена социализма по всей стране. Он стал «общепризнанным родоначальником марксизма и рабочего социалистического движения в Болгарии, основателем нашей партии».

В 1903 году Благоев находился в расцвете своей политической деятельности, к нему были устремлены взоры болгарских рабочих.

…Просмотрев корректуру, Благоев только тогда заметил, что он не расставался со своей палкой. Улыбнувшись, он прислонил ее к столу и загляделся в раскрытое окно. Ветер легонечко играл его бородой, освежал усталое лицо.

Было о чем задуматься Деду. В памяти всплыли споры с мелкобуржуазными интеллигентами, которые хотели

выхолостить из партии ее классовый характер, превратить ее в сборище отвлеченных гуманистов и проповедников, широко раскрыть двери партии для всех желающих. Совсем недавно пятьдесят человек из софийской организации отделились от широких и просили Центральный Комитет признать их за подлинную социал-демократическую организацию[6].

Вспомнив все это, Благоев нахмурился. «На этот раз надо обязательно разделиться, — сказал он себе, — никаких компромиссов, никаких уступок! Печатники подали пример…»

Дверь открылась, и в комнату вошел Мастер — Кирков. Был он тоже утомлен, тяжело дышал. Бросил портфель на стол, вытер пот с лица и, взглянув на неубранные листы корректуры, радостно спросил:

— Выйдет к съезду?

— Должно выйти, — ответил Дед. Помолчав, он добавил: — А как наша молодежь? Готовится?

— Настроение отличное, — ответил Кирков, — одного только недостает — кадров. Кадров, вышедших из рядов самого рабочего класса.

— Да, это серьезная наша слабость, — согласился Благоев. — А что ты скажешь о наших оппортунистах? Далеко ли они уйдут по тому пути, по которому пошли?

— Не дальше как до дверей парламента, — ответил Кирков.

— И я так думаю… Это их цель — стать лакеями буржуазии. — Благоев поморщился и добавил: — Впрочем, это не может быть для нас безразличным, они ловкие демагоги.

Кирков занялся только что полученной почтой, делал какие-то пометки карандашом, но и одновременно внимательно слушал Благоева.

— Первая и важнейшая задача партии, прежде чем обратиться к более широкой деятельности, — говорил Благоев, — это укрепиться в своей естественной среде — рабочем классе. Основой и передовым отрядом социализма должен быть никакой иной класс или прослойка, кроме как рабочий класс. Это должно быть понято всеми, кто хочет бороться за социализм в нашей стране.

— Знаешь, — неожиданно прервал его Кирков, — большинство отклонило резолюцию. Тогда 50 человек, главным образом рабочие, покинули собрание и образовали новую софийскую организацию партии. Среди них был и Георгий Димитров. Событие это привело к окончательному расколу партии, из среды рабочих-печатников выявляются надежные молодые люди. Надо кое о ком из них серьезно позаботиться.

— Правильно, Нужно это сделать, и немедленно. Кстати, что

ты скажешь о Димитрове?

— О нем я и думаю, — ответил Кирков, — его имел в виду. Это способный молодой человек, с ясной и здравой мыслью. Хорошо пишет и хорошо говорит. Проявил на профсоюзной работе замечательные организаторские способности.

Благоев одобрительно кивал головой. «Вот что может дать рабочий класс! Неисчерпаемые силы таит он в себе», — подумалось ему в те минуты. А вслух сказал:

— Партия должна стать пролетарской не только в принципе, но и по составу, господствовать в ней должно рабочее большинство.

Благоев поднялся, взял палку и направился к выходу. Кирков вышел его проводить. У лестницы, прощаясь, Благоев спросил:

— Ну, как идет твоя поэзия?

— Идет, товарищ Благоев, — ответил Кирков.

— Слышал, что поют твои песни в клубе. Понравилось мне. И мелодия хороша, и текст хорош.

Благоев попрощался, и его палка застучала по ступеням лестницы. Кирков долго смотрел ему вслед, а затем вернулся и углубился в работу.

Георгий Кирков родился 15 августа 1867 года в городе Плевене. Учился в России в городе Николаеве, затем в Габрове, позже продолжал образование в Вене, откуда вернулся «вдохновленный социалистическими идеями». Вместе с Димитром Благоевым Кирков стал одним из первых организаторов и пламенных агитаторов социалистического движения в Болгарии. Он проявил себя и как темпераментный поэт. Его песни «Вперед, рабочие товарищи» и «Дружная песня сегодня раздается» народ поет и поныне.

— Я имел счастье, — говорил позже Георгий Димитров, — работать вместе с Кирковым в маленькой комнате рабочего клуба как управделами профсоюзного комитета. И, несомненно, это оказало очень благотворное влияние на мое дальнейшее развитие как партийного деятеля. По его инициативе я заменил его в 1906 году на посту секретаря профессионального союза. По его инициативе я был также избран в 1909 году членом Центрального Комитета партии на место тяжело заболевшего Гавриила Георгиева[7].

После исторического X съезда внимание Киркова к Димитрову еще усилилось. В 1903 году произошла чистка партии от так называемых широких социалистов, мелкобуржуазных элементов, оппортунистов, проповедников некой «широкой платформы и деятельности» вместо классовой непримиримости к врагу.

Напряженная работа сильно подорвала здоровье молодого Димитрова. Возникла опасность заболевания туберкулезом. Врачи посоветовали временно переехать в Самоков, где климат здоровее и где работа найдется полегче.

Димитров выехал в Самоков.

В САМОКОВЕ

Димитров сидел рядом с возницей и восхищенно глядел по сторонам. Густой сосновый воздух глубоко проникал в грудь, разливался по всему телу, пьянил. Красотой и здоровьем дышало все вокруг. Он не мог нарадоваться темному лесу и горам. Снежные вершины ослепительно блестели. Возница занимал спутника рассказами о примечательных местах маленького городка:

— Вон там американский пансион. Чуть подальше — болгарское училище.

Димитров не отвечал и не расспрашивал. Он был пленен красотой природы и горной свежестью.

Солнце уходило за лес, розовый свет заливал лицо молодого путника. По деревянному мосту повозка въехала в город. Димитров разглядывал улицу с маленькими лавчонками и радовался, что, наконец, прибыл на место.

Самоков был в то время опрятным, чистым городком, с новыми крашеными домами, большой церковью, которая виднелась издалека, и с чудесной каменной чешмой на главной улице — облицованным камнем источником. Серебристые струи рилской воды бежали из двух ее кранов. За городом простирались поля конопли и картофеля, а выше начинался сосновый лес, темный и загадочный.

Остановились неподалеку от американского училища, у небольшого дома, где была приготовлена квартира. Все здесь, в этом горном городке, было для Димитрова ново, интересно. В первый же вечер он записал в дневнике, что обстановка, которая его окружает, действует на него, как бальзам, что она укрепит здоровье.

В ту первую ночь долго не спалось, одолевали беспокойные мечты молодости, хотелось заглянуть в будущее. Что ждет впереди? Пока что планы, надежды; волнения… Представилось, будто целую ночь скитается он по лесу, читает и поет любимые им песни Ботева, радуется лесу и звездам, слушает, как шумят вершины деревьев… Он был молод, очень молод!

Открыв окно, Георгий прислушался к темноте. Тянул прохладный ветерок, падали крупные светлые звезды, лес окутала тишина. Городок спал, все огоньки погасли. Вдруг в безмолвии летней ночи зазвучала далекая песня, сначала медленно и неуверенно, а потом все яснее и смелее. Димитров прислушался. Песня была близкой, знакомой, хотелось вслед за нежным

женским голосом, лившимся в ночи, подхватить ее:

Солнце всходит и заходит,
а в тюрьме моей темно;
дни и ночи часовые
стерегут мое окно…

Вспомнились София, прогулки с друзьями, вечеринки. Всюду молодые люди пели эту песню. Им слышался в этой песне людей «дна» призыв к красивой жизни, воле и счастью, стремление выбраться из темноты, сделать что-то необыкновенное, большое.

Песнь утонула где-то в лесу, но в душе осталась ее грустная мелодия.

Утром Димитров направился в типографию американского колледжа, заведующим которой был назначен. Вновь он окунулся в привычное типографское дело, но обстановка, в которой он теперь жил, в корне отличалась от софийской. Сосновый воздух, солнце, прогулки в горах — все это и впрямь благотворно влияло на его здоровье. Как и в Софии, он продолжал заниматься самообразованием. Каждый вечер после работы много читал, делал выписки из прочитанного, выписывал незнакомые слова, неясные, трудные для понимания мысли. За разъяснениями шел к местному социалистическому деятелю Борису Хаджисотирову. Вместе с ним создал кружок по изучению марксизма из учеников школы металлистов.

В тетрадях Димитрова тех дней появились такие слова, как; детерминизм, индуктивный метод, добавочная стоимость, цена, диалектика, гегельянство, эмбриональный период, класс в себе, класс для себя… В его дневнике встречались имена: Горький, Некрасов, Чернышевский, Чехов, Белинский, Надсон, Леонид Андреев, Эмиль Золя, Толстой, Достоевский, Гете…

С его помощью создали кружок по изучению марксизма и ученики училища металлистов.

Дни в Самокове шли бурно.

Наступила осень. Пансион американского колледжа вновь заполнили ученики. Вместе с учебным годом начались беседы в воскресной школе. Каждый воскресный день пастор читал нравоучительные проповеди полемического характера — против «новейших материалистических течений».

Беседы в воскресной школе посещались плохо; лекторы читали проповеди монотонно, однообразно; ученикам они осточертели.

Пришел раз и Димитров послушать. В тот день должен был выступать лучший лектор, славившийся в городе своими

ораторскими способностями. Зал был, как никогда, переполнен. Проповедник, худой, с голой, блестящей головой и тщательно выбритым лицом, говорил, стоя на кафедре. Голос его звучал уверенно, время от времени он угрожающе поднимал руки и оглушал изумленных слушателей цитатами. Всем своим поведением он как бы хотел показать, что материалистические теории для него — игрушки. Он расправлялся с ними одним махом, отпуская остроты, над которыми сам же и смеялся. Глядя на распаленного и разгневанного проповедника, неосведомленные думали, что у него личная вражда с Карлом Марксом и Чарлзом Дарвином.

— Буду сейчас цитировать Чарлза Дарвина, — сказал он. — Что, собственно, говорит Чарлз Дарвин, с которым мы уже имели удовольствие полемизировать? Чарлз Дарвин говорит…

Прикрыв глаза, проповедник наизусть цитировал целые абзацы. Публика глядела на него затаив дыхание.

Чарлз Дарвин был уничтожен. Наступил час Карла Маркса.

— А что, собственно, говорит создатель коммунистического евангелия, автор «Капитала» Карл Маркс? Он говорит, что бытие определяет сознание, а не наоборот. А что говорим мы? В главе второй книги «Бытие» сказано; «И создал господь бог человека из горсти земли и вдохнул в чело его дыхание жизни, и стал человек живой душой». И дальше в той же главе сказано: «И говорит господь бог: «Нехорошо человеку оставаться одному, сотворим ему помощника, ему подобного…» И дал господь бог человеку глубокий сон и, когда он заснул, взял у него ребро и вновь заполнил то место плотью. И создал господь бог из ребра, взятого у человека, женщину и привел ее к человеку. И сказал человек: «Это кость от кости моей и плоть от плоти моей, она названа женой, потому что принадлежит мужу своему».

Публика напряженно слушала каждое слово проповедника.

— Что, собственно, говорит Чарлз Дарвин и как обосновывает свою материалистическую теорию Карл Маркс? «Человек, — говорит Дарвин, — произошел от обезьяны». «Материя, — добавляет Карл Маркс, — начало и конец жизни». А что говорим мы?

Проповедник снова прикрыл глаза, скрестил руки на груди и продолжал:

— Бог создал человека по образу и подобию своему… Дух есть начало и конец вселенной…

В комнате стало душно. Открыли окна. Проповедник увлекся. Время от времени он вынимал из кармана платок и вытирал губы. Но вот он сказал «аминь» и ушел с кафедры. Теперь в беседу могли вступить слушатели. Обыкновенно они, смущаясь,

задавали мало вопросов. Некоторые предпочитали уйти и погулять на чистом воздухе. Но в этот день в воскресной школе произошло нечто необычное. Молодой управитель типографии, сидевший в последних рядах, поднялся и спросил:

— Слышал ли лектор о последних открытиях науки в области геологии и знает ли что-нибудь о неандертальском человеке? Это первое. И второе: какие социальные выводы можно сделать из библейской легенды, которая ставит женщину в зависимое от мужчины положение? И может ли это быть оправдано с точки зрения современного общества, которое борется за равноправие женщин во всех областях жизни? Третье: почему лектор ничего не упомянул об эмбриональной теории Эрнста Геккеля, которая так же является неопровержимым доказательством теории Дарвина о происхождении видов, в особенности о происхождении человека? Почему лектор ничего не упомянул о подборе видов в их борьбе за существование и как можно текстом библии что-либо доказать, когда сами эти библейские тексты нуждаются в доказательстве?

Слушатели невольно повернулись к молодому печатнику.

— Откуда взялся такой? — спрашивали они.

Лектор нервно записывал вопросы, надменно усмехаясь.

— Закончили вы свои вопросы? — спросил он Димитрова.

— Закончил.

— Может быть, еще есть у кого вопросы?

— Нет, — ответил кто-то из зала, — хватит и этих.

— Вопросы господина Димитрова не новы для нас. Не впервые мы встречаемся с ними… Впрочем, начнем.

Проповедник взошел на кафедру, раскрыл библию и начал;

— В разделе тридцать восьмом «Деяния апостолов» сказано…

— Ну как же можно доказывать свои тезисы чем-то таким, что само подлежит доказательству? — прервал его Димитров. — Перед вами целая наука с огромным многовековым опытом, а вы хотите словами, написанными неизвестно кем, побороть эту науку…

— Господин Димитров, — повысил голос проповедник, — для нас божественное откровение — это догмы, которые нам доказывают все. Тут вы абсолютно несостоятельны, и я считаю ваш аргумент провокационным… Я просто не понимаю, как наша управа допускает такие богохульные вопросы в присутствии учеников. Прошу вас, господин Димитров, задавать вопросы без издевки над священным писанием. Если вопрос в том, чтобы цитировать труды ученых и философов, то я мог бы процитировать такого философа, как Беркли. Но я считаю излишним отклоняться от нашей прямой задачи. Итак!

Проповедник снова прикрыл глаза, и из уст его вновь

полились цитаты из библии. Наконец, считая свое дело законченным, он закрыл библию и объявил собрание закрытым. Когда слушатели ушли, проповедник отправился к ректору училища и вел с ним продолжительный разговор об опасном оппоненте.

Весь городок заговорил о беседе в воскресной школе. С того дня интерес к лекциям стал заметно повышаться. Зал едва вмещал желающих. Возникали оживленные диспуты. Управа несколько раз просила Димитрова не выступать, но, не добившись своего, наконец, объявила, что для него нет места в типографии.

Димитров остался без работы и вновь перебрался в Софию.

У ШАХТЕРОВ

Семья росла. Теперь в ней уже было восемь детей: Георгий, Магдалина, Никола, Любомир, Костадин, Борис, Тодор и Елена. Большая и веселая семья.

Согнувшись над станком, Парашкева ткала, чтобы одеть детей, мужа и себя. Худенькая, смуглая, с большими черными глазами, с закатанными по локоть рукавами и заткнутым за ухо цветком, она, казалось, всегда была готова к работе и веселью. Все в квартале ее уважали. Шли к ней за советом и просто побеседовать. И всякому она находила доброе слово.

Димитр по целым дням не отрывал головы от иглы. Чинил старые и шил новые шапки. Иногда прихватывал работу и на дом.

Дети, вырастая, уходили учиться ремеслу. Некоторые уже обзавелись своей семьей и отделились. При стариках остались Елена, Костадин и Тодор. Никола уехал в Россию. Устроился переплетчиком в Одессе. Он хотел работать и учиться. Но царские жандармы арестовали его за революционную деятельность и выслали в Сибирь. Перепуганный отец пытался ходатайствовать об освобождении сына, но он ответил ему из тюрьмы: «Отец, если ты хочешь, чтобы я покончил самоубийством, то принимай меры к моему освобождению… Я не преступник, чтобы просить милость у царя». Никола умер в Сибири от туберкулеза накануне Октябрьской революции, в 1917 году.

Вернувшись из Самокова, Георгий продолжал работать в типографии. Жил у родителей, но был уже самостоятельным, независимым членом семьи. Общественная и политическая деятельность занимала центральное место в его жизни, и это не удивляло никого. Сначала он был избран членом контрольной комиссии профсоюза рабочих-печатников, где развил большую деятельность. Вслед за этим, в 1904 и 1905 годах, стал секретарем софийской партийной организации. В то же время он был избран и управделами Общего рабочего профессионального союза Болгарии. Вот тогда-то Димитров и работал в маленькой комнате партийного клуба вместе с Георгием Кирковым.

Каждый вечер Димитров допоздна проводил в партийном клубе: дела, собрания, встречи, разговоры. Времени не хватало. Для статей и докладов приходилось прихватывать ночные часы. В эти часы Георгию часто помогала его сестра Магдалина, Она писала, а Георгий диктовал.

В 1905 году вспыхнула первая русская революция. Русские рабочие и крестьяне поднялись, чтобы сбросить царя, кровопийцу

и мучителя народа. Русская революция послужила примером рабочим многих стран. Поднялись на борьбу с тиранами и болгарские рабочие. Стали смелее требовать от хозяев повышения заработной платы, улучшения жилищных условий, человеческого обращения, восьмичасового рабочего дня. Стачки заполыхали по всей Болгарии[8].

18 июня 1906 года в Пернике началась большая стачка шахтеров. Перник тогда тонул в дыму и чаду, угольной пыли и шлаке. Людям жилось тяжко. Каждый год из близлежащих сел сюда приходили в поисках работы молодые здоровые крестьянские парни, а через короткое время работа в шахтах превращала их в дряхлых стариков. Они недоедали, недосыпали, жили в темных, полуразвалившихся лачугах. Ругань начальства, а то и побои сыпались на их головы. Им запрещалось создать свой профессиональный союз, который встал бы на их защиту. И вот 18 июня 1906 года шахтеры вышли из шахт и заявили, что они не вернутся на работу, пока не будут удовлетворены их требования.

В первый же день они обратились в ЦК партии и Общий рабочий профессиональный союз в Софии с просьбой прислать руководителя стачки. Партия и профсоюз направили Георгия Димитрова.

Управлению шахт вначале казалось, что конфликт просто и легко ликвидировать. Но стачка расширялась, негодование росло. Люди ждали посланца партии. Казалось, весь Перник вышел на железнодорожную станцию. Перрон и все вокруг было заполнено народом. Тут были забастовщики, их жены и дети. Все, кто решил умереть или победить.

Вдалеке, со стороны Софии, послышались гудки поезда. Вот уже показались первые вагоны. Народ бросился к полотну железной дороги. Полиция попыталась водворить порядок, но скоро полицейские растворились в толпе; они поняли, что о «порядке» не может быть и речи.

Поезд прибыл. Стоявшие на вокзале с любопытством спрашивали: «Кто он? Где он?» Из последнего вагона вышел молодой человек в фуражке и синем рабочем костюме. Перрон огласился криками «ура». Сотни рук потянулись к посланцу партии. Сняв фуражку, Димитров радостно здоровался с встречавшими его шахтерами. А потом шахтеры подняли его на руки и понесли на площадь за вокзалом. Там он, встав на высокую платформу, обратился к людям с речью:

— Дорогие перникские шахтеры! Центральный Комитет Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов и Центральный Комитет Общего рабочего профессионального союза поручили мне поздравить вас с

объявленной стачкой.

Кто-то попытался крикнуть «ура», но Димитров подал знак к спокойствию и продолжил речь. Он говорил о грабеже и произволе хозяев, о нищете, в которой живут и умирают шахтеры. Слова его были простыми, понятными: Люди впервые слушали слова сочувствия и поддержки. Он подчеркивал, как необходима шахтерам своя, рабочая профессиональная организация, которая защищала бы их интересы. ' Напоминал, что борьба будет тяжелой, но ее надо довести до полной победы. Говорил, что в жестокой классовой борьбе им нечего терять, кроме своих цепей, и вновь призывал бороться до конца, до полной победы.

Когда Димитров закончил речь, шахтеры снова подняли его на руки и понесли в центр своего поселка. Пели революционные песни, кричали «ура». По пути к шествию примыкали все новые люди. Конная полиция пыталась вмешаться. Но лавина росла, и уже никакая сила не могла ее остановить.

В тот же день Димитров созвал стачечный комитет и рассмотрел подробно задачи, которые предстояло разрешить стачке.

— Если мы не превратим нашу борьбу в организованную борьбу, если наряду с экономическими вопросами не поставим и политические, — сказал он, — то наша борьба не даст нужных результатов. Чтобы осуществить поставленные цели, прежде всего вам необходимо образовать свой шахтерский союз, боевую организацию горняков… Вся рабочая Болгария глядит на вас! Никаких колебаний! Никаких уступок! Борьба до конца! Борьба до полной победы!

Тридцать пять дней тяжелой, голодной битвы.

Не уступали шахтеры, не уступала и дирекция шахт.

Кто победит? Димитров поселился в шахтерском поселке, организовал боевой штаб шахтеров. Никто не спускался в шахты. Администрация попыталась набрать в окрестных селах крестьян, чтобы заместить ими стачечников, но крестьяне работать отказались. И даже начали доставлять забастовщикам продукты питания. Это еще больше взбесило хозяев. Начались аресты, избиения, насилия…

4 июля арестовали Димитрова. Град протестов посыпался в министерство внутренних дел. Рабочие своего добились. Димитрова освободили. Стачка продолжалась. Телеграммы, письма, переговоры с дирекцией, министерством — до всего доходили руки Димитрова. Он писал министру внутренних дел: «Рабочая комиссия сделала возможные уступки для Прекращения стачки, согласившись начать работу на основе принятых требований и данных вами обещаний… Сейчас стачечники ждут

вашего ответа. Должен вам напомнить, что, если вы не выполните своих обещаний, рабочие полны решимости непоколебимо продолжать стачку во имя осуществления всех своих требований и даже придут в Софию, чтобы продемонстрировать свою волю, убедить вас и всех других, что шахтная дирекция вас ввела в заблуждение относительно характера забастовки, называя ее «жетварской»[9]. Нет, в этой стачке участвуют все рабочие шахт, она неизбежный результат убийственных условий труда и нетерпимого произвола дирекции…»

Шахтеры добились осуществления своих требований: создали свою профессиональную организацию, основали свою газету, редактором которой стал Георгий Димитров.

XIII съезд партии принял специальную резолюцию о стачке горняков Перника. В ней он приветствовал шахтеров, высказывал свое восхищение их героической борьбой, призывал энергично работать для укрепления своего профсоюза, готовиться через него к еще более славному участию в общей борьбе рабочего класса за торжество его идеала — социализма.

После перникской стачки о Димитрове заговорили по всей Болгарии. Слава молодого рабочего деятеля росла. На XIII съезде партии ему было поручено подготовить резолюции по организационным вопросам, по партийной агитации и пропаганде, А на III съезде Общего рабочего профессионального союза он сделал доклад об организации стачек.

Сорок лет спустя после тех событий, 2 июня 1946 года, Георгий Димитров вновь приехал в Перник, к своим старым друзьям шахтерам. Вспоминая славное прошлое, он говорил им:

— Над Перником висела темная беспросветная ночь. Перник представлял собой небольшое царство тьмы, рабства и страшной нищеты. Шахтеры находились в совершенно бесправном положении, терпели неограниченный произвол и насилие со стороны дирекции шахт, реакционных инженеров и самой реакционной государственной власти… За эти сорок лет наши горняки пережили многое: они имели и успехи и поражения. Они понесли много жертв. Шахтеры Перника не склонили головы и во время фашистского режима. Стиснув зубы, сжав кулаки, они добывали уголь из-под земли, но в то же время вместе с болгарским народом рыли могилу фашистской диктатуре. В исторических событиях 9 сентября шахтеры Перника также принимали самое активное участие.

9 сентября было победой, большой победой для самих шахтеров Перника.

В этом мрачном царстве молодой Димитров первым зажег факел свободы и непримиримой борьбы[10].

ПОДРУГА

Однажды в партийный клуб пришла молодая иностранка. Назвалась она Любицей Ивошевич из сербского города Крагуевац. Была она невысокого роста, худенькая, большие ее глаза излучали тихую грусть. Молодая работница прибыла в Софию в поисках работы. Она была портнихой по дамскому белью. Люди ее профессии были редкостью в молодой болгарской столице. Поступила она на работу в модное ателье в центре города.

В партийном клубе Любица Ивошевич вскоре познакомилась с молодыми социалистами. Это были интересные люди; они много спорили, обсуждали все и вся. Некоторые из них были членами гимнастического общества, другие участвовали в рабочем хоре или оркестре, третьи оказались декламаторами и артистами, четвертые — поэтами. Любица Ивошевич была пленена молодым обществом. Ей были близки мечты этих молодых людей. Она сама увлеклась поэзией. Как-то вечером она прочитала свое стихотворение на сербском языке:

Я темная плебейка, знают все,
Я там, где задыхаются растенья,
В болоте, в нескончаемой росе,
Где не проходят сумерки и тени[11].

Публика удивилась: «Кто она? Откуда?» Поэтесса продолжала читать. Гулом одобрения встречены были ее последние строки:

Я темная плебейка, в горе вся,
Но пусть узнают все, но пусть узнают,
Что, флаг борьбы над мраком тем неся,
Цветком свободы я произрастаю.

Молодая иностранка скоро стала известным и уважаемым человеком в рабочей среде. В клубе ее называли по-дружески Любой. Профессиональная организация портных избрала ее своим секретарем и редактором газеты «Шивашки работник».

Познакомился с ней и Георгий Димитров. Тогда он был совсем молодым. Частые прогулки, которые профессиональная организация устраивала в окрестности Софии, помогли их сближению. Любица Ивошевич выделялась среди работниц. Она

свободно говорила по-немецки, много читала, активно работала в рабочем движении, не жалея ни сил своих, ни молодости. Это в ее стихотворении говорилось:

Пока на земле существуют рабы,
Пока притесненные стонут от гнета,
Все выше взлетать будет знамя борьбы
За счастье, за лучшую жизнь для народа.
И в радостном ритме забьются сердца,
И время настанет, и раб улыбнется, —
В тот день расцветет, чтоб светить до конца,
Над краем свободы свободное солнце[12].

Оставшись сиротой еще девочкой, Любица жила у своей тетки в Крагуеваце. Тяжкой была эта жизнь. Изучив портняжное дело в Вене, Любица решила не возвращаться к тетке, уехать из Сербии. Так Любица оказалась в Софии. Вскоре она стала женою Димитрова.

Старики уступили молодоженам две комнаты в своем доме, покрытом по старому турецкому обычаю черепицей. В чисто прибранном дворе за деревянной оградой росла высокая шелковица. В летний день вся семья любила посидеть в ее тени. Рабочая комната Димитрова была скромно обставлена: стол у окна, на стене — портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса. И книги, книги всюду: на столе, в книжных шкафах — и в комнате и в коридоре. Книги были лучшими друзьями молодой семьи. Кроме болгарских, здесь были книги на русском и немецком языках.

Любица посвятила свою жизнь Димитрову. Она ходила с ним на собрания и митинги, насколько могла, облегчала его жизнь. С ее помощью Димитров изучал немецкий язык.

Через много лет, когда Любицы уже не было в живых, Димитров писал о ней: «В течение четверти века она шла со мной по тернистому пути пролетарского революционера, шла с исключительной твердостью и выдержкой, с непоколебимой верой в правоту дела социализма и с несокрушимой уверенностью в победу этого великого дела».

ПОДЪЕМ

Канцелярия управделами Общего рабочего профессионального союза помещалась в незатейливом здании Рабочего клуба на улице Царь Симеон, в комнатушке, которую в шутку называли «курятником». Кроме стола и стула, на котором сидел секретарь, здесь не было других удобств. Над дверью висели календарь и портрет Карла Маркса. Димитров приходил сюда рано утром. Дел было много: просмотреть почту, протоколы и резолюции собраний, митингов, стачек, побывать среди рабочих. Однако это не мешало ему заниматься еще и самообразованием: на столе его всегда лежали немецкая грамматика, русский словарь, книги по зоологии, ботанике, химии, психологии.

Молодой партийный деятель не раз высказывался среди товарищей по работе об основных задачах партии:

— Основная задача нашей партии — это сохранить независимость молодого рабочего движения от «общедельства», придать рабочему движению ярко выраженный классовый характер. Наша главная задача и цель — привлечь и организовать рождающийся у нас индустриальный рабочий класс. Нам надо создать сильное пролетарское движение в городах, которое будет становым хребтом нашей партии.

Димитров сам же и подавал пример, как осуществлять эти задачи на практике, в самой жизни. Всюду, где были рабочие, где закипала борьба, там был и Димитров: София, Пловдив, Габрово, Варна, Русе, Шумен, шахты «Перник», «Плакалница», «Чорно море»…

О Димитрове говорили всюду: одни с уважением и любовью, другие со злобой и ненавистью. Жизнь в семье Димитровых стала неспокойной. Часто, когда Георгий возвращался с собрания, отец говорил озабоченно:

— Завтра не ходи.

Сын отшучивался:

— До рассвета, отец, никуда не пойду.

Не раз происходили такие разговоры с матерью:

— Не могу я слушать, когда ты говоришь о собраниях, страшно мне.

— Почему страшно, мама? Ведь я там говорю правду.

— Говоришь правду, но люди ее не любят.

— Не люди, а буржуазия не любит, мама. Мы должны высказывать свою правду перед всеми открыто. Пусть все ее

слышат, все поймут нашу правду.

Слово Георгия в семье было веским, с Георгием считались, его уважали братья и сестры. Мать радовало это.

Иногда возникали у Георгия споры с братом Костадином, который было пошел по пути широких социалистов.

— Почему ты идешь против собственных интересов? — говорил ему Георгий. — Можно ли служить и богу и мамоне одновременно? Как ты не можешь понять, что только наш класс, класс рабочих, последовательно борется за социализм? Никакие переговоры с буржуазией, никакие компромиссы с ней, на что готовы идти «общедельцы», нам не помогут. Невозможно достичь того, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Уйди, пока не поздно, от широких. Не делайся охвостьем буржуазии.

Порой в их разговоры вмешивалась мать:

— Не ругайтесь, дети. Все вы одного поля ягодки.

— Ну это, мама, не совсем так. Есть разница между ягодками, — отвечал ей Георгий.

Тогда мать обращалась к другому сыну:

— А ты, Коста, не упорствуй. Иди с Георгием. Нехорошо делиться, ведь братья вы…

— Вот это верно! — подхватывал весело Георгий. — Не должно делиться. Братья мы не только по крови, но и по судьбе…

После таких разговоров Георгий думал о матери: «Умная она, знает, когда и что сказать. Хотя и не все ей понятно в наших делах, но сердцем она с нами, с нашей правдой».

Прошло немного времени, и Коста примкнул к брату. Даже и Лена, самая младшая сестренка, тянулась к Георгию. Ее нередко видели расхаживающей по двору с красным лоскутом на палке. Георгий хватал тогда ее на руки и кричал:

— Браво, Леночка!

— Что раскричался? — вмешивалась мать. — Или и из Лены хочешь сделать знаменосца?

Собрания, на которых выступал Димитров, стали посещаться тайными агентами полиции. За Димитровым установили слежку. Однажды Димитров выступал на собрании в селе Надежда около Софии. Читальный зал был переполнен. Оратор рассказывал об эксплуатации женщин и детей на фабрике, о том, что это ведет к физическому и духовному вырождению трудящихся и к обогащению хозяев.

Пока Димитров говорил, полицейские окружили читальню. Попытались войти, но через толпу не пробраться. Тогда один догадливый полицейский решил влезть через окно. Но окно оказалось за железной решеткой. Полицейский вскочил на подоконник:

— Георгий Димитров, замолчи!

Димитров поглядел на разъяренного полицейского и, улыбнувшись, продолжал беседу. Полицейский вновь закричал:

— Замолчи, Димитров!

— Немного терпения, господин! — ответил Димитров. — Люди пришли послушать меня. Когда закончу, замолчу…

В окне появился второй полицейский, длинноусый, с задранной набекрень фуражкой. Огромными руками он принялся ломать железные прутья решетки, а когда у него из этого ничего не вышло, заревел густым басом:

— Георгий Димитров! Ты арестован! Руки вверх! Ты слышишь?

— Слышу, но имейте терпение, господин старший. Когда закончу, сам выйду… Тогда, если ваша милость захочет поговорить, пожалуйста…

— Будем стрелять!

— Незачем стрелять, господин, еще немного терпения.

В разбитом окне торчали уже четыре полицейские физиономии. Димитров продолжал говорить.

Полицейские утихомирились, слезли с подоконника и стали ждать конца.

Речь продолжалась долго. Усатый полицейский вышел из терпения. Он вновь влез на подоконник и решил действовать. Вынул револьвер и направил его на оратора.

— Замолчишь ли ты, наконец, Димитров?

Оратор обернулся, в лицо его глядело дуло револьвера. Полицейский же ошалело уставился на оратора. Что это? На трибуне стоял совсем незнакомый человек. Полицейский, не веря глазам своим, спросил товарищей:

— Как по-вашему, Димитров это или кто другой?

Ответил оратор:

— Димитров давно ушел. Не пытайтесь его искать, все равно на найдете!

Несколько дней полицейские разыскивали Димитрова. Зашли в дом его. Встретила их мать. Парашкева уже привыкла к таким визитам. И на этот раз она широко раскрыла перед полицейскими двери.

— Пожалуйте! Кого пришли искать?

— Сына твоего.

— У меня много сыновей. Кого именно?

— Ты действительно имеешь много сыновей, но только один из них бездельник и негодник.

— Извините, господин старший, в таком случае и другие сыновья такие же.

— Смотри у меня! — пригрозил стражник и начал обыск.

— Где его скрыла? Говори!

Она показала им комнату, кухню:

— Ищите!

Полицейские лазили под кровать, стучали по старой поржавевшей печке. Наконец мать открыла им чулан, где хранила хлеб, и сказала:

— Посмотрите и сюда, господин начальник, чтобы после не говорили, что мы его укрыли… Смотрите лучше!

— Ты, тетка, кажись, нас разыгрываешь. Гляди, попадешь и ты в тюремную камеру!

— Мы к этому привыкли еще с турецких времен… — ответила Парашкева.

Полицейские продолжали обшаривать каждый угол дома. Один влез на стол и начал саблей прощупывать потолок. Обнаружил темное квадратное отверстие, оттуда потянуло холодом.

— Что там — чердак?

— Чердак.

— Нет ли кого там?

— Проверьте, господин начальник, — сказала Люба, — вот вам и стул, поднимитесь.

Полицейский раздумывал — подниматься или нет.

— Поднимитесь, поднимитесь, господин начальник, — продолжала Люба, — . там не страшно. Разве только паутины много…

— Это ничего, — поддержала Парашкева, — пусть поднимется, чтобы после не говорил, что мы укрываем Георгия… Пусть уж лучше сейчас проверит. Чтобы все чисто было. Пожалуйста! Я помогу…

Полицейский поднялся на стул, сунул голову в отверстие, зажег спичку, огляделся: труба, ржавая жесть да паутина,

— Ничего нет! — буркнул полицейский, соскочив со стула.

— Лучше ищите, господин старший! Всюду посмотрите, чтоб не было потом разговора, — повторяла мать.

— Чудно! Видели же, что он входил в дом…

Полицейские уходили злые. Мать провожала их до калитки, любезная, внимательная. Закрыв калитку, она вернулась в дом.

— Успокойтесь! — шепнула она детям, а сама пошла к окну и долго глядела на улицу, после подала знак Любе: — Вымелись…

Люба поднялась на стол, открыла вход на чердак.

— Выходи!

Димитров спустился. Одежда его была в паутине и пыли.

— Завтра надо уйти в другое место, — сказал он, — могут

вернуться.

Много в те годы случалось разных историй с молодым Димитровым. О многих и сейчас еще вспоминают в Болгарии. Вот одна из них.

Однажды сидел Димитров в корчме за стаканом вина да слушал, о чем говорят люди. Один парень и говорит другому:

— Мой брат видел Димитрова. Слушал, как он говорит. Очень хорошо говорит.

— И я его слушал… Имел отец деньги, учил его, вот он и говорит хорошо. И я бы, если учился, говорил не хуже. Дело это легкое…

— Не так это просто, — возразил другой. — Димитров обыкновенный рабочий, потому его и понимают рабочие. Сейчас он нелегальный. Полиция дает награду за голову его.

— А ты знаешь его?

— Знаю, но, если бы он мне и повстречался, я бы его не выдал. Брат говорил мне: «Если увидишь Димитрова, не выдавай его. Он наш человек. За нас борется».

— А я бы на твоем месте его выдал. Я не сумасшедший человек, чтобы отказаться от денег.

— От таких денег пользы не увидишь!

— Глупости говоришь.

— Не я, а ты глупости порешь…

Началась драка. Люди бросились разнимать. Димитров, оказавшийся ближе всех, встал между дерущимися и сердито сказал:

— Как вам не стыдно! Не думаете ли вы, что Димитров вас похвалил бы, если бы увидел? Вы же одного поля ягодки, зачем вам ссориться?

— А ты кто? — спросил один из дерущихся.

— Это неважно!

— Чего же ты вмешиваешься в чужие дела? — огрызнулся другой. — Мы деремся, у нас и болит.

— А может быть, и у меня болит… Идите садитесь.

И он указал им на стол, на котором стояли недопитые стаканы.

Вспоминают и такую историю. Шел однажды Димитров по улице. Нагнал его старший сержант и сказал:

— Димитров, вы арестованы.

Димитров продолжал путь, будто ничего и не слышал. Старший сержант, следуя по пятам, твердил свое:

— Именем закона вы арестованы.

Прохожие заметили, что происходит что-то неладное.

— Что хочет этот военный от человека? — заговорили вокруг.

Тогда и Димитров остановился и спросил:

— Чего вы хотите, господин старший сержант?

— Именем закона…

— Кто вы такой? Где ваши документы?

— Какие документы? — растерялся сержант.

— На право ареста… Кто вы такой?

— Я старший сержант.

— Может быть, и фельдфебель. Но предъявите документы, иначе я буду требовать вашего ареста за то, что вы беспокоите мирных граждан.

Тем временем на улице собирались прохожие. Кое-кто уже понял, кого хочет арестовать старший сержант. Послышались голоса:

— А имеет ли старший сержант отпускной билет на прогулку по городу?

— Потребуйте от него билет!

— А вот и майор. Господин майор! Здесь пьяный старший сержант. Отправьте его в казарму под арест.

— Я не пьян!

— Лжет он, пьяный. Несет, как из бочки. Арестуйте его, он позорит армию.

Возгласы возмущения усиливались. Подошел майор.

— Успокойтесь, господа. Я задержу старшего сержанта.

Пока прохожие и майор объяснялись с задержанным, Димитров скрылся.

Рассказывают и о таком. Пьяные хулиганы напали на Димитрова и сильно избили. Стояла полночь. Димитров лежал окровавленный на тротуаре. И никого вокруг, кто бы мог помочь. Наконец показался фаэтон. Димитров окликнул. Сонный фаэтонщик остановился.

— Что случилось, брат?

— Можешь ли довезти меня до дому?

— Почему нет! Давай вставай. Или помочь тебе?

— Как хочешь…

— Почему не хотеть, и мне случалось напиваться… это мне не впервой.

— Большую услугу окажешь мне.

— А ты поменьше пей, браток. И я пью, но чтобы так… Переборщил ты… Куда тебя доставить?

— Ополченская, шестьдесят шесть.

— Куда?.. — Фаэтонщик задумался, что-то припоминая. А потом, склонившись над лежащим, сказал: — Прости, брат, ошибся.

Когда прибыли на Ополченскую, фаэтонщик помог пассажиру

сойти и, пожелав ему покойной ночи, тронул лошадей.

— Подожди! — крикнул Димитров. — Получи деньги!

— Я с Димитрова деньги не беру. Покойной ночи!

— Очень уж за тобой гоняются, Георгий, — сказала как-то мать.

— Родила ты меня, мама, в бегстве, потому за мной и гоняются, — отшутился Георгий.

— Очень, видно, ты смирный, потому тебя так и преследуют, — ответила ему в тон мать.

— А разве я не тихий?

— Тебе виднее.

— Эх, мама, ты все их оправдываешь.

— Тех не оправдываю, Георгий, а ты мне дорог.

— И мне люди дороги, потому я и борюсь за них.

— А они думают так, как ты?

— Думают!

— Хорошо, если так…

Мать поглядела прямо в глаза сына — нет, они не обманывают. У этих умных глаз оца всегда спрашивала, и они всегда говорили ей правду. А в этот раз они сказали ей, что ее сын уже принадлежит не только ей, но и всему народу и что народ его любит и защищает, как любит и защищает его она сама, его родная мать.

21 июля 1909 года XVI съезд партии избрал Димитрова членом Центрального Комитета Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов. И с тех пор в продолжение сорока лет он неутомимо работал в руководстве партии как ее верный солдат.

Популярность Димитрова росла, росли и опасности. Летом 1912 года он был арестован и брошен в Черную джамию за то, что назвал одного широкого социалиста шпионом и полицейским агентом. Черная джамия — это старая турецкая тюрьма с виселицей во дворе. Сейчас на том месте небольшой зеленый парк. Но тогда… Димитров в своих письмах из Черной джамии в «Рабочую газету» описал, что представляет собой этот страшный застенок. Народ, читая письма Димитрова, ужасался режимом средневековой турецкой тюрьмы. Прокатились митинги, собрания протестов. И народ добился своего. Димитрова освободили. Выйдя из тюрьмы, Димитров через ту же «Рабочую газету» обратился ко всем тем, кто встал на его защиту:

«Пользуясь случаем, хочу в ответ на многочисленные поздравительные и ободряющие письма и телеграммы, которые я получил от организаций и отдельных товарищей со всей страны, высказать горячую благодарность. Эти живые симпатии и

сочувствия сделали мои тюремные дни, вопреки тысячам тюремных невзгод и унижениям, которым ежедневно подвергается здесь человеческое достоинство, очень легкими и превратили их даже в источник новых «сил для предстоящей работы в пользу нашего великого освободительного дела, службе которому мы все посвятили себя [13].

ВОЙНА

В 1912 году царь Фердинанд с офицерской свитой отправился по стране, чтобы лично проверить, как идет подготовка армии.

С утра до вечера в казармах звенели песни, гремели трубы, крики «ура». Одетые в грубошерстные куртки солдаты кололи тряпичные куклы. Старшие и младшие офицеры, фельдфебели и ефрейторы лихо козыряли, били подчиненных, гоняли на маршах до обалдения и ругались, ругались, ругались… В склады завозили новое обмундирование, пахнувшее нафталином, сгружали ящики с патронами, в пирамиды складывали ружья… Все работало лихорадочно и напряженно. Царь созывал генералов, генералы — офицеров, офицеры — солдат. Произносились громкие речи о «великой и объединенной Болгарии», о страждущих в турецкой неволе христианах, о братьях-рабах в многострадальной Македонии, о «святом деле», которое надо довести до конца. Народ, который испытал турецкое иго, встречал эти призывы воодушевленно. Но речи завершались возгласами «ура» в честь царя и царицы, принцев и принцесс, за благоденствие двора…

Война приближалась… В чьих она интересах?

Крестьяне сжали и убрали в амбары хлеб. На лугах паслись волы и кони. Царские комиссии приходили их осматривать. Крестьяне глядели подозрительно: они уже знали, что означает реквизиция.

Кто предполагал, что все произойдет так быстро и неожиданно?

Фердинанд мечтал пить кофе в турецкой столице. Манию величия ему заботливо привили австрийские правители. Он считал, что настал час принять титул императора. Он уже видел себя на белом коне, слышал гром пушек и крики солдат. Видел, как падают крепостные стены Константинополя и турецкие паши склоняются ниц.

Кто может укротить этого человека?

— Вперед! Смерть или победа! — кричали верноподданные, вопили стамболовисты, народняки[14], широкие социалисты. Чистый народный порыв освободить порабощенных братьев в Македонии заглушался воем шовинистов. Против войны выступала только Болгарская рабочая социал-демократическая партия тесных социалистов. Еще в 1911 году Георгий Димитров писал в своей статье «Надо быть готовыми»: «Националистически и шовинистически настроенная буржуазия ведет к войне, рабочий класс должен объединиться, сомкнуть свои ряды для достижения

мира на Балканах».

15 августа 1912 года был созван XIX съезд партии в городе Русе. Партия на этом съезде заявила, что она «гневно протестует против преступной агитации буржуазных партий за новую войну с Турцией, что такая война сегодня принесет, рабочему классу и народам Балканских стран только страшное разорение, еще большую нищету и новое рабство под игом больших капиталистических держав».

Съезд завершился трехдневными демонстрациями на улицах Русе. На демонстрации вышли горожане и крестьяне из окрестных селений. Перед демонстрантами выступили ораторы. Они агитировали против войны, против безумной политики так называемых «патриотов»… Призывали к образованию балканской федеративной республики[15]. Три дня на улицах Русе звучал «Интернационал», развевались красные знамена, слышались возгласы:

— Долой войну! Мы не хотим войны!

Но война вспыхнула.

Фердинанд и все его окружение, которое кричало, что оно готово умереть во имя победы, послали умирать других. Сами же остались в тылу ожидать падения турецкой столицы — Константинополя.

Но Константинополь не пал. Война с Турцией перешла в войну между союзниками — Болгарией и Сербией. Союзники по войне с Турцией передрались между собой. И это было естественно, так как это была война за интересы эксплуататоров, царей и королей, а не война народа за свое народное дело. Народ мер от холеры и голода в тылу и от пуль на фронте.

В эту тяжкую пору семью Димитрова постигло несчастье. С фронта пришло сообщение о том, что убит сын Костадин. Склонившись над ткацким станком, плакала мать, а старый Димитр в тот день долго не мог продеть нитку в иглу. Он сразу сдал. Через несколько дней слег в постель. Сердце его не могло вынести огромной утраты. Зиму он кое-как продержался. Весной болезнь снова его свалила.

Потеряв одного сына, старый Димитр все больше беспокоился за Георгия. Димитр то и дело поглядывал на дверь и спрашивал;

— Не вернулся ли Георгий?

А Георгий, как на грех, настолько был занят, что не мог бывать дома.

Здоровье отца ухудшалось со дня на день. 5 июня 1913 года Димитр Михайлов скончался. Ночь. В комнате полутемно. Над кроватью тускло светится лампочка. Вокруг молча сидят дети, мать, Люба. Такой тишины еще никогда не было дома. Но вот

скрипнула дверь, и в комнате появился Георгий, бледный, усталый. Никого не спрашивая, он сразу понял, что случилось. Молча подошел ж постели. Да и что можно было сказать в такой час?..

— Очень хотел тебя видеть, — нарушила молчание мать, — все спрашивал о тебе…

— Ты знаешь, какие у меня дела, мама, не мог вовремя прийти. И мне хотелось его увидеть, успокоить в последний его час… Жалко отца, жалко Косту. Надо терпеть, как терпят сейчас многие, в чью жизнь ворвалось столько бедствий…

Послышался стук в окно. Мать спросила:

— Кто?

— Свой, — ответил хриплый голос, — откройте.

Георгий кивнул: «Можно». Люба открыла, и в комнату вошел молодой человек. С фуражки, с пальто его стекала дождевая вода.

— Что случилось? — спросил Георгий.

— Принес важное письмо, товарищ Димитров.

Молодой человек снял фуражку и извлек из нее конверт. Димитров прочел и, ни слова не говоря, начал одеваться. У порога тихо сказал матери:

— Прости, не могу остаться на погребение…

Мать понимающе наклонила голову. Георгий надел кепку, постоял и, обращаясь ко всем, сказал:

— Не плачьте.

Обнял мать и Любу, попрощался с братьями и сестрами и быстро вышел.

Дождь усилился. Димитров поднял воротник пальто и широко зашагал по ночной улице. На душе его было горько. Он думал об отце, о брате, оставившем кости свои где-то на боевом поле.

Ветер яростно хлестал в лицо дождем, пробирал до самых костей. Втянув голову в плечи, зябко кутаясь в пальто, Димитров шагал по притихшему городу, а в голове стучали слова: «Холера и пули!.. Холера и пули!..»

Фабричная сирена гудела над Искырским ущельем. С завода и рудника выходила рабочая смена. Одни шли домой, другие по старой привычке — в соседнюю корчму. Над Елисейной висела густая мгла. Печи, в которых плавилась руда, отбрасывали в мрак снопы света.

По железнодорожной линии шли двое. Шли они со стороны Лютиброда, из горных селений, где проводили собрания. Предстояли парламентские выборы. Это были Георгий Димитров — он возглавлял избирательный список тесных социалистов во Врачанском округе — и его товарищ Ангел Анков, местный

деятель партии тесных социалистов и также кандидат в депутаты.

Добравшись до завода, Димитров и его товарищ поняли, что уже поздно созывать собрание: рабочие разошлись. Решили зайти в корчму, послушать, о чем люди говорят, да и отдохнуть от долгого пути. Перед входом в корчму Димитров предупредил товарища:

— Не надо говорить, кто я. Если будет нужда, выступишь ты.

В корчме было дымно. Пахло табаком и углем. Тускло горела керосиновая лампа. Люди сидели за деревянными столами, стояли у стойки, шумно разговаривали. На вошедших никто не обратил внимания. Димитров выбрал в углу незаметное местечко и пригласил туда товарища. Закусили, прислушались.

Шумит корчма. Есть о чем поговорить накануне выборов. Каждый день сюда приходят агитаторы: и сторонники Радославова[16] и широкие… И только от тесных социалистов еще никто не появлялся.

Димитров слушал, как делились рабочие наболевшим, а потом толкнул локтем друга:

— Возьми слово!

Молодой врачанец, казалось, только того и ждал. Он тут же поднялся, постучал ручкой зонта по столу:

— Прошу внимания, товарищи!

В корчме стихло. Обернувшись к незнакомцу, люди поглядели на него недоверчиво. Кто он? Откуда взялся?

— Я кандидат в депутаты, товарищи! Прошу меня выслушать.

— А-а-а! — загудела корчма. — Смотри ж ты! Кандидат!.. Расскажи об этом своей жинке… А от какой партии?

— Тесняк я! От партии тесных социалистов.

Кое-кто приблизился к столу, у которого стоял Анков.

— Если ты тесняк, то послушаем… если, конечно, не лжешь.

Анков поднялся на стол и начал свою предвыборную речь. Говорил он о трудовом законодательстве, о жизни рабочих, о восьмичасовом рабочем дне… Закончил сообщением, что избирательный список тесных социалистов по Врачанскому округу возглавляет Георгий Димитров, который, будучи сам рабочим, будет защищать интересы рабочих лучшим образом.

Кто-то из толпы спросил:

— А где он?

— Здесь… — неожиданно для самого себя ляпнул Анков.

— Так почему нам его не послушать? Почему таится? Пусть выйдет!

Димитров поднялся, поздоровался. Анков, желая поправить собственную оплошность, сказал было:

— Товарищ Димитров устал, дайте ему отдохнуть. Целый

день ходили по собраниям…

Но толпа нетерпеливо прервала Анкова:

— Ничего! Пусть выступит!

Димитров поднял руку, призывая к тишине.

— Поднимись на стол! Хотим видеть!

Хозяин корчмы, до этого молча наблюдавший за происходящим, забеспокоился. Чего доброго, дойдет до полиции, что его корчма превратилась в гнездо пропаганды социалистов. Выйдя из-за стойки, он крикнул:

— Я не позволю лазить на стол! Он денег стоит. Идите на улицу. Там сколько хотите держите речи. А здесь не позволю!

— Ах, вот как! Агентам Радославова можно, а нам нельзя? Поднимайся на стол, товарищ Димитров! Не слушай его!

— Я вызову полицию!

— Вызывай!

Димитров поднялся на стол.

— Товарищи! — начал он. — Германский агент на Балканах Фердинанд Сакс Кобург Готский хочет сколотить такой парламент, который будет ему послушен и верен и который не будет мешать ему проводить разнузданную политику германского империализма за ваш счет, товарищи, за счет всего болгарского народа… Фердинанд и его камарилья готовят новую бойню для болгарского народа, новую войну, много раз страшнее Балканской, такую, которая утопит в крови весь народ… Мы, тесные социалисты, предупреждаем болгарский народ: война стучится в наши двери. Будем бдительны! Будем бороться против нее! Напряжем все силы и изберем такой парламент, который отстоит рабочие интересы, интересы болгарского народа… Такой парламент, который не позволит вовлечь Болгарию в новую войну!

В корчму приходили все новые и новые люди. Она уже не могла вместить всех. Много желающих послушать Димитрова стояло за дверьми. Когда Димитров кончил речь, с улицы послышалось:

— Скажи и для нас несколько слов, товарищ Димитров!

— Видишь, Анков, мы полагали, что не удастся нам провести собрание, а люди сами его организовали и нас не спросили…

— Глас народный — глас божий, — улыбнулся Анков, — надо подчиниться.

— Надо, — согласился Димитров. — Пойдем!

Вокруг корчмы гудело. Сюда пришли и мужчины и женщины, некоторые привели детей.

Над ущельем висел холодный мрак. Вдали вздымались горные вершины. А у подножья ярко горели огни, слышался шум

машин, в печах плавилась медная руда для иностранных компаний.

В ночной обстановке, окруженный рабочими, Димитров произнес предвыборную речь, которая надолго запомнилась жителям Елисейны.

Когда уже замолк Димитров и люди стали кричать «ура», в темноте раздался выстрел, за ним другой. Рабочие мигом взялись за руки и плотной стеной окружили Димитрова. В сопровождении рабочих Димитров направился в поселок, где и переночевал в доме рудокопа. На другой день, после нового большого собрания, Димитров направился в село Вылчи дол.

Сорок рабочих неотступно следовали за ним, оберегая его от царских банд, бродивших по этим местам в дни подготовки к выборам[17].

НОВАЯ ВОЙНА

24 ноября 1913 года Георгий Димитров был избран депутатом в Народное собрание от Врачанского округа. Шел ему тогда тридцать первый год, и был он самым молодым депутатом в Народном собрании, первым рабочим в Юго-Восточной Европе, избранным в парламент рабочим классом.

Болгарская рабочая социал-демократическая партия тесных социалистов уже имела крепкое парламентское ядро: с избранием в парламент Димитрова оно укрепилось еще больше.

Обычно деятельность этой парламентской группы была направлена против бесправия рабочего класса, против дороговизны, в защиту женского труда, за создание трудового законодательства. Но в эти тяжкие годы важнейшей задачей было вести упорную борьбу против планов правительства вызвать новую опустошительную войну.

Еще не заросли раны двух войн[18]. Еще пахло гарью пожарищ и стонали раненые. На окраине Софии за колючей проволокой содержались голодные, голые, босые военнопленные сербы. Димитров, как депутат, несколько раз навещал пленных. И они с нетерпением ожидали каждого его появления. Сгрудившись у колючей проволоки, они ждали, что он скажет об их дальнейшей участи.

— Братья сербы! Мы делаем все возможное, чтобы вас освободить, — говорил Димитров. — Болгарским и сербским рабочим нечего делить… Попытки нашей и вашей буржуазии поссорить нас и разделить не принесут им успеха. Чем больше они будут раздувать свой бешеный шовинизм, тем выше мы, рабочие Сербии и Болгарии, будем поднимать красное знамя братства и интернационализма. И когда вы уедете по домам к себе в Сербию, помните всегда, что болгарский народ, болгарский рабочий класс были вашими друзьями и защитниками…

Дерзкими и смелыми были речи тесных социалистов в парламенте. Но особой смелостью отличались выступления молодого Димитрова. Он гневно клеймил буржуазных демагогов, открыто и ясно излагал точку зрения партии на происходящие события. С особой страстью он боролся за права рабочих Перника.

— Господин министр, — говорил Димитров, обращаясь к министру железных дорог, — имейте терпение узнать, что делается в этой могиле для рабочих — Перникской шахте…

— Для вас все шахты — могилы, — огрызнулся министр.

— Да, поистине могилы! Но шахты Перника — это особо

ужасные могилы. Государство ожидает от них дохода пять миллионов левов, а потратило на них всего два миллиона. Вот она, чудовищная эксплуатация!

Голос рабочего депутата гремит в притихшем зале парламента. Неоспоримыми фактами он приковывает к позорному столбу и министра, и управление шахт, и все эксплуататорское сборище, дремлющее на скамьях Народного собрания. Он говорит о том, Что шахтеры Перника работают свыше установленных законом восьми часов, что они не имеют жилья, что каждый день ходят десятки километров от жилья до шахт. Говорит об ужасных условиях, в которых работают шахтеры под землей, об отсутствии питьевой

воды, о плохих карбидных лампах, отсутствии вентиляции, о частых удушьях и смертельных случаях, об отсутствии больницы и медицинской помощи. Особенно возмутительным было решение правительства отпустить кредит на строительство церкви в Пернике, в то время как рабочим негде жить.

— Министерство находит возможным отпустить деньги на церковь, — говорит Димитров, — а в церкви, поверьте мне, никто на шахтах Перника не нуждается. Многие годы рабочие не имеют церкви. Но ни один из них никогда не потребовал ни от директора шахт, ни от министерства, ни от кого-либо другого построить церковь. Строительство церкви — это инициатива только дирекции…

— Очень хорошая инициатива, — бросил реплику министр.

— Это не поддающийся описанию цинизм. Это издевательство над бездомными шахтерами, — отпарировал Димитров и продолжал: — То, что волнует рабочий класс нашей страны, так это, господин депутат, существующий у нас острый экономический кризис. Он злейшим образом отражается на положении рабочего класса, на тех, кто не имеет ничего другого, Кроме своих собственных рук, кто не имеет никаких побочных доходов. Эти люди рассчитывают только на поденную оплату их труда, и если их оставить без работы на два-три дня, то иссякнет источник питания и их самих и их семей… При этом положении, господа депутаты, всякий бы спросил: что делает государство в лице нынешнего правительства и министра труда для облегчения тяжкой участи безработных и их семей? Отвечаю: до настоящего времени — ничего!

Депутаты правых партий, к которым часто обращался Димитров, могли в любой момент прервать его или обратиться за помощью к квестору, депутату — блюстителю порядка. Но Димитрова это не смущало:

— Если нет работы, окажите безработным помощь, чтобы их

семьи могли жить. Вот почему, господа депутаты, мы предлагаем ассигновать по бюджету министерства торговли кредит в два миллиона левов для помощи безработным и их семьям. Если вы отвергнете наше предложение, вы примете на себя всю ответственность за последствия.

— Перед кем нести ответственность, не перед тобой ли?

— Мы требуем рабочего законодательства! — не обращая внимания на крики, продолжал Димитров.

— Тысячу раз ты повторяешь это, хватит! Лишите его слова! Достаточно поговорили! — кричали со скамей правых.

— Мы требуем этого не как благодеяния, — продолжал Димитров, презрительно глядя на самодовольных депутатов, — не как благодеяния, которое вы, могли бы оказать. То, что мы требуем, на это имеет право рабочий класс. Мы требуем то, что вы, ваши партии и ваше государство украли у рабочего класса и народных масс!

— Многого ты хочешь!

— Вот чего мы хотим! — гремел голос Димитрова. — Законодательную защиту и социальные реформы, которые необходимы рабочему классу; мы требуем их как его право, а не как милость и благодеяние.

Аплодисментами ответили со скамей депутатов левых партий. Топотом и свистом ответили в центре и справа. Надрывался председательский звонок. Димитров стоял на трибуне. Воспользовавшись минутой затишья, он бросил в зал:

— Это наше право, и мы его добьемся. Мы завоюем его!

Такие схватки не раз происходили в парламенте. Особенно запомнилось заседание, когда голосовались военные кредиты. Было это во второй половине дня. В Народное собрание прибывали господа в высоких накрахмаленных воротничках, черных цилиндрах, белых перчатках, благоухающие розовым маслом и парижскими духами. Предстояло большое событие — голосование пятисотмиллионного кредита на будущую войну.

Прибыл и премьер-министр Радославов. Заняв свое место, он, как всегда, извлек из кармана жилета расческу и начал заботливо расчесывать бороду.

— Как там наши «товарищи»? Готовятся взять слово? — спросил он соседа с ехидной улыбочкой.

— Безусловно попытаются, господин Радославов.

— Ну что же, если они и сегодня будут держаться так же вызывающе, как и вчера, прикажем выгнать их из парламента…

В зале нарастал шум, прибывали депутаты. Радославов глядел на скамьи левых, и плохие предчувствия охватывали его. Наконец он не выдержал, подозвал одного из депутатов и сказал

ему:

— Предупредите квесторов, чтобы смотрели в оба! Особенно на этого… Димитрова. Понятно?

— Понятно! — ответил, низко поклонившись, депутат и удалился мелкими шажками.

Гладкие щеки Радославова слегка зарумянились. Он начал нервно барабанить по скамье. Глаза его, вооруженные моноклем, блуждали по залу. «Вот он, прибыл!»

В глубине зала, с левой стороны, показалась фигура с густой шевелюрой, высоким лбом, большими умными глазами.

Радославов задумался. Золотая цепочка на его жилете слегка вздрагивала, живот вздымался тяжело и неспокойно. Далекие и неприятные воспоминания нахлынули на премьер-министра… Типография. Печатники и этот Димитров! Радославову припомнилось все, будто это произошло вчера.

…Статья, которую он тогда принес в свою собственную типографию, должна была выйти к Первому мая. В ней он написал острые слова против рабочих и их партии, готовившихся отпраздновать День труда. На другой день, когда он пришел посмотреть корректуру, его поразила такая неожиданность, которую он и представить не мог. Он глядел на корректуру и глазам своим не верил — статья его была изменена и сокращена!

— Безобразие! Кто правил мою статью? Кто мог допустить такое своеволие в моей типографии?

К Радославову подошел молодой смуглый рабочий, с лицом, запачканным типографской краской.

— Я сократил вашу статью!

— Ты?

— Да, я!

Радославов задрожал от злости, схватил, чтобы не запачкаться, двумя пальцами рабочего за ворот и заорал:

— Кто ты такой?

— Я Георгий Димитров!

— Димитров?.. Как посмел ты, молокосос, править мою статью? Знаешь ли ты, кто я?

— Знаю. Враг рабочих!

— Как?..

— Враг рабочих…

— Вон, разбойник! Для таких, как ты, нет места в моей типографии! Вон!

Димитров направился к выходу. Радославов смотрел ему вслед, постукивая тросточкой об пол. С каким наслаждением ударил бы он дерзкого мальчишку, но отовсюду смотрели суровые глаза рабочих.

…Да, да, вот так это было, — заерзал в парламентском кресле Радославов. А на другой день случилось еще более неприятное. Радославову припомнилось, как подошел к нему заведующий типографией и сказал:

— Статья ваша не может выйти.

— Почему?

— Некому ее набрать. Только Димитров разбирал ваш почерк.

Что же делать? Статья должна появиться. И Радославов приказал немедленно разыскать Димитрова. Димитров явился.

— Набирай! — сунул ему рукопись Радославов.

— Не могу набирать статью, которая клевещет на рабочий класс!

— Значит, отказываешься?

— Могу набрать только при одном условии…

— Каком?

— Если выбросите клевету на рабочих.

При этом воспоминании Радославова всего передернуло. «И этот наборщик тогда победил. Как это было ужасно!»

Радославов поморщился, махнул рукой, будто хотел прогнать далекие и мрачные воспоминания, но… встретился глазами все с тем же наборщиком, только стоял тот теперь как народный представитель в зале парламента, собранный, готовый к атаке…

Радославов начал речь торжественно. Говорил он медленно и отчетливо, упиваясь звучанием собственного голоса. Библейская борода его чуть колыхалась на груди, щеки розовели, на животе блестела цепочка, и на белой руке светился золотой перстень.

— Во имя народного счастья, — говорил он, — во осуществление национальных идеалов и объединение нации под скипетром его величества мы будем следовать ранее начертанной политике, которая единственно гарантирует счастливое будущее Болгарии и счастье всей нашей нации…

— Да, вашего счастья, а не народного! — выкрикнули из зала.

Кое-кто из депутатов от неожиданности вздрогнул и поглядел на левые скамьи. Радославов, делая вид, что ничего не произошло, продолжал:

— Идеалы отечества должны преобладать над личным, особенно сейчас, когда мир переживает роковой момент… Мы должны приложить все усилия и принести все жертвы для расширения границ нашей маленькой страны и для улучшения благосостояния государства по примеру великой германской нации… И если потребуется отдать жизнь за это — отдадим…

— Только не вашу жизнь, господин Радославов, а жизнь народа вы отдадите! — раздался тот же голос.

Премьер-министр сделал усилие овладеть собой.

— Мы не остановимся ни перед чем, чтобы обеспечить счастье будущих поколений хотя бы и за тысячу лет…

— Лучше подумайте о нынешнем поколении, которое тонет в нищете и вырождается, чем строить химеры!

— Есть ли здесь квесторы? — не выдержал премьер-министр.

— Это ваш последний аргумент?

— Замолчи, наконец, Димитров, — закричал Радославов, — я тебя давно знаю!.. Ты был таким же дерзким еще пятнадцатилетним мальчишкой, когда самовольно редактировал мою статью!

Депутаты заволновались, стараясь лучше разглядеть Димитрова. А он стоял спокойно и смотрел на премьер-министра.

— Я не могу больше молчать! — произнес с места Димитров. — Кредиты, которые вы хотите проголосовать, закабалят народ, ввергнут его в еще большую нищету!.. Вы готовите новую войну, господин Радославов! Вы скрываете это от болгарского народа… Не лгите народу, что вы за нейтралитет. Сбросьте маску!

Депутаты левых партий насторожились. Правительственные депутаты подняли шум.

— Прекратите, Димитров! Лишаю вас слова! — объявил председатель.

— Я не перестану говорить до тех пор, пока народу не станет ясно, куда его ведет политика правительства Радославова. Пока…

— Лишаю слова!.. Квесторы! Где квесторы?

— Квесторы! Квесторы! — кричали и на скамьях правых.

Два здоровых молодца, депутаты от партии Радославова, направились между рядами к Димитрову, схватили его за руки и стали силой выводить из зала под крики и стук по скамьям со стороны правых. Когда Димитрова удалили, Радославов облегченно вздохнул, повернулся к публике и повел свою речь все о том же, о пятистах миллионах кредита на войну…

В августе 1915 года в Софии состоялся XXI съезд Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов. На улицы столицы стекался народ. Развевались красные знамена, вздымались плакаты, на которых было написано: «Долой войну!», «Да здравствует мир!», «Да здравствует международная рабочая солидарность!», «Да здравствует балканская федеративная республика!», «Да здравствует освободительный революционный социализм!»

Демонстранты часами двигались по улицам, распевая революционные песни. Возле театра «Одеон» остановились. Узкие улицы, прилегающие к театру, были забиты. Среди народа

сновали тайные и явные полицейские, прислушивались, наблюдали, запоминали… В этот день была произнесена большая речь против войны. Долго потом софиянцы вспоминали и речь, и демонстрацию, и конную полицию, прибывшую разогнать народ.

Вскоре партия вновь предупредила о готовящейся войне. На улицах и площадях городов и сел Болгарии были расклеены листовки, изданные парламентской группой Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов:

«Рабочие! Правительство, которое под прикрытием нейтралитета тайно подготовляет включение Болгарии в европейскую войну, раскрыло свои намерения. Оно опубликовало турецко-болгарское соглашение, которое безвозвратно толкает Болгарию в лагерь одной из воюющих группировок, в лагерь Австро-Венгрии и Германии. Одновременно правительство открыто заявляет, что для Болгарии наступил момент действовать. С этой целью оно явно порывает с нейтралитетом. Дни мира в Болгарии сочтены. Рабочие! Против этой предательской и народоубийственной политики болгарской буржуазии и монархизма Рабочая социал-демократическая партия борется с самого начала европейской войны, и с величайшей энергией. Рабочий класс, поддержанный широкими народными массами, на тысячах собраний, проходящих по всей стране, протестует против войны и выражает твердую волю болгарского народа сохранить мир и жить в братском согласии со всеми соседями… Мы заявляем: ничто не разделяет балканские народы. Во взаимно истребительную войну бросили их капиталистические и династические интересы имущих классов и династий. Спасение балканских и европейских народов от ужасов бушующей мировой войны — в свержении капитализма и его спутников: милитаризма и империализма… Долой войну! Да здравствует мир!»

Под листовкой стояли подписи известных рабочих депутатов: Димитра Благоева, Георгия Киркова, Христо Кабакчиева, Басила Коларова, Георгия Димитрова.

10 сентября 1915 года была объявлена всеобщая мобилизация[19].

В этих условиях перед правительством Фердинанда встала первейшая задача — задушить пропаганду Рабочей партии. С этой целью была введена жестокая цензура, закрыты рабочие издания, арестована и брошена в тюрьму большая часть активных рабочих деятелей. Изданы секретные распоряжения установить слежку за Благоевым, Кирковым, Коларовым, Кабакчиевым, Димитровым. Сфабриковано обвинение членов парламентской группы Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов «в государственной измене». Дело было прекращено

только в конце войны в результате общей амнистии.

НАРОДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Тысяча девятьсот семнадцатый год.

Поезд натужно тянется по живописному ущелью. Монотонно тарахтят вагоны, набитые солдатами и военными грузами. Здесь уже давно не видели такого длинного и перегруженного состава. Вагоны открытые, и дождь заливает прижавшихся один к другому солдат-отпускников. Накрывшись палатками и шинелями, они сидят на мешках и ранцах, курят и ругают ненастную погоду. Одни от скуки поют, другие говорят о доме и неубранных полях. Над мокрыми палатками вьется легкое испарение и слышится запах чеснока, портянок и водки. Почти в каждом солдатском ранце — по манерке лютой сливовицы для обогрева и веселого настроения.

В середине эшелона, между открытыми платформами, был прицеплен совсем новый классный вагон. Выглядел он белой заплатой на замызганном костюме. На остановках солдаты проходили мимо него быстро и с опаской.

Солдаты не могли понять, почему их набили в открытые деревянные корыта. Если бы еще была хорошая погода, а сейчас человек может сгнить под этим проливным дождем: идет, идет, идет…

Классный вагон был почти пустым. В коридоре у Открытого окна стоял, покуривая, невысокий полковник. Из соседнего купе вышел человек в гражданской одежде, с черной бородой и курчавыми волосами. Подойдя к полковнику, он сказал:

— Скверная погода, господин полковник, неожиданно похолодало, будто осень наступила. Замерзнут ребята.

Полковник не ответил. Он не любил гражданских. Их компания точно оскорбляла его.

Бородатый человек вынул коробку сигарет и предложил полковнику:

— Курите?

— Нет! — процедил полковник и удалился в свое купе.

Штатский стал у окна и задумался. Перед ним мелькали будки путевых сторожей, брошенные нивы, неубранные снопы.

Шум и крики, несшиеся с открытых платформ, не стихали:

— Эй, Ганю, уж очень ты развеселился! Не на свадьбу ли едешь?..

— А как же! Приглашен самой молодайкой!

— Эй, вы там, не кричите, разбудите господ!

— Пусть не спят так долго. Уже за полдень перевалило.

— Давай, давай! Кто хочет спать, пусть сидит дома…

— Ну-ка, вставай, сват, тряханем рученицу! А ты, парень, давай веселей!

Загудела гайда, подхватил кларнет, да так звонко, словно решился заглушить ее. Полилась по мрачному ущелью, под низким дождливым небом мелодия, то отчаянно веселая, то задумчиво грустная. А в такт музыке то хлопали в ладоши, то задорно кричали;

— Держись, кум!

— Гуляй, сват!

— Быстрей!

— Быстрей!

Заливается гайда, не отстает кларнет. Весь эшелон пришел в движение. Повставали солдаты в соседних вагонах, посбрасывали плащ-палатки, уставились на танцующих. Залюбовался и тот, в гражданском платье, что ехал в классном вагоне. Уже давно догорела его сигарета, а он все стоял у окна. Буйная музыка и разудалое солдатское веселье унесли его к чему-то милому, родному, близкому…

— Поручик! — прозвучал раздраженный голос полковника.

Из соседнего купе выскочил молодой офицер. Щелкнув каблуками, он ответил:

— Прикажите, господин полковник!

— Пусть замолкнет эта гайда.

— Слушаюсь, господин полковник.

— И чтобы никакого шума, никаких криков! Понятно?

— Понятно!

Поручик бросился выполнять приказ.

Гайда и кларнет замолкли. Стихли крики. Слышался лишь стук колес да шум летевшего навстречу поезду дождя.

Эшелон прибыл на станцию. К вагонам бросились десятки солдат-отпускников, возвращавшихся на фронт. Они лезли в вагоны, кричали, ругались, подбрасывали друг другу мешки, ранцы… За несколько минут перрон опустел. Только трое солдат со своим еще хромавшим после ранения товарищем суетились возле вагонов, сопровождаемые маленькой женщиной с ранцем хромого. Всюду им говорили: «Нет места, идите дальше!»

Прозвучал паровозный гудок. Боясь остаться, солдаты полезли в офицерский вагон. Женщина подсаживала хромого.

— Поднимайся, Станко, а то поезд уйдет.

Товарищи, раньше забравшиеся в вагон, помогли Станко подняться. Успел он только жене руку подать, как поезд тронулся.

— Идите сюда, молодой человек!

Станко обернулся и увидел незнакомца в гражданском

костюме.

— Да, да, берите ранец и идите сюда.

Станко направился в вагон.

— Холодно? — спросил штатский.

— Холодно. Дождь… Целую неделю льет не переставая.

— Давай твой ранец и входи в купе, присядь.

Станко поглядел недоверчиво.

— Входи, входи. Не бойся.

Солдаты, товарищи Станко, стоявшие в тамбуре, поглядывали удивленно. Станко вошел в купе, сел на мягкий диван, и его стало клонить ко сну. Только было он задремал, как из соседнего купе послышался шум. Показался полковник.

— Поручик! Как эти солдаты попали в офицерский вагон?

— Не знаю, господин полковник!

— Кто же знает? Узнайте, кто они, из какой части.

— Слушаю!

— И сейчас же выбросьте их из купе. Понятно?

— Понятно, господин полковник. Солдат, встать!

Солдат вытянулся.

— Марш за мной!

В чистом вагоне опять стало тихо и просторно.

— Вы не правы, господин полковник, — сказал штатский. — Солдат ранен, вы не имеете права его прогонять. Он простудится под дождем. Да и его товарищи тоже… Чем они вам помешали?

Полковник зло сверкнул глазами, хотел было не отвечать, но не сдержался:

— Кто вы такой? Кто вам дал право вмешиваться в дела военных?

— Я народный представитель, депутат!

— Народный представитель?..

— Да. И я хочу вам сказать, что то, что вы сделали, — это преступление…

— Не ваше дело судить, что преступление и что нет! Кто вы такой, еще раз вас спрашиваю?

— Я же вам сказал. Я депутат. Зовут меня Георгий Димитров. Член Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов. Что еще хотите узнать?

— Ничего мне больше не надо! Мне уже ясно, кто вы такой! Вы еще ответите за свой поступок перед военным судом!

— А вы ответите за свой поступок перед народным судом.

Взбешенный полковник ушел в купе, хлопнув дверью.

Димитров подошел к окну. Ветер стих. Дождь уже не хлестал по вагонам, а падал с легким шелестом. Надвигались вечерние сумерки. С открытых платформ не слышалось ни звука. Казалось,

там все вымерли.

ВСТРЕЧА ВО ФРАКИИ

Димитров прибыл в Ксанти, в прифронтовой город[20]. На вокзале его встретил молодой телеграфист из штаба армии. Вместе они отправились в конец города, в дом рабочего-табачника.

Комната была пустой. По соседству с ней плакали дети, кашлял старик. В окно был виден тесный дворик, за которым поднимался громадный табачный склад. Серые его стены напоминали тюрьму, навевали тоску.

Димитров поставил чемодан, присел на низкую деревянную кровать и стал ждать. Люди, которые должны были прийти, все еще где-то задерживались. Димитров поглядел на часы, ему казалось, что он уже давно здесь сидит. Поднялся и стал беспокойно ходить по комнате. В дверь трижды постучали, и в комнату вошел телеграфист.

— Все здесь, товарищ Димитров.

— Сколько их?

— Четверо.

— Пусть войдут.

Телеграфист ввел своих товарищей. Среди них был один офицер — майор действующей армии, в походной форме.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал Димитров. — Прошу садиться.

Расселись — кто на кровати, кто на единственном стуле; Димитров устроился на своем чемодане, вынул записную книжку.

— Принес я вам большие новости, товарищи. В России произошла социалистическая революция. Там власть перешла в руки рабочих и солдатских Советов… Во главе Советов стоит партия большевиков, партия Ленина… Хозяева положения — рабочие и крестьяне. Идея социализма стала реальным делом. А это факт огромного исторического значения для дальнейшего развития событий во всем мире, а также и у нас в Болгарии… Перед нами стоят важные и ответственные задачи. В связи с этими событиями наша партия выпустила воззвание к рабочим и мелким собственникам в городах и селах. Позвольте мне, товарищи, прочесть это воззвание…

Димитров вынул из кармана листовку и начал читать:

— «Рабочие и мелкие собственники в городах и селах! Кровавая война продолжается, а вместе с ней продолжается и страшное истребление, физическое и моральное истощение и разорение трудящихся в городе и селе. Ужасы войны растут:

каждый день пирамида человеческих жертв увеличивается, неимоверно растет число калек, нетрудоспособных, вдов, сирот… Редкий среди нас не оплакивает близкого человека, преждевременно погибшего на войне…»

Слушатели жадно ловили каждое слово.

— «Что сделали и что делают в эти страшные дни всенародного бедствия те, кто создал этот ад? Что делает правительство, Народное собрание, буржуазные партии и сам класс капиталистов, фабрикантов, предпринимателей и торговцев? Ответ один: в эти три года они заботились только о себе — о своих «великих» завоевательных планах, о так называемом «национальном объединении», о своих колоссальных прибылях, спекулянтских сделках, которые достигли таких громадных размеров благодаря войне…»

Димитров поглядел в окно.

— Будьте покойны, товарищ Димитров, — сказал офицер, — мы поставили охрану.

Димитров продолжал медленно и отчетливо:

— «Где выход из этого ада? Только в немедленном всеобщем мире! Мы уже имеем пример такого освобождения. Это пример наших братьев — русских рабочих и крестьян. Одним ударом они сбросили и послали к чертям коронованного кровопийцу Николая и всю его гнусную свору палачей. Теперь русские рабочие и крестьяне, сбросив с шеи ярмо политического рабства, устремили все свои усилия к тому, чтобы освободиться и от экономического рабства… К этому направлены сейчас усилия русских рабочих и крестьян. Такова ныне основная цель русской революции. Но для того чтобы успешно завершить свое экономическое и политическое освобождение, русским рабочим и крестьянам крайне необходим немедленный мир. В лице своего Совета Народных Комиссаров они обратились ко всем народам, воюющим и нейтральным, и открыто им заявили, что русский трудовой народ хочет демократического мира — мира без аннексий и контрибуций, предоставив каждому народу определить свою судьбу…»

Димитров отбросил упавшую на глаза прядь волос и стал читать дальше:

— «Надо понять, что в Болгарии не будет настоящей народной свободы и самоуправления до тех пор, пока судьба болгарского народа находится (в руках одного или нескольких лиц, пока болгарский народ используется кучкой капиталистов только как пушечное мясо, как рабочий скот, обложенный налогами, пока на его шее сидит навязанная свыше военная, административная и судебная бюрократия, которая, вместо того

чтобы быть слугой народа, считает себя его хозяином. Болгарский народ станет только тогда свободным и полным хозяином себе, когда из управляемого станет самоуправляющимся народом…»

Офицер настороженно к чему-то прислушался, но потом, успокоенный, сел.

Димитров поднялся и торжественно закончил:

— «Заря социализма и свободы уже освещает нашу землю! Будем, товарищи, на своем посту в эти решающие дни!»

Люди оживились. Рабочий, который все время сидел на корточках возле самого Димитрова, вскочил и, радостно потирая руки, сказал:

— Ну, вот и спета песенка буржуазии!

Все засмеялись, а Димитров ответил:

— Это еще не все, товарищи. Должен сообщить вам важную директиву партии. Дезертирство из рядов болгарской армии в лагерь англо-французов надо прекратить! Партия считает, что солдаты должны находиться на своих постах готовыми к борьбе против своих поработителей.

— Это уже новое, — откликнулся один из присутствующих.

— Да, партия считает дезертирство неправильным, — повторил Димитров. Затем, посмотрев на офицера, сказал: — Народные офицеры также должны оставаться на своем посту, их долг встать на сторону народа в решительный момент…

— Товарищ Димитров, уж очень затянулась война, три года люди гниют в окопах… Не могут уже больше воевать, потому и бегут…

— Надо это разъяснять, товарищи. Это обращение нашей партии должно дойти до окопов, до каждого солдата. А это сделаете вы, организованные солдаты и офицеры, организованные рабочие.

— Верно! — откликнулся рабочий. — Наши табачники должны расшевелиться, а то в последнее время чуточку попритихли. Только старики да женщины остались. Молодежь, считай, вся на фронте…

— И тыл и фронт обязаны действовать вместе, заодно, — вмешался офицер.

— Ясно: один без другого не может!

Димитров тем временем рылся в чемодане. Отыскав нужный пакет, он подал его офицеру.

— Это воззвание. Раздайте его, где нужно.

Офицер смерил пакет взглядом.

— Не маловато?

— Если недостаточно, размножьте. А пока до свидания, товарищи.

В доме остались Димитров и телеграфист.

— Ну, а теперь, — обратился Димитров к телеграфисту, — последняя задача. Надо передать нашим товарищам в Софии сведения с фронта. И эту задачу выполните вы.

— Как? — удивился телеграфист.

— Очень просто, по телеграфу.

— А кто примет эти сведения?

— В Софии есть наш человек.

— В штабе?

— Да, в самом военном министерстве. Только действуйте внимательно. Всюду шпионы… Кстати, найдите мне для ночевки другую квартиру.

— Позабочусь, товарищ Димитров. Во всяком случае, люди, которые здесь были, верные люди.

— Не сомневаюсь. Но мне надо быть и в других местах…

Несколько дней Димитров пробыл в прифронтовой полосе, провел много бесед с рабочими и солдатами.

В ТЮРЬМЕ

8 августа 1918 года Русенский военно-полевой суд заседал очень коротко. Штабной офицер принес председателю суда шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «Димитров должен быть осужден во что бы то ни стало, без церемоний».

Процедура проходила молниеносно. Димитрова обвиняли в том, что он подстрекал солдат к бунту и неподчинению, и ссылались при этом на стычку, которая произошла у Димитрова в поезде с полковником.

Димитров энергично протестовал против этого обвинения, говорил, что он как депутат заступился за раненого солдата и что это ни в коем случае не может рассматриваться как «подстрекательство к бунту». Объяснения Димитрова не были приняты во внимание — фактически он уже был осужден штабом армии и правительством. Военно-полевой суд лишь оформил приговор: три года строгого тюремного заключения за «подстрекательство военнослужащих к неподчинению начальству».

Приговор был утвержден военным министром. И 29 августа 1918 года Димитров был брошен в Софийскую центральную тюрьму.

Жизнь в стране становилась все тяжелее. Конца войне не было видно. По селам и городам разъезжали правительственные агенты в поисках нового «пушечного мяса». Вместе с людьми для пополнения сильно поредевших войсковых частей агенты забирали также и продовольствие, скот. По дорогам Болгарии гнали стада овец, волов, буйволов… Но куда их гнали, никто не знал[21]. До солдат на фронте не доходило ни мясо, ни хлеб, ни одежда. Солдаты гнили в грязных окопах, мерли от голода, болезней и пуль, босыми ходили в бой по каменистым вершинам Македонии.

— Будет ли конец этим мучениям? — спрашивали доведенные до отчаяния солдаты.

— Когда же закончится эта проклятая война? — вздыхали их жены в тылу.

Народ умирал в окопах и на проволочных заграждениях, изнемогал в бедных селениях и городах Болгарии. Негодование росло, оформлялось. В различных местах на фронте стали появляться листовки с призывами к восстанию.

«Солдаты! Целых три года мы сражаемся с многочисленным противником. Переносим много несчастий и бед. Голые, босые,

голодные, оберегаем границы, воюем за чужие интересы… Через газеты нас обманывают, что мы бьемся за общенародные идеалы, за народные интересы, за наше национальное объединение. Люди, которые поют нам эти песни, убаюкивают нас, а в то же время наживают миллионы и развратничают. Позволим ли мы этим негодяям и после войны грабить нас? Нет! Мы хотим рассчитаться с царем, его генералами и болгарскими богатеями за то, что они истребляют нас и, как клещи, сосут нашу кровь. Мы объявляем людей, которые поддерживают царя и правительство, врагами народа и поднимаем борьбу против них. Да здравствует революция! Да здравствует республика!»

Эти призывы, которые все чаще раздавались на фронте, как бы перекликались с призывами русских солдат к болгарским фронтовикам. Они писали болгарским солдатам: «Шлем привет и будем ждать счастливых дней, когда вы будете такими же свободными, как и мы. До свидания. Солдаты — граждане свободной России».

Нищета в тылу становилась невыносимой.

Ткацкий станок бабушки Парашкевы замер. Пряжа давно исчезла с рынка. Дети обносились. Иногда близкие и товарищи Георгия помогали его семье. Однажды зимой приехали пятнадцать шахтеров из

Перника, и каждый привез по мешку угля. Сам Георгий в то время сидел в тюрьме. Мать его Парашкева и жена Любица ходили по пятницам на рынок за продуктами, а потом несли их Георгию. Кормили в тюрьме плохо; сто граммов кукурузного хлеба и суп из гнилого картофеля. Но ни тяжкий режим, ни голод не могли сломить Димитрова, он продолжал и в тюрьме работать: писал, много читал, увлекся изучением французского языка[22].

Одновременно с Димитровым в тюрьме находился и лидер Земледельческого союза Александр Стамболийский[23]. Встречаясь в тюремном дворе, они ухитрялись перебросится мыслями о положении на фронте, о событиях в России. В сентябре 1918 года произошел большой прорыв на Южном фронте, в районе Добро поле. Разбитые болгарские войска бежали. В стране велась кампания за освобождение политических заключенных. «Не помилование, а амнистия!» — писал Димитров из тюрьмы. За полную и безусловную амнистию боролись все. Партия выдвинула лозунг: «Амнистия для живых жертв войны и народный суд для виновников войны!»

Георгий Димитров отправил протест министру юстиции: «Я с возмущением встретил попытку частичного помилования с целью избежать или по меньшей мере оттянуть общую политическую или военную амнистию, за проведение которой выступают

рабочие массы на собраниях и митингах по всей стране. Не произвольные царские помилования, а парламент должен войти в свою роль и отменить совершенные военным правосудием деяния…»

По всей стране и в столице проходили митинги и демонстрации с требованием освободить Георгия Димитрова. 16 декабря 1918 года власти вынуждены были выпустить его из тюрьмы. Газета «Работнически вестник» на другой день сообщила;

«Вчера наш товарищ был освобожден. Сегодня он займет свое место в Народном собрании. Рабочие всей страны, для которых он является любимым другом и незаменимым руководителем, встретят весть о его освобождении из тюрьмы с чувством ликования. Мы приветствуем нашего друга с горячей радостью. Его отсутствие оставило зияющую пустоту в нашем движении. Георгий Димитров вступает вновь на свой передовой пост, исполненный жажды деятельности, еще большей энергии и самоотверженности во имя революционного социализма!»

Димитров вновь занял свой пост.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ!

Поезда с оборванными, больными, обовшивевшими солдатами стремились к Софии. В Радомире солдаты арестовали своих офицеров и под руководством Александра Стамболийского и Райко Даскалова провозгласили народную республику. Радомирская республика просуществовала очень короткое время. Солдатское восстание было подавлено 2 октября 1918 года германскими артиллерийскими частями и болгарскими юнкерами, находившимися в то время в Софии.

Наступавшие на Софию болгарские солдаты остановились перед Владайским ущельем, обстреливаемые с высот Витоши. Неорганизованные, уставшие, плохо вооруженные восставшие солдаты были разбиты. Многие из них сложили свои кости в долине Владаи, так и не отомстив тем, кто привел родину к катастрофе.

Между восставшими было много социалистов-тесняков, но они не смогли организовать бушевавшую солдатскую массу и повести ее на борьбу. Тогдашним болгарским социалистам был чужд большевистский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Позже Димитр Благоев писал по этому поводу:

«…А то, что наша партия не могла помочь восстанию, понятно, не случайно. Она почти вся была мобилизована, находилась в войсках, разбросана по фронтам. В стране партия была обескровлена… В Софии было такое же положение, если не хуже… Когда сражения шли у Княжева и Владаи… в Народном доме находились только члены Центрального Комитета нашей партии. Впрочем, партия в тот момент не имела ни людей, ни оружия, с которым могла бы выйти против пулеметов и орудий германских войск, вооруженных до пят…»

Отсутствовало большевистское руководство, отсутствовало единство между крестьянами и рабочими, отсутствовало ленинское понимание войны.

В политическом отчете ЦК БРП V съезду партии 19 декабря 1948 года Димитров сказал:

«Во время первой мировой войны, особенно после Октябрьской социалистической революции, партия провела широкую разъяснительную и агитационную работу среди солдат на фронте и в тылу, задачей которой было подготовить солдат «последовать примеру своих русских братьев», то есть примеру революции. Но в решительный момент, когда солдаты на фронте

повернули штыки против виновников войны, восстали и пошли на Софию, то есть последовали на деле примеру своих русских братьев, партия оказалась не на уровне своей задачи: она не сумела организовать и возглавить восстание солдат, распространить его на всю страну, вовлекая в него рабочих и крестьян, направить его по правильному пути, чтобы превратить его во всенародное восстание против монархии — главной агентуры немецкого империализма — и против правящего класса капиталистов, который использовал войну для грабежа и обогащения. Если бы тогда партия выдвинула лозунги мира и народно-демократической республики, она, несомненно, объединила бы огромную массу трудящихся города и деревни. А единство действий нашей партии и Земледельческого союза обеспечило бы успех восстания. Победоносное народное восстание во имя народной республики в 1918 году могло изменить общее направление развития нашей страны и Балкан в интересах огромного большинства нашего народа.

Главной причиной, по которой наша партия осенью 1918 года не возглавила восставшие солдатские массы, было ее доктринерство, небольшевистские взгляды, методы и пережитки теснячества».

Виновники войны Фердинанд и Радославов бежали специальным поездом в Германию, выполнив «свою миссию на Балканах»… И только народу некуда было бежать от нагрянувшего бедствия.

На престол вступил сын Фердинанда — Борис. Принял он бразды правления робко, неуверенно, но вскоре осмелел. Старые лакеи его отца старательно начали распускать слухи о «демократичности» нового царя, его «скромности» и «человеколюбии». А сам Борис, чтобы подтвердить эту пропаганду, стал, как и всякий демагог, фотографироваться то машинистом локомотива, то простым охотником, беседующим с сельским пастухом, то набожным христианином в обществе попов и богомольных старушек.

По улицам Софии патрулировали оккупационные войска — французские, итальянские, новозеландские. Возле лагерей оккупантов бродили голодные дети, больные старики, голодные женщины. Смерть нависла над каждым домом, над каждой бедняцкой халупой.

Рабочие вновь вышли с протестом на улицы городов. Снова зазвучали голоса:

— Хлеба, угля, жилья!

Димитров в то время, как сообщалось в партийной газете, опять был «на своем передовом посту». В феврале 1919 года он

выехал в Перник на конференцию актива профсоюза горняков.

Морозная, страшная была зима 1919 года, Перник кишел полицией и войсками. Управление шахтами, узнав, что в город приезжает Димитров, известило об этом военную комендатуру. Комендант немедленно отправил на вокзал две роты солдат. Одновременно из шахт туда же вышло около шестисот углекопов. Поезд еще не прибыл, а народу на станции было полным-полно. Солдаты стояли вдоль линии уже изрядно замерзшие. С поля дул холодный ветер. Комендант похаживал перед ротами, озабоченный поддержанием порядка. Несколько раз ходил он к телеграфисту узнать причину задержки поезда. Позади солдат стояли шахтеры густыми рядами, молча курили и иногда поглядывали на молодцеватого коменданта, поеживавшегося от холода. Длинные его усы окутывались облачками пара. Наконец он не выдержал и, подойдя к руководителю шахтеров, спросил:

— Кого ждут ваши люди?

— А ваши кого?

— Мы выполняем приказ.

— И мы выполняем приказ…

Комендант побагровел и, не отдавая уже отчета в своих действиях, гаркнул:

— Роты, смирно!

По рядам прошло движение. Один солдат уронил винтовку.

— Роты, к стрельбе!

Солдаты поглядели удивленно: по ком стрельба, уж не сошел ли с ума комендант? Никто не поднял ружья. Взбешенный комендант подбежал к солдату, выронившему ружье, и ударил его по лицу.

— Почему бросил ружье? Стреляй!

— Сам стреляй! — резко ответил солдат.

За строем солдат понеслась песня. Шахтеры запели «Интернационал».

— Бросьте ружья, товарищи. Идите к нам! — обратился кто-то из шахтеров к солдатам.

Шахтеры окружили солдат, началось братание. Увидев это, комендант пустился бежать по заснеженному полю. Но никто за ним не погнался, его персона уже никого не интересовала…

Ночь Димитров провел в доме братьев Мартиновых в Пернике. На другой день состоялась конференция шахтеров. А в Софию уже полетела телеграмма из Перника; «Спешите! Димитров здесь. Помогите!»

Власти немедленно приняли меры. Из Софии вышли три поезда, переполненные войсками. В первом — кавалерия, во втором — артиллерия, в третьем — пехота. Шли они на

расстоянии пятисот метров друг от друга. Тучи дыма стелились над Владайским ущельем. В окна вагонов выглядывали встревоженные офицеры и солдаты.

Три поезда прибыли в Перник, выгрузили пехоту, кавалерию, артиллерию. Строились пехотинцы, наводили на город орудия артиллеристы, рассаживались по коням кавалеристы… Конский топот, звон сабель огласили улочки шахтерского городка. Жители спешили укрыться по домам. Кто знает, что задумали управители шахт?..

Войска блокировали город, начались аресты, допросы, избиения, увольнения. Арестовали и Димитрова, посадили его на паровоз и отправили в Софию.

Ледяной февральский ветер сметал снег с железнодорожных путей и наваливал его у разбитых стен Софийского вокзала, заброшенного, с побитыми стеклами, погасшими печами…

На улицах столицы горели костры, и возле них грелись солдаты оккупационных войск. Дров не было. В огонь летели столы, стулья.

В такой суровый серый февральский день на станцию София прибыл из Перника локомотив с арестованным Димитровым. Весть о его аресте и отправке в Софию уже давно разнеслась по столице.

— Димитров в опасности!

В короткое время вокзал заполнился народом. Полицейские, сопровождавшие арестованного, едва пробивали путь в толпе. Сняв шапку, Димитров поздоровался с народом. Мужество его ободрило людей. Возмущенная толпа, желая вызволить Димитрова, начала нажимать на полицейских.

Положение стало опасным. Пристав выхватил револьвер и выстрелил в воздух. Из глубины улицы на рысях вылетел эскадрон конной стражи, блеснули сабли. Но народ не разбежался, а только еще плотнее окружил Димитрова.

Французские и итальянские солдаты, гревшиеся у костров, заинтересовались происходящим:

— Что случилось? Почему собрался народ?

— Пришли освободить арестованного большевика, — отвечали им рабочие.

— Какого большевика?

— Болгарского большевика, Георгия Димитрова, рабочего.

Итальянцы и французы смешались с толпой, которая следовала за полицейскими, ведущими Димитрова. Колонна запрудила улицу. Слышались выкрики:

— Освободите Димитрова!

На стол, еще не разбитый на дрова, вскочил высокий и

веселый солдат француз и во весь голос провозгласил:

— Вив ле Совьет!

К нему присоединились другие солдаты, и над толпой понеслось: «Вив ле Совьет! Вив ле Совьет!»

Французов поддержали болгары:

— Да живеят Съветите! Да здравствуют Советы!

Кто посмелее, вплотную подошли к полицейским, тянули к Димитрову руки, кричали:

— Освободите его!

Полицейские, видя, что вмешались французские солдаты, струсили и неожиданно начали отходить назад, пока совсем не затерялись среди народа.

Люди подняли Димитрова высоко над головами и так понесли его по середине улицы. Кто-то затянул «Интернационал», его поддержали, и вот уже сотни людей запели пролетарский гимн, зовущий к борьбе и победе.

Шествие завершилось перед Домом партии. Димитров произнес речь. Слушали его и солдаты оккупационных армий. Ничего, что они не понимали говорившего по-болгарски. Они знали, что говорит большевик. С них этого было достаточно, чтобы вместе со всеми кричать:

— Да здравствуют Советы!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАЧКА

24 декабря 1919 года народ по призыву Коммунистической партии[24] вышел на улицы городов Болгарии. Замолкли фабрики, опустели учреждения, замерла жизнь. Народ требовал «хлеба, угля, жилья, одежды, восстановления попранных политических свобод».

— Это формальная и фактическая революция! — сказал министр внутренних дел, широкий социалист Крыстю Пастухов. — Надо немедленно вызвать войска! Разогнать демонстрацию!

Но демонстранты уже сами разошлись по домам. На другой день был издан приказ об увольнении с государственной службы всех участников демонстрации.

25 декабря 1919 года софийские железнодорожники объявили стачку протеста. Делегация железнодорожников и представители профсоюза, среди них Васил Коларов, Георгий Димитров и Никола Пенев, посетили министра железных дорог и предъявили ему требования: вернуть на работу всех уволенных, отменить преследование за участие в демонстрации, улучшить материальное положение рабочих и служащих, отменить чрезвычайные военные меры.

Министр ответил, что это мятеж, и выгнал делегацию. Правительство решило не идти ни на какие уступки забастовщикам, а Коммунистической партии объявить войну. В парламенте и прессе на партию сыпали клевету. В столицу из сел были стянуты наемные громилы из кулацких элементов. К ним правительство обратилось с таким воззванием:

«Исторический момент переживает страна. Она выживет или погибнет. От вас зависит сохранить ей жизнь, которой угрожают лодыри, городские бездельники и политические апаши… Они хотят поделить между собой имущество и жен крестьян… Они хотят кормить нас из общего котла, как в Советской России…»

Громилы нагрянули в Софию с дубинами, старыми, еще турецких времен, пистолетами и новейшими ружьями. Они захватили кварталы железнодорожников. Началась расправа. Пьяные банды никому не давали пощады. Правительство объявило мобилизацию железнодорожников. Но все это не помогло ему поставить на колени забастовщиков. Двадцать пять тысяч железнодорожников и почтово-телеграфных работников поднялись на защиту своих интересов. Двадцать пять тысяч обрекли себя на голод, холод, побои и муки… Двадцать пять

тысяч тружеников вместе со своими семьями вышли на героическую борьбу, какой еще не видела Болгария…

27 декабря остановились поезда, трамваи, прекратили работу почта, телеграф, телефон. Жизнь замерла.

Два дня шел мелкий, рыхлый снег. На третий — снег прекратился, подул северный ветер.

Стачечный комитет собрался в небольшом приземистом домишке за железнодорожной линией. Уже несколько дней здесь не проходили поезда. Снег засыпал рельсы, и, если бы не телеграфные столбы, трудно было бы узнать, что здесь пролегает железная дорога.

Старый стрелочник Иван Стремов уступил стачечному комитету свой домишко, хотя в нем всего-то и было, что одна комнатенка да кухонька, в которой лежала его больная дочь. Уже несколько дней болеет дочь, а в доме ни угля, ни сахара, и нельзя напоить ее чаем.

В комнатенке собралось шесть человек. Горячо обсуждали обращение стачечного комитета к бастующим, говорили о помощи голодающим семьям железнодорожников, о мобилизации, которую снова собирается провести правительство. Тревогу и настороженность вызывали случаи измены и штрейкбрехерства. Хозяин дома Иван Стремов рассказал, что кое-кто из организации паровозников под влиянием широких социалистов пытается сорвать борьбу железнодорожников. Иван Стремов уверял, что необходимо немедленно связаться с руководством организации паровозников и устранить предателя.

В комнату вошла хозяйка и испуганно сказала мужу:

— Во дворе ждут трое.

— Кто такие?

— Не знаю… Хотят войти в дом.

— Уж не те ли громилы?

— Не похожи, пойди посмотри сам.

Действительно, во дворе по колени в снегу стояли трое. Сначала Иван было испугался, но потом узнал кочегара Стефана Бойчинского.

— А, Стефан! Почему не входишь? А кто эти товарищи?

— Дома объясню…

В узеньком коридорчике, когда незнакомые пришельцы раздевались, Стефан шепнул Ивану:

— Это товарищи Васил Коларов и Георгий Димитров.

Гости прошли в комнату, где заседал стачечный комитет. Железнодорожники их окружили. Показали текст обращения, который они только что составили. Димитров и Коларов сделали некоторые замечания и сказали, что обращение будет немедленно

отпечатано и распространено.

— Плохо держится локомотивная организация, товарищ Димитров, — сказал Иван Стремов, — там, видно, есть платные агенты правительства.

Димитров нахмурился. Он уже был осведомлен о капитулянтских настроениях в организации паровозников.

— Вот что, товарищи, — сказал Димитров. — Правительство решило объявить нам войну, но не соглашаться с нашими требованиями. С нашей стороны необходимо проявить величайшее напряжение воли и величайшую собранность нервов. Надо быть дисциплинированными и не поддаваться на провокации правительства. С нами весь болгарский народ. Мы победим. Из сел прибыли первые посылки с продуктами для бастующих.

Эта весть обрадовала.

— Наши крестьяне, — подчеркнул Коларов, — проявляют замечательную солидарность со своими братьями рабочими. Это очень показательно. Это говорит о единстве между рабочими и крестьянами, единстве, которое наша партия должна еще больше укрепить. Железнодорожная стачка, товарищи, — это не обыкновенная экономическая стачка. Это прежде всего серьезная политическая стачка. Это надо знать и помнить каждому.

В тот вечер стачечный комитет принял решение,' которое способствовало установлению еще большей дисциплины в рядах бастующих. Стефану Бойчинскому поручено было войти в переговоры с руководством организации паровозников.

При выходе Димитров спросил хозяина:

— А где дочь твоя, Иван? Поправилась?

Стрелочник растерялся: «Кто ему сказал?»

— Был врач?

— Нет, товарищ Димитров.

— Надо вызвать. Где она лежит?

— Здесь! — стрелочник открыл дверь в кухню. Было там душно, тускло горела свеча. Возле ржавой печки на деревянной койке лежала больная. Рядом сидела мать.

Нищета удручающая. Димитров и Коларов, тяжело вздохнув, тихонько прикрыли дверь. Уходя, они дали стрелочнику деньги на врача. А на другой день в дом стрелочника неизвестные люди принесли куль угля и мешок муки.

Правительство принимало все меры, чтобы сломить сопротивление забастовщиков. Пыталось своими людьми заменить стачечников, но из этого ничего не получалось, по неопытности штрейкбрехеры только ломали машины. То сошел с рельсов поезд, то взорвался котел испортился телефонный

аппарат, вышел из строя телеграф… В правительстве царила неуверенность, но оно, видимо для собственного успокоения, выпускало бюллетени, в которых провозглашалось:

«Порядок восстанавливается, завтра в стране выйдут тридцать поездов. Стачечники капитулировали! Локомотивы в полной исправности… поезда идут…»

Но поезда не шли. Они стояли, засыпанные снегом, на глухих перегонах, на замерших станциях. Молчало все, молчали телеграфные и телефонные аппараты, не слышалось паровозных гудков, лишь только зимние вьюги свистели в проводах среди глухих полей… В поздние ночные часы злоумышленники отвертывали на путях гайки, резали телеграфные провода, чтобы потом обвинить бастующих. Мрак и подлость сгустились над Болгарией. Откуда ждать просвета?

Только Коммунистическая партия защищала борющихся. Только депутаты-коммунисты требовали от правительства рассмотрения и удовлетворения требования стачечников. Но правительство отвергло запрос коммунистических депутатов и заявило, что оно будет вести борьбу с забастовщиками до конца. Оно объявило вне закона всех коммунистических руководителей. Установило награду за их поимку и передачу в руки властей.

В знак солидарности с железнодорожниками объявили стачку перникские шахтеры и портовые рабочие. Число стачечников росло. Росли и бедствия. Но трудовая Болгария не оставляла борющихся. Потекла помощь деньгами и продуктами из Плевена, Варны, Русе, Сливена, Пловдива. Народ собирал для бастующих муку, сало, фасоль… Каждую неделю рабочие отчисляли в фонд бастующих однодневный заработок, а служащие и лица свободных профессий давали, сколько кто мог. В кассы стачечных комитетов стекались сотни тысяч левов.

В поддержку железнодорожников была объявлена всеобщая политическая стачка. Продолжалась она целую неделю — с 29 декабря 1919 года по 3 января 1920 года. В ней приняла участие вся трудовая Болгария, бастовали даже учителя начальных школ и гимназий.

Центральный профессиональный совет в своем обращении к участникам забастовки солидарности, обращении, написанном Димитровым, заявлял:

«Центральный профессиональный совет приветствует в вашем лице болгарский рабочий класс, который отозвался на его призыв и ценой больших жертв и лишений проявил братскую солидарность с железнодорожниками, почтово-телеграфными работниками и другими государственными служащими…»

Стачка железнодорожников продолжалась пятьдесят пять

дней. Она была провалена слугами правительства, которые пробрались в ряды организации паровозников и в верхушку союза почтово-телеграфных работников.

Но, несмотря на поражение, рабочий класс вышел из столкновения с буржуазией еще более закаленным, готовым к новым битвам. Стачка транспортных рабочих была генеральной репетицией революционного пролетариата. Об этой стачке Георгий Димитров написал специальную брошюру «Поражение и победа», в которой говорилось: «Громадны, с другой стороны, ее уроки. Сами по себе они уже настоящее завоевание как для непосредственно участвовавших в борьбе рабочих, так и для всего пролетариата и представляют ценный капитал для будущих пролетарских битв»,

НЕУЛОВИМЫЙ

Полиция настойчиво искала Георгия Димитрова. Все сомнительные с ее точки зрения кварталы Ючбунара и около вокзала подвергались обыску по нескольку раз в день.

Враги осыпали его клеветой. Все, кто еще недавно призывал власти подавить забастовку, «покончить с большевистской заразой», теперь проливали крокодиловы слезы о «несчастных обманутых рабочих». В газетах тех дней часто можно было прочитать:

«Где вы теперь, подстрекатели и преступники? Почему оставили рабочих одних переносить последствия вашей безумной авантюры? Где ваша революционная доблесть? Почему не появляетесь перед уволенными железнодорожниками? Где вы, самозванные вожди рабочего класса?»

Так писали хозяева и увольняли каждый день сотни участников стачки.

Расправа ожидала и служащих Софийской общины. Георгий Димитров еще с 1914 года был советником (депутатом) общины от рабочих столицы. В ту пору, когда Совет общины принимал репрессивные меры по отношению к служащим, участвовавшим в забастовке, Димитров находился на нелегальном положении, а потому, естественно, не мог открыто выступить в их защиту. Этим и воспользовались, чтобы дискредитировать рабочего депутата, рабочего вожака, коммуниста. Газеты в те дни лицемерно писали:

«Где ты, Димитров? Почему не являешься, чтобы защитить служащих общины? Как выдерживает твоя совесть страдания матерей и детей, которые по твоей вине стоят сегодня на улицах голодные? Неужели не слышишь их воплей?»

12 февраля 1920 года Совет общины собрался на заседание. В залитом ярким летним солнцем зале за длинным столом восседали господа советники. Заседание еще не открылось, а советникам не терпелось высказать свое мнение по главному вопросу повестки дня:

— Если сегодня не уволим, то завтра они сядут нам на головы!

— Пусть Димитров берет на себя их грех. Почему не идет спасать их? Боится! Спрятался, как мышь под полом.

— Таковы все они, наши революционеры. Им бы собирать деньги, а пляшут пусть другие.

На председательском месте появился кмет строгий и важный.

— Господа советники! Вы призваны решить очень важный

вопрос, вопрос об увольнении служащих, принимавших участие в транспортной стачке. Мы считаем, что этот вопрос должен быть решен немедленно, хотя некоторые советники и отсутствуют… Известно, что советник Димитров, несмотря на неоднократные приглашения, не явился на заседание. Очевидно, он боится занять сторону увольняемых… Но мы не можем тянуть с решением столь жизненного вопроса, мы обязаны действовать быстро и строго. Итак, я приступаю к голосованию…

В этот момент дверь раскрылась, и в зал вошел Димитров.

— Я здесь, господа!. Напрасно вы меня обвиняете. Я также буду голосовать, только не за увольнение служащих, а за оставление на работе.

Кмет от неожиданности растерялся.

— Димитров, откуда вы взялись?

— Это неважно… Я пришел, чтобы защищать интересы служащих общины. Каждый, у кого есть совесть и чувство гражданского долга, также проголосует за оставление их на работе. Подумайте только, господа советники, сколько несчастных семей будет выброшено на улицу…

— Димитров, прекратите вашу пропаганду! Для нас вопрос ясен.

— Знаю, господин кмет, что для вас вопрос ясен, но я говорю не для вас и не только от своего имени…

— Никто вас не уполномочил говорить от имени других!

— Я говорю от имени моей партии! — ответил Димитров.

Кмет незаметно подал знак вызвать полицию. Полагая, что теперь все станет на свое место, кмет, успокоенный, обратился к присутствующим:

— Господа советники! Так как вопрос исчерпан, я — предлагаю перейти к голосованию. Итак, кто за увольнение служащих общины, участвовавших в стачке? Поднимите руки.

Кмет первым поднял руку. За ним последовали еще несколько человек из сидящих в первых креслах. Другие смущенно глядели на Димитрова.

— Прошу, господа! — поторапливал кмет.

Советники молчали.

— Кажется, за это голосовать никто больше не хочет, — заметил Димитров.

— Соблюдайте тишину! — ударил в звонок кмет. — Разговоры не нужны!

Подсчитали голоса.

— А теперь кто за возвращение на работу, против увольнения стачечников и мятежников, зараженных большевистской заразой, разрушителей государственного строя? Поднимите руки.

Димитров первым поднял руку. К нему присоединились еще несколько человек. В зале стало так тихо, что было слышно, как кмет считал голоса.

— Большинство! — выкрикнул Димитров.

— Не спешите! — оборвал кмет.

— Большинство! — повторил Димитров.

Кмет вздохнул, вытер со лба пот и спросил:

— Есть ли воздержавшиеся?

— Только один!

— Других нет?

— Нет…

— Значит, нет! Так и запротоколируем: большинство — за служащих общины, — подвел итог Димитров.

— Ну, это еще как сказать… — огрызнулся кмет. — Большинство в один голос — великое дело…

— И все же большинство! — заключил Георгий Димитров.

…Двери в зал вновь раскрылись, и советник, который ходил вызывать полицию, ошалело закричал:

— Господин кмет, община блокирована! Попытался связаться с городом, все телефонные провода перерезаны! Мы изолированы!..

Все повскакали с мест. Кмет кричал:

— Что значит изолированы? Вызовите полицию!

— Какая там полиция… Входы в общину охраняются неизвестными лицами. Нельзя ни войти, ни выйти.

— До свидания, господа! — Димитров вежливо улыбнулся и вышел.

Советники и кмет долго смотрели ему вслед… [25]

«Правительство и буржуазия торжествуют сегодня, — писал Димитров в брошюре «Поражение и победа», — что они победили стачку транспортных рабочих, воображают, что нанесли поражение всему болгарскому пролетариату и коммунизму. Поспешное торжество! Они забывают народную мудрость: «Смеется тот, кто смеется последним!» Не может быть никакого сомнения в том, что болгарский пролетариат из сегодняшнего временного поражения одной его части сумеет почерпнуть новые силы, улучшить и отточить свое оружие борьбы и ускорить свою окончательную победу над капитализмом».

ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ

В июне 1920 года партия решила направить Димитрова вместе с секретарем Центрального Комитета Василом Коларовым делегатом на Второй конгресс Третьего Коммунистического Интернационала в Москву.

Прекрасный оратор, образованный юрист и высококультурный человек, Васил Коларов был в Коммунистической партии представителем передовой части народной интеллигенции. Его роль в партии идеально сочеталась с ролью Димитрова. Политическая и личная дружба двух коммунистических деятелей становилась все теснее и глубже. Не случайно именно их послала партия своими делегатами на конгресс Коминтерна.

Путешествие в Москву в то время было связано с большими трудностями. Пробраться в Москву можно было только или через Германию, или по Черному морю. Путь через Германию был исключен, потому что в Польше еще бушевала война и западные границы России были закрыты. Оставался только черноморский путь: Варна — Одесса, хотя это и было сопряжено со многими опасностями и риском. Берега Крымского полуострова охранялись английскими и французскими крейсерами. В Крыму хозяйничали белогвардейцы.

Болгарские делегаты Васил Коларов, Георгий Димитров, Христо Кабакчиев и Никола Максимов решили ехать через Черное море. Начались лихорадочные приготовления.

Коларов и Димитров прибыли в Варну. Здесь, на вокзале, их встретил Никола Пенев, связной Центрального Комитета.

— Ну как, все готово? — спросил Коларов.

— Да, лодки ждут у берега.

— Тогда идем.

За железной дорогой вошли в заросли камыша и направились к Варненскому озеру. Летний день варненцы проводили на берегу моря, а потому здесь, у озера, было тихо и безлюдно, что давало нашим путникам возможность незаметно добраться до условленного места.

Приблизившись к озеру, Никола Пенев осторожно раздвинул тростник и огляделся. Перед ним блестела тихая гладь озера.

— Можно идти!

Димитров ускорил шаг. Следом за ним — Коларов. Когда кончились тростниковые заросли, открылся чистый песчаный берег. Метрах в десяти от берега на воде слегка покачивались две

лодки со спящими в них лодочниками.

— В этих скорлупках плыть в Одессу? — спросил Коларов.

— У них есть и паруса, — как бы успокаивая, ответил Пенев.

— Ну, совсем как великая армада! — усмехнулся Димитров.

— По хорошей погоде через два-три дня будете в Одессе.

— А лодочники подходящие?

— Нейтральные люди; кто им платит, тому и служат, — ответил Пенев. — А пока, товарищи, назад в камыши, здесь нас могут увидеть.

Коларову не сиделось. Он пошел еще раз поглядеть лодки. Лодочники все еще спали. В лодке валялись пустые бутылки, куски хлеба, колбасы и сыра. Видно, лодочники перед долгим путешествием основательно выпили. Не восхитили Коларова и сами лодки: одна могла взять двух, вторая — трех человек. Но что делать, уж очень велика цель, ради нее можно пойти на любой риск.

В два часа ночи 29 июня лодки вышли в море. Поначалу погода была хорошей, но вскоре подул северо-восточный ветер, небо покрылось черными тучами. В разрывах туч мелькала вечерняя звезда.

— Советская звезда будет нашим маяком!

Погода все ухудшалась. Море бороздили большие черные валы. Исчезла звездочка, которая так радовала путников. Лодки метались с гребня на гребень. Все примолкли. Начался дождь.

— Ничего, сейчас соорудим могилу, — успокоил лодочник.

Путники удивленно переглянулись. Молодой и веселый хлопец, подручный лодочника, уложил с борта на борт шест, накинул на него брезент, и «могила» готова. Димитров и Коларов забрались в укрытие и скоро под мерный стук дождя по брезентовой крыше уснули.

Разбудил их крик:

— Помогите! Погибаем!

Димитров и Коларов вскочили и разглядели в темноте, как лодочник, отчаянно вцепившись в руль, старается выправить положение лодки. Оказалось, пока пассажиры спали, лодочники напились и также заснули. Когда же один из них очнулся, оказалось, что лодка стала игрушкой волн…

Утром, когда солнце озарило морскую ширь, путники увидели, что второй лодки нигде нет. Как позже выяснилось, лодка с Кабакчиевым и Максимовым ночью сбилась с курса и после некоторого плутанья вновь очутилась у болгарского берега.

При утреннем свете выяснилась и другая беда: из бочонка вытекла вся питьевая вода. Кто-то из лодочников, утолив ночью жажду, забыл закрыть кран.

— Это же катастрофа! Как можно без воды достичь Одессы? — сказал Коларов.

Лодочники смотрели виновато. Тот, кто помоложе, успокоил:

— Возьмем воду в нашем селе Жириловке.

— Где эта Жириловка?

— Недалеко от Констанцы…

— Так это же в Румынии…

— Да, но там хорошие люди. Там моя невеста. Никто нас не выдаст румынам. Честное слово! Моя невеста бывалая женщина; как ей скажешь, так и будет. Я там водой запасаюсь, когда рыбу ловлю в том районе.

— А румынские посты?

— Кто обращает внимание на румынские посты? Дай две сигаретки — и готово. Сколько раз я вместе с невестой перевозил контрабанду!

Коларов, как комендант лодки, принял решение плыть к устью Дуная и там набрать пресной воды.

День 3 июля был тихим и солнечным. Море блестело, как огромное зеркало. Казалось, ничто не предвещало беды. Путники выкупались и сейчас лежали, подставляя обнаженные тела горячему солнцу. Вот уже и песня зазвенела. Но… что это? На горизонте показался дымок, затем труба, и вот уже ясно стало видно военное судно. Рассекая воду, оно быстро приближалось к лодке.

— Ну, теперь плена нам не миновать, — сказал Димитров.

— По всему видно…

— Надо что-то предпринять!

— Надо прежде всего осмотреть, нет ли чего лишнего в лодке, — предложил Коларов. — Покажите, что у вас есть, — обратился он к лодочникам.

Лодочники переглянулись.

— Быстрее, времени на раздумье нет,

— У меня есть бомба, — пробормотал лодочник, что сидел за рулем.

— Какая бомба? Немедленно в море!

Лодочник выполнил приказ.

— Нет ли еще чего, говорите, чтобы не влипнуть по глупости…

— Есть портфель…

Димитров открыл портфель и увидел в нем железную трубку, запаянную на концах. Объяснения не требовалось. Везли секретное шпионское письмо. Трубка полетела в море.

— Что еще есть, выкладывай! — потребовал Коларов.

Лодочник вынул из-за пазухи конверт, сложенный пополам.

Коларов быстро пробежал извлеченное из конверта письмо.

— Сведения о румынских войсках в Добрудже… Здорово!

Коларов быстро порвал письмо в клочья и швырнул за борт. Почти в тот же момент с канонерки раздалась команда на русском языке.

— Убрать парус!

Канонерка подошла вплотную. Матросы быстро перебросили на лодку трап. Лейтенант отдал приказ: оставить лодку и подняться на канонерку.

Коларов и Димитров перебрались на канонерку. Их тут же обыскали, но ничего предосудительного не нашли. Раздраженный таким результатом лейтенант сердито бросил:

— Выкинули в море… Ну ничего, в комендатуре расскажете правду. Большевистские агенты!

— Никакие мы не агенты. Мы болгарские депутаты.

— Болгарские депутаты! А что ищут болгарские депутаты в румынских водах?

— Это мы объясним в комендатуре.

— И я так думаю, господин депутат. Там вы все объясните, — съязвил лейтенант и стал пересчитывать деньги, найденные у арестованных.

— Видно, хорошо вам платят большевики, а?..

— Запишите найденные у нас деньги в протокол, господин лейтенант, и не задавайте нам лишних вопросов, — прервал его Димитров.

Лейтенант еще раз пересчитал деньги. Ему, видно, очень не хотелось расставаться с ними…

Покончив со всеми формальностями, лейтенант повел канонерку к берегу. Печально глядели пленники на берег, где их ждала полная неизвестность.

Вот и Констанца. Ночью арестованных вывели на берег. Лодочников отделили, а Коларова и Димитрова повели под усиленной охраной. Город спал, слышался лишь стук солдатских сапог да позвякивание сабель конвоя.

Арестованных ввели в какое-то помещение, переполненное спящими солдатами. Было там темно и душно. Осмотревшись, Димитров и Коларов нашли свободное место на нарах и решили там устроиться. Но прошло немного времени, и дверь открылась, в комнате появился тот же румын и приказал арестованным следовать за ними. Шли темным коридором, то поднимались, то спускались по узким лестницам, пока не остановились у низкой железной двери.

— Входите!

Румын открыл дверь, из темной дыры потянуло плесенью и

холодом.

— Что это? — спросил Коларов.

Вместо ответа румын втолкнул обоих в темную дыру и быстро запер дверь. Арестованные поняли, что они в карцере. Похож он был на гроб: два метра в длину, метр в ширину. Со стен стекала вода, пол покрыт грязью, воздух сырой, но и его явно не хватало.

— Здесь можно задохнуться, — сказал Коларов.

Димитров во всю силу стал стучать в дверь. Гул понесся по коридору, разбудил все и вся. Появился румын.

— Что случилось?

— Задыхаемся.

— Ничем не могу помочь…

Из соседней камеры донесся голос болгарина:

— Не из Добрича ли вы, товарищи?

— Болгары мы, из Софии! — крикнул в ответ Димитров.

— Вот как! Перебирайтесь к нам. Мы добруджанцы. Нас высылают на соляные промыслы…

Димитров и Коларов направились к камере, откуда слышался болгарский говор.

— Нельзя, нельзя! — закричал румын. — Я за вас отвечаю!

Тогда болгары из соседней камеры заговорили с ним по-румынски. В ответ румын твердил одно;

— Респонсабилита! Респонсабилита!

— Что это он лопочет? — поинтересовался Димитров.

— Говорит, что несет за вас ответственность. Но вы не тревожьтесь: дадим ему трубку табаку, и все будет в порядке. Он кочевряжится, чтобы побольше табаку получить.

Начался оживленный торг. Наконец румын вынул связку ключей и поспешно стал открывать камеру. Дверь заскрипела, и Димитров с Коларовым перебрались в камеру, где сидели арестованные добруджанцы. А начальник, засовывая в карман мешочек с табаком, все еще бормотал: «Респонсабилита! Респонсабилита!»

Димитров и Коларов подружились с заключенными добруджанцами, и они взялись доставить в Болгарию, в Центральный Комитет, лично Благоеву письмо. И хотя сделать это было очень трудно — их самих высылали на каторжные работы на соляные промыслы, — болгары сдержали слово.

Димитрова и Коларова перебрасывали из камеры в камеру, пока, наконец, не очутились они в военной тюрьме, на железных воротах которой было начертано: «Покаяние и терпение».

Шли дни, но никто из властей не посещал заключенных. Казалось, их забыли. Наконец Коларов подал заявление

командиру корпуса с подробным описанием всего происшедшего с ними. После этого началось следствие.

Следователь был удивлен, когда понял, что перед ним не авантюристы, а депутаты болгарского парламента. Он несколько раз обращался к Коларову:

— Как это вы, человек с видным общественным положением, адвокат, депутат, человек, имеющий жену и детей, решились сесть в рыбацкую лодку и отправиться в плавание по морю аж до самой России? Думали ли вы, что может с вами случиться? Думали ли вы о вашей семье?

Коларов отвечал:

— Мы коммунисты, солдаты нашей партии, мы выполняли ее приказ. О том и мысли не могло быть, что мы откажемся выполнить приказ партии только потому, что путешествие связано с риском гибели… А что касается моей семьи, то я твердо убежден, что в случае несчастья партия позаботится о ней.

Следователь задумчиво глядел в окно; услышанное взволновало его. Может быть, ему припомнился прочитанный в юношеские годы роман о героях, о смелых людях, презиравших смерть… И вот сейчас на земле его Румынии, перед ним самим не фантастические герои, а самые настоящие живые люди, с кровью и плотью…

Как ни старались румынские власти сфабриковать обвинение против двух коммунистических депутатов, как ни старались представить их большевистскими агентами, ничего из этого не вышло. В защиту депутатов поднялась болгарская и румынская прогрессивная общественность. Румынские депутаты-социалисты сделали запрос в парламенте и потребовали освобождения болгарских депутатов. 17 июля 1920 года министр иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин обратился к правительству Румынии с нотой, которая содержала требование освободить Димитрова и Коларова.

После вмешательства Советской России Коларов и Димитров были освобождены. Их посадили в автомашину и отвезли на болгарскую границу, к городу Добрич. Здесь их радушно встретили болгарские пограничники. Солдаты говорили:

— Все газеты писали о вас. Мы очень боялись, как бы не убили вас. Наши власти палец о палец не ударили в вашу защиту. Только благодаря партии и русским вы теперь свободны.

И эти слова согревали, как согревало щедрое солнце Добруджанскую равнину…

ПЕРЕД БУРЕЙ

В январе 1921 года Георгий Димитров присутствовал на учредительном съезде Итальянской коммунистической партии в Ливорно. В том же году выехал в Советскую Россию. Здесь он участвовал в заседаниях Всероссийского съезда профсоюзов и конгресса Коминтерна.

Впервые он увидел Советскую страну.

В Москве был Ленин. Из Москвы летели крылатые призывы, волновавшие людей всей земли. Москва приковывала к себе внимание всех: и тех, кто ее любил, и тех, кто ее боялся. Москва к тому времени много перестрадала, но по-прежнему бодро и уверенно смотрела вперед…

Москва еще голодала, но люди ее, слушая Ленина, понимали, как ничтожны их личные беды перед делом революции.

О Ленине, его гениальной прозорливости, его горячем сердце, его непоколебимой вере в народ, в дело революции, о всем том, что соединилось в личности этого человека, создавались легенды, сказания, переполненные человеческой радостью.

Каждый считал счастьем встретиться с ним, разговаривать с ним.

…Ленин сидел в глубоком кресле своего кабинета. Подперев рукой голову, он внимательно, с интересом слушал то, что ему рассказывал болгарский делегат. За покрытым зеленым сукном столом видна была часть библиотеки. Чуть в стороне от стола стояла вращающаяся этажерка с книгами. На стене висела большая географическая карта. И это все, что было в его кремлевском кабинете…

Георгий Димитров говорил горячо. Он рассказывал о положении в Болгарии, о силах рабочего класса и силах реакции. Он не упускал случая подчеркнуть, что борьба рабочих и крестьян разрастается, что они все больше объединяются против общего врага. Ленин поглядывал на своего собеседника: этот энергичный человек своей приверженностью к делу завладевал вниманием Ленина. Наконец Ленин встал и, заложив пальцы за жилет, стал расхаживать по кабинету.

— А как осуществлен союз между рабочими и крестьянами? — спросил он, заглядывая в лицо Димитрова.

— Организационно это еще не осуществлено, — ответил Димитров.

Ленин задумался и вновь зашагал по кабинету. Он словно бы

видел положение послевоенной Болгарии, оценивал силы партии, которая должна вести предстоящие бои. Шагая, он заговорил об этом. Димитров ловил каждое его слово.

— Мой совет — не увлекаться, — сказал, наконец, Ленин, остановившись у кресла. — Силы реакции у вас еще очень значительны. И положение может стать неблагоприятным для коммунистов…

Анализируя некоторые факты, изложенные Димитровым, Ленин продолжал:

— Нужно на деле осуществить крепкий союз рабочего класса с крестьянством. Не забывайте, что вы прежде всего крестьянская страна. Нужно завоевать мелкособственническую крестьянскую массу, чтобы в решительный момент противопоставить ее реакции.

В кабинете было тихо, отчего слова Ленина, казалось, приобретали еще большую весомость. Ленин шагал от двери к столу и просто и ясно излагал свои взгляды. Остановившись, он взглянул на часы и сказал:

— Надо идти на заседание. Время.

Димитров встал. Ленин взял со стола только что отпечатанные листы брошюры о продналоге.

— Вот видите, какой поворот мы делаем в нашей политике. Вынуждены прибегнуть к нэпу. Это корректура брошюры о продналоге. Прочтите ее, и очень прошу вас, если будут какие замечания по существу, сообщите мне завтра.

Ленин взял дружески Димитрова под руку и направился с ним к выходу…

За кремлевскими стенами шумел старинный город, столица революции, город, о котором Димитров сказал на Всероссийском съезде профсоюзов:

«Москва — путеводная звезда пролетарской борьбы всего мира. Москва — солнце, разгоняющее мрак непроницаемой ночи в капиталистическом мире…»

Вот она, Москва, за верность которой его преследовали в Болгарии. Он глядел на нее с высот Кремля, и сердце его взволнованно билось…

В Болгарии у власти стоял Земледельческий союз во главе с Александром Стамболийским. Царь Борис ненавидел премьер-министра за его «бунтарскую самонадеянность», а также за то, что «этот мужик» не раз ругал отца его Фердинанда. Борис делал вид, что он одобряет политику Стамболийского, а тайно вел переговоры с министрами своего отца об устранении Стамболийского.

Реакционеры понимали, что, поскольку народ на стороне

Коммунистической партии и Земледельческого союза, им не взять власть путем обыкновенных выборов в парламент. Поэтому решили совершить переворот, насильственно свалить власть Стамболийского. С этой целью был образован так называемый «Конституционный блок», в который вошли все буржуазные партии.

В 1922 году «Конституционный блок» собрался па свой съезд в Тырново. Этот съезд, как намечалось заговорщиками, должен был подать сигнал к выступлению против правительства Стамболийского. Но Стамболийский, разгадав замысел реакции, созвал на тот же день в том же Тырново съезд свекловодов. Делегаты этого своеобразного съезда прибыли в Тырново с цепами и дубинками. При виде делегатов с такими «мандатами» участники съезда «Конституционного блока» — блокари — бежали из Тырново. Вожаки их были отведены к реке Янтре и наказаны: в назидание им отрезали бороды.

Кое-кто, увидев это зрелище, говаривал земледельцам:

— Сейчас вы им режете бороды, а завтра они придут к власти и будут резать вам головы…

Кто мог поверить тогда, что это пророчество сбудется так скоро!

Попытка реакционеров совершить переворот в 1922 году не удалась. Но реакция не сложила оружия. Она готовилась к новой схватке, рассчитывая на поддержку находящихся в Болгарии белогвардейских войск генерала Врангеля.

Центральный Комитет Коммунистической партии обратился к народу с призывом: «Вооружайтесь! Продай пальто, купи ружье!»

И народ начал вооружаться.

Партия приступила к созданию военной организации, повела широкую разъяснительную работу в армии, стала издавать свой печатный орган «Народная армия», основала «Народный союз запасных офицеров и подофицеров».

Секретарь ЦК Коммунистической партии Васил Коларов посетил заместителя Стамболийского Райко Даскалова, рассказал ему о готовящемся реакцией перевороте и необходимости вооружить рабочие массы.

— Дайте оружие с государственных складов, чтобы мы смогли вооружить наши городские отряды.

— Будьте спокойны, — ответил Даскалов, — за пятнадцать минут до переворота мы вооружим вас. Если, конечно, произойдет переворот…

— Господин министр, — возразил Коларов, — я сомневаюсь, будете ли вы иметь в своем распоряжении эти пятнадцать

минут…

— Будьте уверены, власть на своем посту!

Между тем реакция от слов переходила к делу. Фашисты избивали коммунистов, бросали бомбы в ряды демонстрантов, подожгли Дом партии в Софии[26]. Правительство Стамболийского не увидело в этом угрозы для всех трудящихся Болгарии, оно восприняло борьбу реакции как борьбу только против коммунистов.

Коммунистическая партия неустанно предупреждала:

— Будьте бдительны! Реакция готовится к перевороту!

— Под суд виновников двух катастроф Болгарии!

В обращении Центрального Комитета говорилось:

«Буржуазный блок, не будучи в состоянии в открытой политической борьбе уничтожить Коммунистическую партию, которая является главным препятствием в достижении его конечной цели, обращается за помощью к Врангелю. Буржуазный блок хочет захватить власть и переложить все тяготы мирного договора на плечи народных масс».

Правительство Стамболийского после съезда свекловодов, когда ему так легко удалось справиться с буржуазным блоком, решило, что блокари — это кучка людей, которую можно смести в любой момент.

Это заблуждение достигло своей вершины в апреле 1923 года, когда проводились выборы в парламент. Главную опасность Стамболийский тогда видел не в реакции, а в коммунистах, против них он и направил удары.

— Переворот невозможен, — говорил Стамболийский, — а коммунистам мы дадим Бургасские болота, пусть там создают свою республику.

В том же духе ему подпевали и различные советники:

— Коммунисты — твои враги! Остерегайся их. Они отнимут у тебя власть, как в России отняли у Керенского…

После победы на выборах в парламент Стамболийский отбыл на отдых в родное село Славовица.

Через несколько дней туда же прибыл царь Борис. Был он очень любезен, милостиво разговаривал с крестьянами, интересовался их жизнью, делами, хвалил их вождя.

А 9 июля 1923 года все рухнуло. Ночью правительство Стамболийского было свергнуто, министры его арестованы.

Стамболийский в то время еще находился в Славовице. Царь Борис отправил туда офицера с поручением отрезать голову Стамболийскому и привезти ее в Софию. Посланец точно выполнил царский приказ. Стамболийский был убит, а тело его брошено в реку Марицу…

Крестьяне, узнав о перевороте, взялись за оружие, вилы и косы. По инициативе руководителей местных организаций коммунистов и земледельцев вспыхнули восстания в Карлово, Плевене, Шумене, Варне… Но это были разрозненные восстания, без центрального руководства, а потому успеха они не имели.

Совершило ошибку и руководство Коммунистической партии. Центральный Комитет, давая оценку событиям, указал, что идет борьба «между городской и сельской буржуазией», и призвал коммунистов не вмешиваться в эту борьбу, а выжидать развития событий «с ружьем у ноги».

Реакция вздохнула облегченно.

«Болгарская коммунистическая партия, — писали реакционные газеты, — не окажет поддержки ни Стамболийскому, ни новому правительству и не примет участия в военных действиях между городской и сельской буржуазией…»

В этом звучали ирония и удовлетворение.

Борис также вздохнул облегченно и подписал указ о новом правительстве.

Над Болгарией опустилась непроглядная ночь…

ЕДИНЫЙ ФРОНТ

Было три часа после полуночи, когда подпоручик Салиев вел арестованных жителей квартала Ючбунар. Полицейские участки были так переполнены, что для этой группы арестованных уже не находилось места.

Город освещала ясная луна. На площади и улицы пали тени высоких каменных зданий, что Придавало спящему городу некую таинственность. От реки Владаи тянул ветерок, который нес запахи гниющих трав и тины. Подпоручик с красными от пьянства глазами, бренча саблей по тротуару, гнал арестованных, срывая на них злобу за еще одну бессонную ночь. Арестованные не ожидали ничего доброго для себя, а потому не считали нужным спешить, хотя их и подгоняли: пьяный офицер — руганью, полицейские — прикладами.

Остановились перед серым зданием полицейского участка. Подпоручик нетерпеливо нажал кнопку звонка. Тяжелая дверь раскрылась, и на пороге появился полицейский. Увидев подпоручика и арестованных, он закричал:

— Зачем ты их сюда привел? Разве тебе не говорили, что нет мест? Куда я их дену?

Подпоручик выругался и пошел искать начальника. Дежурный начальник дремал за столом. Сиплым громким голосом подпоручик разбудил его:

— Разрешите доложить. Два часа я уже плутаю с группой арестованных. Негде их оставить. Это просто безобразие. Куда ни придешь — нет мест. Что с ними делать?

Начальник, протирая глаза, глядел ошалело па подпоручика, все еще не соображая, о чем он ведет речь.

— Скоро начнет светать, — продолжал Салиев, — а в приказе сказано, что днем нельзя производить арестов, чтобы не раздражать общественное мнение…

— Общественное мнение, говоришь? Вот чепуха! Сколько человек у тебя?

— Семнадцать.

— Эге… не мало. Не можем взять к себе. А в училище не пробовал?

— Нет.

— Там наверняка есть место.

— Не думаю, училище было переполнено еще с прошлой ночи.

Начальник многозначительно поглядел на поручика.

— Ты что же, думаешь, мы так и будем без конца держать их, чтобы они хлеб ели?.. Такого намерения у нас нет. Отведи их в училище, а там видно будет. Да скорее, пока еще не рассвело…

Подпоручик направился к выходу, но начальник его окликнул:

— Так ты говоришь, семнадцать человек ведешь?

— Семнадцать.

— Так вот что. Я думаю, не стоит их вести в училище…

— А как же?

— Внизу грузовой автомобиль, свободный. Погрузишь…

— Как и в прошлую ночь?

— Точно так…

— Без следствия и допроса?

— Следствие, допросы… У тебя, подпоручик Салиев, видно, нервы не в порядке. Спеши, через час солнце взойдет…

Подпоручику, охваченному нетерпением как можно скорее сбыть арестованных, совет начальника отнюдь не показался ужасным.

Через несколько минут перед полицейским участком уже тарахтел грузовик.

— Садитесь, — приказал подпоручик, — отвезем вас в гимназию. Так приказано.

Когда все погрузились, подпоручик сел в кабину шофера и приказал ехать в Искырское ущелье.

— Туда, где были в прошлую ночь, помнишь?

Шофер кивнул.

Грузовик летел на полной скорости.

Медленно рассветало, вырисовывались силуэты деревьев, кое-где дымили трубы, слышался лай собак. Подпоручик тревожно вглядывался в чуть розовеющий горизонт. Еще немного, и солнце взойдет…

— Быстрей, быстрей! — торопил он шофера.

Пять часов. Грузовик остановился в закрытой со всех сторон лесистой ложбине. Где-то внизу с ревом катил свои воды Искыр. Скалистые вершины осветились первыми лучами летнего солнца. Издалека донеслись звуки колокольчиков и лай собак, охранявших стадо. Пробуждались села, раскинутые на зеленых склонах Искырского ущелья. Начинался день, полный труда и забот.

Подпоручик Салиев отдал команду;

— Первую группу — в лесок. Вторую — под скалы! Третью — к реке.

Полицейские бросились к арестованным.

А они, уже давно понявшие, что их ждет, тесно сгрудившись,

запели «Интернационал». Полицейские взбесились.

— Бей их! Чего ждете? — заорал подпоручик и сам первый разрядил свой пистолет.

Загрохотали выстрелы. Послышались стоны и голоса: «Да здравствует коммунизм!»

— Скорей! Скорей! — кричал подпоручик.

Уже замолкла песня, уже не слышалось ни голосов, ни стонов. А выстрелы все гремели, палачи боялись самой тишины.

Обливаясь кровью, пала последняя жертва. Полицейские поспешно выкопали яму, свалили туда убитых и так же быстро, как мчались сюда, помчались обратно в Софию.

Аресты, убийства продолжались…

Васил Коларов, тогдашний генеральный секретарь Коммунистического Интернационала, вернулся в Болгарию и убедил руководство Центрального Комитета в необходимости немедленного изменения курса. К началу августа 1923 года Центральный Комитет определил свою новую линию. Было решено войти в блок с Земледельческим союзом и предложить единый фронт Социал-демократической партии[27] в совместной борьбе против фашизма.

Георгий Димитров писал в газете «Работнически вестник»:

«Разве кто-нибудь решится сегодня серьезно утверждать, что в момент, когда трудящиеся массы и вся трудовая интеллигенция находятся в таком бедственном положении и подвергнуты таким тяжким испытаниям и страшным опасностям, их партии не могли бы подать друг другу руки для совместной борьбы и действовать единым фронтом против наступления капитала, во имя единой конкретной программы по жизненно важным вопросам зарплаты, рабочего дня, пропитания, земли, жилищ, налогов, репараций и проч.?»

Димитров писал дальше:

«Единый фронт на практике вовсе не означает ни отступления от своих общих партийных принципов, ни партийной обезлички, он означает лишь принятие общей конкретной антикапиталистической платформы в защиту трудящихся масс и совместную борьбу за проведение в жизнь этой платформы».

Димитров предупреждал:

«Тяжело и горько придется тем партиям или вождям партий, которые, желая быть представителями трудового болгарского народа, имели бы неразумность выступить, исходя из своих партийных и личных расчетов и соображений, за сохранение своей коалиции с капиталистами, против единого фронта труда! Этим они сами подпишут себе политический смертный приговор!»

Из противного лагеря на это отвечали:

«Управление страной должно принадлежать не невежественному народному большинству, не толпе, а интеллигентному капиталистическому меньшинству, избранному управлять…»

Чтобы не допустить образования единого фронта, реакция пыталась поссорить партии.

«Предложение коммунистов о едином фронте — это ловкий маневр хороших тактиков, направленный на внесение смуты в Социал-демократическую партию и дезорганизацию ее рядов…»

«Коммунисты отступают от своей программы, — лукаво говорили другие, — в их рядах наступило разложение, они раздумывают о том, как спасти свои головы и шкуру».

Некоторые издевались: «Это моральное падение болгарских коммунистов».

«Единый фронт труда, — отвечал Димитров, — необходим для того, чтобы обеспечить трудовому народу хлеб, жизнь, права, свободы и будущее. Единый фронт необходим для того, чтобы оградить трудящиеся массы, всю трудовую интеллигенцию и все некапиталистические элементы от эксплуатации, ограбления и угнетения со стороны капиталистического меньшинства, сорвать задуманную им военную или фашистскую диктатуру и создать свою собственную, действительно народную власть.

Единый фронт необходим для того, чтобы предотвратить возможные новые военные авантюры и опасности, гарантировать политическую свободу, национальную независимость и мир стране, так же как и братские отношения с соседними народами.

Единый фронт трудящихся масс, наконец, необходим для того, чтобы двинуть вперед общественное развитие к полному освобождению народа и страны от ига капитализма».

Страх и злоба в лагере реакции росли:

«Еще сейчас, еще сегодня, еще в этот момент необходимо ликвидировать коммунизм в Болгарии. Если упустим нынешний удобный момент, то совершим непростительную ошибку, которую, может быть, придется искупить большими жертвами».

«Эти преступники еще недостаточно наказаны, есть только одно разумное средство против них — полное их уничтожение!»

Раздавались требования выбросить из парламента коммунистов-депутатов.

«Когда мы настаиваем на том, чтобы не допускать коммунистов в парламент, мы руководствуемся не чувством ненависти, которое нам совершенно чуждо, а высшими государственными и общественными интересами…»

А их «высшими государственными и общественными

интересами» были: режь народ! копи богатство! живи привольно!

Реакция разгромила все клубы Коммунистической партии, Рабочего профессионального союза, кооперации «Освобождение». Разгромила и захватила редакции и типографии всех коммунистических газет, арестовала свыше двух тысяч коммунистических деятелей, запретила собрания, ввела военное положение.

Георгий Димитров ушел в подполье. Голова его была оценена в сто тысяч левов.

Сентябрь 1923 года. Погода стояла тихая, солнечная. На бульварах Софии падали первые пожелтевшие листья, на базарах продавали жареную кукурузу, сочные груши, яблоки, виноград…

Мать Димитрова — Парашкева — и жена его Любица целыми днями прислушивались, не постучит ли в ворота полиция. Сколько раз она стучалась, рылась, искала! Но Димитрова и след простыл. Центральный Комитет партии работал нелегально.

В тот вечер на улице Бачо Киро было оживленно. Среди множества праздных людей сновали шпики. В высоком желтом здании, стоявшем на этой улице, находилась небольшая частная химическая лаборатория. Хозяйка дома Настя Исакова принимала гостей. В комнатах второго этажа веселилась молодежь. Сын хозяйки играл на пианино, а когда уставал — заводил граммофон.

В нижнем этаже — как говорится, под шумок — собрались члены Центрального Комитета Коммунистической партии: Тодор Луканов, Тодор Петров, Никола Пенев, Антон Иванов. Ожидали Георгия Димитрова и Васила Коларова.

Настя время от времени подходила к окну, отодвигала тяжелую портьеру и поглядывала на улицу. Ее беспокойство росло еще и потому, что напротив находилась квартира важного полицейского агента.

Вечерело. В глубине улицы блеснула электрическая лампа. Настя задернула занавеску и направилась к молодежи. Но в этот момент снизу послышался стук в дверь. Неужели полиция? Настя испуганно оглянулась и быстро пошла вниз. Стук в дверь повторился.

— Есть ли тут люди?

— Отворите, люди, — произнес все тот же голос.

Настя улыбнулась, облегченно вздохнула — то был знакомый голос. Настя повернула дверной ключ, и в ту же минуту порог переступили два офицера. Настя испуганно отскочила, но один из офицеров, тот, что повыше и с бородой, сказал:

— Не бойся, Настя, не бойся!

Голос был тот же, который только что звучал из-за двери, —

голос Димитрова.

— Проходите быстрее, — сказала Настя, — напротив живут гады, наблюдают.

— За это им платят, Настя, — усмехнулся Димитров и снял саблю. Следом за ним шел Коларов.

Настя заперла дверь и повела гостей темным коридором в комнату, где их ожидали члены ЦК.

Появление Коларова и Димитрова внесло оживление, все расселись за столом, покрытым льняной скатертью, и приступили к работе.

С верхнего этажа долетали звуки пианино и песни. Настя стояла у окна за тяжелой портьерой и, чуть приоткрыв ее, поглядывала на улицу. Там было спокойно и пусто.

В тот вечер заседание Центрального Комитета было коротким, но бурным. По генеральному вопросу — должна ли партия пойти на вооруженное восстание — существовало разногласие. Этот вопрос ставился уже во второй раз.

Коларов и Димитров поддерживали линию на восстание.

— Другого пути для партии нет! — говорили они. — Мы обязаны принять брошенный нам вызов и поднять на решительный бой народные массы, которые во многих местах поднимаются уже стихийно… Партия должна как можно скорее перейти к вооруженному восстанию для свержения фашистской диктатуры! Если мы не сделаем этого сейчас, мы примем историческую ответственность перед болгарским народом. Время терять нельзя! Народ ждет только сигнала! Нужно твердое и последовательное руководство… Мы обязаны обеспечить это руководство…

Организационный секретарь партии Тодор Луканов считал такое решение преждевременным. Никола Пенев колебался.

— Товарищи, — говорил Коларов, — будущее народа поставлено на карту! Мы должны принять решение — 22 сентября объявить восстание! Цель восстания: свергнуть узурпаторское правительство Цанкова, пришедшее к власти через военно-фашистский переворот 9 июня, и установить рабоче-крестьянское правительство. Коммунистическая партия будет действовать совместно с Земледельческим союзом. Надо назначить главный военно-революционный комитет по руководству восстанием из представителей Коммунистической партии и Земледельческого союза!

— Я поддерживаю товарища Коларова! — сказал Димитров.

В комнате стлался табачный дым, было душно. Все молчали.

— Что же, товарищи, будем голосовать? — спросил Коларов.

— Да, голосовать, — ответил Тодор Петров.

— Да, голосовать, товарищи! — поддержал Димитров.

Тодор Луканов глядел задумчиво, душу его раздирали противоречия. Он не знал, что предпринять. Ясно ему было только одно: надо выполнить демократический принцип — поставить предложение на голосование. Оглядев товарищей, он сказал взволнованно:

— Кто за восстание 22 сентября? Поднимите руку!

Димитров, Коларов, Тодор Петров и Антон Иванов подняли руки. Никола Пенев заявил, что он остается при особом мнении. Тодор Луканов оказался в одиночестве.

Восстание было назначено в ночь с 22 на 23 сентября 1923 года.

В тот же вечер, до полицейского часа, члены Центрального Комитета оставили квартиру.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Оставалось несколько минут до прибытия поезда. В этот день было мало пассажиров. Из Подуяне всегда ехало не так уже много людей.

Единственный человек, который ожидал поезда в Пловдив, был высокий русый мужчина в темно-си-нем коротком пальто, зеленых офицерских бриджах и коричневых, тщательно начищенных сапогах. Недалеко от него на скамейке сидели два стрелочника и лениво разговаривали. Возле них рылись в мусоре куры. Вокруг валялись арбузные корки, тыквенные семечки, виноградная кожура.

Солнце пекло во всю мочь. Было тихо, приятно. В воздухе носились паутинки.

Русый путник поглядывал то на часы, то на железнодорожное полотно. Вдали пыхтел паровоз — поезд прибывал. В это время из зала ожидания выскочил молодой человек и крикнул:

— Майор, майор!

Высокий мужчина удивленно обернулся,

— Вы меня не узнаете, майор?

— А, Панов! Откуда?

— Только что прибыл сюда. А вы?

— Еду в Сараньово. Ну до свидания, а то на поезд опоздаю, — майор подал руку попрощаться, но молодой человек задержал ее.

— Слушайте, майор, вам надо остаться!

— Зачем?

Поезд остановился, майор поглядывал то на вагоны, то на знакомого.

— Отложите поездку, майор, — настаивал Панов. — Я должен вам передать важное сообщение…

— Не шутите, Панов, мне ехать надо.

— Я не шучу, мне поручено вернуть вас в Софию по очень серьезному делу…

— По какому делу? Говорите!

— Идите со мной. После объясню, здесь неудобно.

Майор запаса Тодоров отложил поездку в Сараньово.

В тот же день майор был приведен на квартиру Иванова. Здесь ему были открыты причины, ради которых он отказался от поездки.

— Товарищ, — обратился к нему Иванов, — может быть, вам известно, что товарищи Георгий Димитров и Васил Коларов находятся на нелегальном положении…

— Да, известно.

— Вероятно, знаете и то, что им угрожает страшная опасность.

— Предполагаю.

. — Знаете также, что петля фашистского террора все сильнее затягивается вокруг них…

— Безусловно.

— Именно поэтому мы обязаны помочь товарищам Димитрову и Коларову.

Иванов пристально глядел на майора, короткие его ответы ему нравились.

— Следовательно, — продолжал Иванов, — мы обязаны сделать все возможное, чтобы помочь им…

Майор молчал. И это понравилось Иванову; это означало, что майор серьезно относится к делу.

— Хотя вы и не член нашей партии, — добавил Иванов, — партия рассчитывает на вас… Дело, которое мы предпринимаем, всеобщее, всенародное дело.

— Бесспорно! — ответил майор. — Сегодня произойдет встреча?

— Сегодня, товарищ!

— Тогда идем!

Майор поднялся. Был он так высок, что голова его уперлась в низкий потолок комнатки.

— Значит, вы готовы? — переспросил Иванов.

— Готов, — ответил коротко майор и пошел к дверям. Иванов — за ним.

Было около полудня. Иванов и майор добрались до улицы Пиротской и остановились около галантерейной лавочки. Над дверью висели разноцветные ленты, шнурки для ботинок, резиновые игрушки. Внутри едва умещался деревянный прилавок, за которым видно было веселое старческое лицо.

— Здорово, дед! — произнес Иванов. Лицо старика расплылось в улыбке. Он привык улыбаться каждому посетителю. — Здесь ли тетка Виктория?

— Здесь, господин, пожалуйста! — Старик откинул черную занавеску, за ней извивалась узенькая лестничка. Поднялись, постучали в дверь. На стук вышла белолицая женщина с проседью.

— Добрый день, госпожа. Мадам Эмилия дома?

— Да, войдите.

Иванов и майор прошли в большую полутемную комнату. Пол ее был покрыт мягким ковром, вдоль стены стояли обитые бархатом стулья и красный диван. На окнах — тяжелые занавеси.

Майор огляделся. Женщина подошла к большой картине «Отелло убивает Дездемону», висевшей на стене, сдвинула картину и сказала:

— Пожалуйста, товарищи!

Иванов и майор прошли в другую, еще большую комнату. Занавеси не пропускали в комнату дневного света. В углу светилась электрическая лампочка.

— Подождите здесь, — сказала женщина и куда-то удалилась.

— Что это за тайны мадридского двора? — спросил Иванова майор. Но в противоположной стене открылась дверь, и появилась низенькая старушка в черном. Вероятно, мадам Эмилия.

— Что, товарищи отдыхают?

— Нет, я сейчас им доложу.

Через минуту она вернулась и провела гостей в зал, посередине которого был виден стол. За столом сидели Димитров и Коларов, перед ними лежали газеты.

Димитров и Коларов вышли навстречу, радостно поздоровались.

— Что, устали? — спросил Коларов.

— Да, устали… пока добрались до этого зала, — засмеялся Иванов.

— Что поделаешь…

С улицы долетал глухой шум экипажей, Димитров пересел поближе к майору и сразу начал:

— Майор Тодоров, можете ли вы участвовать в военной подготовке вооруженного восстания?

— Могу.

— Как вы считаете, сколько времени понадобится на подготовку?

— По меньшей мере месяц.

— А если восстание подготовлено?

— По меньшей мере две недели, чтобы подготовиться самому.

— А за три дня что можете сделать?.

— Ничего!

— Ничего?

— Да, — подтвердил майор, — но если примете мое предложение участвовать в восстании солдатом, то уверяю вас, что буду искренним единомышленником Коммунистической партии и другом Земледельческого союза… поскольку я сам крестьянин.

— Это мне известно, — заметил Димитров.

— Я уже выступал в совместных действиях двух партий.

— Когда именно? — спросил Коларов.

— Когда создавали «Народный союз запасных офицеров и подофицеров».

Наступила короткая пауза. Димитров задумался. Потом сказал:

— Хорошо, будем на вас рассчитывать…

— Жду ваших распоряжений! — ответил майор.

Димитров встал:

— А пока, товарищ Тодоров, до свидания.

Гости ушли и быстро затерялись среди толпы.

Коларов, глядя в окно, сказал задумчиво:

— Как тебе кажется, будет ли он полезен?

— Да, наше влияние велико, если и такие готовы нам помогать… Он честный офицер. Знаю его давно.

— И других таких, как он, надо привлекать.

— Безусловно.

Предвидение их сбылось. Вера в народное дело, которое они начали, которым руководили, укреплялась…

К ВЫРШЕЦУ

Каждый день Георгий Димитров менял квартиры. Ни разу он не переночевал в одном месте дважды. Полиция усиленно его искала. Он принял все меры предосторожности. Решил разделаться с бородой, которая ярко выделяла его в толпе. Бороду брили в квартире молодого профсоюзного деятеля Асена Бояджиева. Операцию эту совершил опытный и верный парикмахер Лука Георгиев. Димитров предупредил его шутливо:

— Режь бороду, Лука, чтоб не отрезали мне голову…

Лука возразил:

— Второго никогда не произойдет, товарищ Димитров.

Лука был человеком строгим и шуток не понимал. Со всей серьезностью он выполнил свое дело: остриг бороду, тщательно выбрил лицо, а затем снял и пышную шевелюру. Димитров стал неузнаваем, даже хозяева едва его узнали. Димитров надел зеленые очки и вышел.

Военный совет при Центральном Комитете партии заседал непрерывно. Уточнялись подробности предстоящего восстания.

18 сентября состоялось краткое совещание военного совета. На совещании было сообщено майору Тодорову, что он отправится вместе с Димитровым и Коларовым. На вопрос: «Куда?» — ему ответили, что об этом будет сказано дополнительно.

21 сентября утром на нелегальную квартиру майора прибыл молодой человек. Обменявшись паролями, посланец сказал:

— По приказу военного совета партии вам необходимо выехать в это утро…

— Автомобиль здесь?

— Автомобиль будет вас ждать на Ломском шоссе, за постоялым двором… И еще одна деталь. Автомобиль будет черный, а не красный, как уговаривались раньше.

— Черный?

— Да, красный поврежден.

Майор взял чемодан, поглядел на молодого человека и сказал:

— Я готов!

Они осторожно вышли. За газетной будкой их ждал фаэтон, который и повез их на Ломское шоссе. Не доезжая постоялого двора, молодой человек наклонился к уху майора и шепнул:

— Вы должны сойти здесь… Я вернусь на фаэтоне в город.

Майор приказал извозчику остановиться, попрощался со

своим спутником и соскочил на шоссе. Фаэтон развернулся и направился обратно в город.

В метрах двухстах от места, где сошел майор, виднелась красная черепичная крыша постоялого двора, неподалеку от него ждала черная автомашина. Майор медленно пошел по шоссе. Шофер, как и было условлено, полез под машину будто бы для ремонта.

В машине сидели Димитров, Коларов и военный специалист Гавриил Генов. За ними — двое молодых людей, видимо охрана. Майор поздоровался и сейчас же сел в автомашину.

— Пауне, — крикнул Гавриил Генов, — мне кажется, что машина уже исправлена?

Шофер вылез из-под машины и спросил:

— Можно ехать?

— Немедленно!

Автомобиль понесся по Ломскому шоссе к Петроханскому перевалу. Путники молчали. Они были сосредоточенны и охвачены тревогой: как минуют перевал, который охраняется военными и полицией?

Димитров был свежевыбрит, одет в гражданский костюм, рабочую кепку, на глазах зеленые очки. Коларов также бритый, в кепке и в желтых очках. Гавриил Генов — в офицерских бриджах, гамашах, серая его кепка надвинута на самые глаза. Двое молодых людей, охранявших путников, держали в руках шесты, так что со стороны могло казаться, что едут землемеры.

Автомобиль набирал скорость. Пошел дождь, и чем дальше углублялись в горы, тем сильнее шел дождь.

Приближалась военная застава.

— Я полагаю, что нам надо быстро проехать мимо заставы, — сказал Гавриил Генов.

— Удастся ли? — спросил Димитров.

— Безусловно… Пока они спохватятся, мы уже пронесемся.

— Я думаю, что это рискованно, — вмешался майор, — часовой, без сомнения, будет стрелять по машине…

— А что вы предлагаете? — спросил Коларов.

— Предлагаю проехать спокойно и даже попросить разрешения на проезд.

— Совсем легально…

— Так точно!

Вот уже и будка постового. Дождь лил сильно и густо. Часовой стоял под деревом, закутавшись в плащ, и мрачно поглядывал на приближавшуюся автомашину.

— Медленнее! — сказал майор.

Шофер сбавил ход. Майор высунулся из машины и махнул

часовому рукой:

— Эй, хлопец, иди проверь!

— Проезжайте! — кивнул головой часовой.

Путники вздохнули облегченно. Все прошло, как и предвиделось. Машина через перевал пошла вниз. В лесу Стара-Планины шумел проливной дождь, по склонам низвергались с гулом вспухшие горные речки, и мутные воды их несли камни, деревья, листву…

Когда путники прибыли в ущелье у села Клисура, дождь прекратился. Время приближалось к полудню. Ехать в это время через Берковицу — значит быть замеченными, подвергать себя опасности. Решили направиться в Выршец.

В то время во всех более или менее крупных селах и городах имелась усиленная полицейская охрана. И в Выршец всем ехать было опасно. Поэтому машину остановили в двух километрах от села, возле. буйной речки. Майор предложил отправиться на разведку. Все согласились с его предложением. Димитров, Коларов и Гавриил Генов укрылись в придорожном кустарнике, а майор с охраной поехал на машине в село. Там было пусто и тихо. Зашли в ресторан, заказали еду. Один из молодых людей тем временем пошел искать связи с местными партийными деятелями. Через полчаса он вернулся и сообщил, что в селе нет ни одного коммуниста.

Сегодня, — сказал он, — состоялось погребение погибшего товарища. Произошла серьезная стычка с полицией. Все коммунисты бежали в лес…

Майора это обеспокоило. Ответственная задача, которая на него возложена, — доставить Димитрова и Коларова в революционный центр по руководству восстанием — оставалась неразрешенной. Они сидели в двух километрах от села в полной неизвестности. Майор обратился к молодому человеку из охраны:

— Иди к ним и расскажи о положении. Мы будем ждать здесь.

Димитр Митрев, так звали этого молодого человека, точно выполнил поручение. Димитров и Коларов решили, что они переночуют в селе, а Гавриил Генов отправится в путь по направлению Вратцы.

Узнав об этом решении, майор успокоился. Но только он взялся за еду, как к нему подошел человек в штатском и сказал;

— Господин, пройдите со мной в участок!

— В участок?..

— Да, ненадолго.

— Зачем?

— Для одной маленькой справки.

Хотя майор и побледнел, но вышел твердым военным шагом.

Штатский проследовал за ним. В участке уже находились шофер и его помощник. Майора охватили тяжелые предчувствия. По счастью, полицейские оставили его вместе с товарищами. Это была, разумеется, серьезная ошибка выршецкой полиции. Майор воспользовался этой ошибкой. Собрал около себя молодых людей и сказал им:

— Говорите, что мы землемеры из Софии и едем в Лом… Остановились здесь потому, что поломалась машина.

В ту же ночь, часов в одиннадцать к задержанным заявился молодцеватый полицейский.

— Вы майор Тодоров? — спросил он.

— Я.

— Пройдите ко мне в кабинет.

В кабинете было полутемно, пусто, пахло керосином. Полицейский сел за стол, положил кулак на зеленую папку и спросил:

— Вы едете из Софии, не так ли?

— Да.

— Прибыли на красном автомобиле?

— Нет, на черном.

— Не отпирайтесь, майор! — закричал полицейский. — Я имею точные сведения из Софии, что вы выехали на красном автомобиле. Где вы сменили автомобиль?

— Сменить автомобиль мы, конечно, нигде не могли… Очевидно, вы, господин начальник, ищете других людей и другой автомобиль.

— Да, и эти другие люди — Георгий Димитров, Васил Коларов и Гавриил Генов. Георгий Димитров бритый, в сером пальто, зеленых очках. Васил Коларов в желтых очках и белом плаще. Гавриил Генов в кепке, бриджах и гамашах…

— Значит, вы действительно ищете других людей.

— Напротив, мы ищем именно тех людей, о которых я только что говорил. Вы же майор Тодоров! Правда? Я также офицер запаса и знаю вас по службе во втором артиллерийском полку в Вратце еще до Балканской войны и в годы европейской войны…

— Да я и не отрицал, что я Тодоров!

— Но и не признаетесь до конца… Из Софии подтвердили, что майор Тодоров поехал с Георгием Димитровым и Василом Коларовым… Значит, это те самые люди, которых мы ищем. Но где Димитров, Коларов и Генов?

Офицер запаса был плохим полицейским: он сразу раскрыл все карты. Стало ясно, что сведения ему точно переданы из Софии. Стало ясно, что совершено предательство. Стало ясно, что надо что-то предпринять для спасения Димитрова и Коларова.

Майор задумался. Он имел мало времени на раздумья. Полицейский глядел ему прямо в глаза.

— Говорите, майор Тодоров!

Еще секунда, и майор надумал — надо отвести внимание полиции от Вършеца, направить ее в любое другое место, только не в Вършец, где в эту ночь спали оба товарища. И майор сказал:

— Все очень просто, господин начальник.

— А именно?

— Если Гавриил Генов с ними, значит они направились в село Лопушна, родное село Гавриила Генова.

— Это верно?

— Так точно! Признаюсь, что был с ними… Но мы расстались еще часов в одиннадцать дня. Договорились, что завтра утром я их буду ждать с автомобилем на шоссе Лом, северо-западнее Берковицы.

Глаза полицейского загорелись от удовольствия.

— Значит, в Лопушне? — повторил он, потирая руки.

— Прибыли ли они в Лопушну, я не знаю. Но одно знаю твердо…

— Именно?

— Что сейчас они не в Вършеце.

— Точно?

— Абсолютно точно!

Полицейский разомлел от радости. Поглядывая на майора, он сказал:

— Действительно, не замечено, чтобы, кроме вас, кто еще из посторонних въехал в Вършец… Вы правы… Других посторонних лиц не замечено…

— Разумеется, — подтвердил сердечно майор, — никто, кроме нас, сюда не въезжал… Мы расстались в пяти километрах от Вършеца.

— Вы можете теперь уйти в свою комнату, майор.

Полицейский встал, нажал кнопку звонка и появившемуся полицейскому приказал отвести задержанного в камеру. Но майор не долго там пробыл: в ту же ночь он и его друзья были посажены в закрытую полицейскую машину и под сильной охраной отправлены по дороге Вършец — Враца.

Что произошло с тех пор, как майор был арестован, что ожидало его впереди? Майор горько стиснул зубы и не мог себе простить, что так бесславно закончилось порученное ему дело. Что произошло с Димитровым, Коларовым, Геновым?

Полицейская машина стремительно неслась по грязному и разбитому шоссе и зловеще тарахтела. Ночь была полна напряжения и неизвестности. Вдали слышалась стрельба,

пулеметные очереди… Потом все стихло.

ВОССТАНИЕ

Женщины варили во дворе мармелад. Около них играли дети, бродили утки и куры, похрюкивали поросята. За оградой простирались кукурузное поле и темный сосновый лес, забравшийся на холм. И поле и холм были объяты тихой осенней дремой и покоем.

Над котлом, в котором кипел виноградный сироп, вился пар, наполнявший двор густым сладким благоуханием. Лениво жужжали пчелы.

Как каждую осень, так и сейчас женщины квартала собрались варить мармелад в доме учительницы Донки Станчевой, умевшей и хороший мармелад варить и хорошие разговоры вести. В тихие осенние, дни здесь слышались радостные женские голоса, разносился сладкий аромат винограда и груш, яблок и слив.

Сегодня все говорили о вчерашних похоронах. Никогда в Вершеце не случалось такого. Людей разогнали с кладбища… Многие бежали в лес… Нехорошо! Очень нехорошо! И зачем только озлобляют народ?..

— Все мужчины села скрылись в лесу.

— Не могли же они сами лезть волку в пасть…

— Еще бы!..

— Нехорошо, девушки, очень нехорошо, — проговорила учительница, продолжая помешивать в котле.

— Что же дальше будет, тетя Донка?

— Все может статься…

— Ну, а что, например?

— Когда рассердишь народ, все может произойти…

— Что?

— Восстание может произойти… Да мало ли еще что?..

— Восстание?

Женщины испуганно поглядели на хозяйку: предсказания ее уже не раз сбывались. Неужели опять сбудется? От своего покойного мужа, учителя-социалисга, она многому научилась и теперь сама учит других, проповедует социализм. В эту осень она молчала, хотя знала больше других. Женщины стали настойчиво ее расспрашивать, но учительница уклонилась от ответа.

— Хватит допрашивать, девушки! Давайте лучше споем что-нибудь веселое. Что вы головы повесили?

Женщины запели, но песни их в этот день были грустными, не клеились…

Кто-то постучал в ворота:

— Тетушка Донка, тетушка Донка, ты дома?

Учительница бросила мешалку и пошла к ограде,

— Я здесь. В чем дело?

— Иди сюда на минутку.

За воротами стоял сельский фаэтонщик Милан Биволчев в широкой соломенной шляпе и с длинным кнутом в руках. Лицо его было красным, взволнованным. В нескольких шагах стоял его фаэтон.

— В чем дело, Милан?

— Важное дело, тетушка Донка.

— Говори.

— Прибыли два товарища из Софии, — понизил голос фаэтонщик, — надо где-то устроить их на ночевку.

— Кто они?

— Не знаю точно. Только надо им где-то переночевать. Есть ли свободное место в твоем доме?

— Место-то есть, — задумчиво сказала учительница, — но…

— Боишься?

Учительница подняла глаза.

— Ну, уж коли приехали, не возвращаться же им… Все устроим. Где они?

— Здесь.

— За ними поедешь?

— Больше меня не расспрашивай, — махнул рукой фаэтонщик. Но, прежде чем уехать, вновь обратился к учительнице: — Иди забавляй своих женщин, а я тем временем их привезу…

На даче «Незабудка» покойного социалиста Дончо Станчева нашли приют вожди Сентябрьского восстания Васил Коларов и Георгий Димитров.

Донка Станчева сразу узнала, кто эти люди. Она их видела и слышала вместе с мужем на митингах в Софии и Вратце. Но сейчас она сделала вид, что не узнала их. Она уже поняла, с какой миссией прибыли эти товарищи в мятежный Врачанский край…

И действительно, на другой же день рано утром в селе Выршец тревожно зазвонили церковные колокола. Донка Станчева открыла ставни, высунулась в окно: что это не ко времени ударили в колокола?

Легкий ветерок дул со стороны леса, шумели рано пожелтевшие листья. Предутренний мрак развеялся, над селом и окрестностями поднимался рассвет, казалось, что вместе с колокольным звоном разливался и свет нового дня — 23 сентября 1923 года.

23 сентября 1923 года около двух часов ночи по призыву Коммунистической партии вооруженные силы повстанцев начали сосредоточиваться и в окрестностях города Фердинанда[28]. Они шли от сел Соточино и Мала Кутловица. Повстанцы были вооружены плохо: лишь немногие владели ружьями и бомбами. За неимением оружия некоторые взяли топоры, вилы и кирки, другие — обыкновенные косы, третьи, наиболее бедные, вооружились кизиловыми дубинами.

Повстанцев из Соточино и Мала Кутловица набралось около сотни человек. Продвигались они к городу с разных направлений, медленно и осторожно, так как над полями и лугами висела чистая и ясная луна.

В то же время по указанию Коммунистической партии одна боевая группа из жителей города Фердинанда заняла позиции в местности Золуша, у самого города, и ждала сигнала к восстанию.

Общее командование крестьянами и рабочими этого края было возложено на молодого коммунистического деятеля Христо Михайлова.

Бойцы, занявшие исходные позиции, взволнованно глядели на каменные карьеры, где должен был загореться сигнал к восстанию.

Городская власть сумела узнать о готовящемся восстании, а потому еще с ночи организовала уличные патрули. Вооруженная охрана была выставлена у почты, читальни, вокзала, моста через реку Огосту и в других стратегических местах.

В эту лунную ночь на 23 сентября две ожесточившиеся друг против друга группировки готовились сразиться не на живот, а на смерть. В три часа ночи над каменными карьерами взвился огонь, и пламя его осветило всю окрестность.

— Товарищи! — закричал командир соточинской группы. — Решительный час наступил!

Он поднялся над своим окопчиком и бросил первую бомбу в направлении города. Грохот огласил долину, разорвал ночную тишину. Бойцы в тот же миг поднялись и с криком «ура» понеслись вперед.

Примеру соточинцев последовала группа рабочих города, скрытая в местности Золуша. Их командир поднял ружье, выстрелил и во весь голос скомандовал:

— Товарищи, вперед!

Его бойцы знали местность как свои пять пальцев. Они двинулись к кладбищу. Противник ожидал за каменной оградой кладбища. Было ясно, что силы наступающих превосходят силы реакции. Это озадачило командира полицейских. Не успел еще он отдать приказ, как сзади взорвалась бомба. Полетели камни,

песок — полицейский понял, что дело наступает не шуточное.

Так началось сражение. Вслед за винтовочными выстрелами послышались крики:

— Сдавайтесь! — Это кричали рабочие притаившимся за каменной оградой полицейским. — Вся страна охвачена восстанием! Напрасно сопротивляетесь!

С кладбища ответа не было. Командир рабочего отряда пополз к ограде.

— Сдавайтесь, если хотите сохранить свою жизнь! — кричал он.

В ответ раздался винтовочный выстрел, а за ним грязная ругань. Рабочие узнали голос полицейского пристава:

— Это ты, паршивая собака! Ну, с тобой у нас разговор короткий. Мы сейчас тебе покажем, где раки зимуют…

Бойцы рабочего отряда где ползком, где бегом двинулись на полицейских. Но с той стороны выстрелы скоро прекратились. Пристав со своей командой, как выяснилось, бежал в центр города. Рабочие бросились в погоню, по пути очищая улицы города от вражеских патрулей. К рабочим присоединилась соточинская группа, наступавшая на почту и полицейский участок.

Непрерывная оружейная стрельба разорвала ночную тишину. Никто не спал в эту ночь в городе Фердинанде. То тут, то там в окнах иногда трепетал огонек и тут же гас. Люди притаились в домах, напряженно вслушивались в происходящее, испуганно ждали исхода ночного боя.

Исход скоро определился. Восставшие сосредоточились в центре, штурмовали полицейский участок и за несколько, минут сломили врага. В полицейском участке захватили пристава и шестнадцать полицейских. Скоро был найден и начальник полиции, который было залез в чан с мукой.

— Смотрите-ка, какую большую крысу нашли мы в муке! — говорили рабочие, вытаскивая ошалелого полицейского начальника. С одежды его сыпалась мука, глаза глядели испуганно, губы дрожали; казалось, он хочет что-то сказать и не может. Наконец, чтобы умилостивить рабочих, ан вытащил из кармана связку ключей и протянул рабочим.

— Это ключи от арестантской, возьмите…

Командир резко ответил:

— И без твоих ключей мы уже освободили своих товарищей. — Обратившись к бойцам, он сказал: — Отведите его в арестантскую, пусть составит компанию приставу.

Последней пала почтово-телеграфная станция. Там собрались самые заядлые полицейские. Они сопротивлялись до шести часов

утра. Сопротивление было сломлено группой коммуниста Асена Грекова, который в ту ночь при захвате полицейского участка был освобожден из-под ареста.

В восемь часов утра 23 сентября бойцы Асена Грекова подняли красное знамя над общинским управлением и провозгласили в городе рабоче-крестьянскую власть. Для управления городом был создан революционный комитет из трех человек.

Улицы заполнились народом. Жители радостно приветствовали новую власть, вывешивали красные флаги на своих домах и правительственных зданиях. Но радости не суждено было длиться долго. Революционный комитет узнал, что из города Вратца посланы войска для подавления восстания. Революционный комитет немедленно сформировал группу из пятидесяти бойцов и под началом Асена Грекова отправил ее на железнодорожную станцию Бойчиновцы, чтобы задержать поезд с правительственными войсками.

Бойцы Грекова разобрали железнодорожную линию и заняли позиции у арденского моста.

Сражение бойцов отряда Грекова с ротой солдат, прибывшей из Вратцы, было тяжелым и неравным. Рота имела полевое орудие и четыре пулемета.

Город Фердинанд вновь попал в руки фашистов. Революционные отряды и восставшее население отступили из города, заняли позиции на высотах, в каменном карьере, в виноградниках и вдоль реки Огосты.

В конце дня прибыл отряд из четырехсот крестьян села Лопушна. Как лавина, налетел он на город. Крестьяне вооружены были ножами, дубинками, ружьями, вилами. Впереди них шел осел, нагруженный пулеметом. На этот пулемет возлагались все надежды. Он придавал людям смелость.

Появление Лопушанского отряда под командой Георгия Дамянова подняло боевой дух в рядах восставших. Повторное взятие города было организовано Гавриилом Геновым, Георгием Дамяновым и Христо. Михайловым. Путь к отступлению противнику был перерезан, поезд и солдаты были взяты в плен вместе с боеприпасами. Особенно отличились в бою десять женщин, жительниц города. Они бросились наперерез солдатам с криком:

— Идите по домам! Как вы можете стрелять в мирных граждан?!

Схватив лопаты, вилы, кирки, они отбили пулемет.

Городок вновь праздновал победу. На улицах появилось первое воззвание к трудящимся Врачанского округа:

«Люди всех областей труда! Собирайтесь из сел и городов под развевающиеся красные знамена, смело и отважно вступайте в славную борьбу: свет близкой победы озарит твое страдающее лицо, смягчит боль твоего надорванного сердца и бросит в дикую злобу врагов твоих, познавших собственное бессилие. Священная кровь борцов засияет в заре свободы, благоденствия и мира.

Вперед, на смелую и славную борьбу, вперед, к победе!

Да здравствует республика рабочих и крестьян!

Да здравствует рабоче-крестьянское правительство, правительство труда!»

На другой день в освобожденный город прибыли Георгий Димитров и Васил Коларов. Они приняли непосредственное руководство восставшими, создали главный революционный комитет. Военно-оперативным отделом руководили Георгий Димитров, Васил Коларов, Гавриил Генов, Христо Михайлов и Асен Греков.

Площадь перед почтово-телеграфной станцией гудела от народа. Там формировались и расходились в разных направлениях боевые группы.

Люди шли из селений и поселков. Никогда маленький городок, каким был Фердинанд, не видел так много людей, как в эти дни осени 1923 года. Сюда пришли из своих далеких горных хижин пастухи в длинных кожухах и черных косматых меховых шапках; оборванные, голодные, исхудавшие бедняки, всю свою жизнь не видевшие ничего другого, кроме просяного хлеба и чорбы — супа из крапивы. Здесь были и ремесленники из городских мастерских — угнетенный трудовой народ, не видевший светлого дня…

Весть о прибытии Коларова и Димитрова быстро распространилась среди восставших. Все устремились в центр города в надежде увидеть и услышать их.

Солнце медленно опускалось за окружающие город высоты, надвигались вечерние сумерки. Площадь все больше заполнялась народом, над головами полоскались красные знамена. Люди приподнимались на носках, стараясь увидеть тех, ради которых они сюда пришли. Вдруг кто-то сказал: «Вот они, вот они!» — и взгляды всех устремились к балкону, где появились Димитров и Коларов. Еще выше взметнулись знамена, и люди, потрясая оружием, кричали «ура».

Димитров и Коларов сняли шапки и долго приветствовали восставших. Наконец люди успокоились. Димитров сделал шаг вперед, впился руками в железные перила балкона и, обведя взглядом площадь, обратился к народу:

— Товарищи! Граждане и гражданки! Рабочие и крестьяне!

июня нынешнего года шайка обанкротившихся генералов и кровожадных капиталистов захватила путем переворота власть и подвергла неслыханному террору трудящихся нашей страны. Тысячи сынов и дочерей народа были брошены в тюрьмы, подвергнуты адским мукам, зверским избиениям и свирепым убийствам… Коммунистическая партия и объединенные земледельцы были поставлены перед выбором: или пасть в лапы врагов народа и погибнуть, или выйти с оружием в руках и пойти по пути борьбы… Коммунисты и земледельцы избрали путь борьбы. Центральный Комитет Коммунистической партии объявил всеобщее восстание в стране на 23 сентября и призвал трудящихся городов и сел героически и самоотверженно вступить в великую борьбу против врагов народа!

Димитров обрисовал цели восстания и призвал к еще более решительной борьбе за свержение банкиров и генералов. Призыв его четко разносился по всей площади.

В толпе появился запыленный, задыхающийся молодой человек. Расталкивая людей, он стремительно пробирался к зданию почты, с балкона которой говорил Димитров. Часовому, который его остановил, он поспешно сказал:

— Товарищ, я курьер Берковского революционного комитета, несу важные новости, пропустите…

— Пропуск имеешь?

— Да! — ответил хлопец и вытащил из шапки скомканную бумажку. Часовой внимательно ее разглядывал, а хлопцу не терпелось.

— Иди! — сказал, наконец, часовой. — Только не прерывай Димитрова своей новостью, дай ему закончить речь…

Хлопец мигом влетел по лестнице наверх и остановился у входа на балкон. Когда Димитров замолк, он бросился к нему:

— Товарищ Димитров! Товарищ Коларов! Город Берковица в руках революционных войск! Красные знамена развеваются над всем городом!

Димитров и Коларов глядели на хлопца, так неожиданно появившегося, и в глазах их светилась радость.

— Так, говоришь, Берковица пала!

— Да, товарищ Димитров, пала!

Коларов повернулся к площади, поднял руку:

— Товарищи! Минутку тишины! Есть важная новость.

Площадь мигом стихла.

— Берковица в наших руках, товарищи!

Слова потонули во взрыве радости. В воздух полетели шапки, над головами волнами перекатывались знамена.

В тот же вечер Димитров и Коларов отправились в Берковицу.

Прибыли туда ночью. На улицах и площадях горели костры, звучали революционные песни, слышался цокот коней. Из-за города доносились одиночные выстрелы, там противник делал усилия перегруппировать свои силы.

Первой и важнейшей задачей штаба восстания было незамедлительно закрыть противнику пути отхода к Петроханскому перевалу.

Революционный комитет заседал всю ночь под руководством Коларова и Димитрова. Было обсуждено много вопросов: о мобилизации и вооружении народа, о создании повсеместно революционных комитетов; были приняты решения о немедленной конфискации продуктов питания у богачей для революционных дружин и голодающего населения, об организации госпиталей для раненых, об охране банков и продовольственных складов; был издан приказ об аресте подозрительных лиц…

Заседание закончилось на рассвете. Димитров и Коларов остались одни в маленькой комнате, кабинете бывшего начальника почты. В комнате было очень накурено. Димитров открыл окно. Со двора хлынул свежий воздух, донеслись голоса бойцов, патрулирующих улицы.

На лицах обоих следы усталости. Много мыслей занимало их сейчас. Революционный подъем велик, но существует опасность, что он может быть сломлен неожиданным изменением в соотношении сил. Решительное сражение еще впереди. Перехваченная правительственная телеграмма, с которой их только что ознакомили* ясно говорила, что из Софии отправлены войска и самолеты. Необходимо как можно скорее предпринять наступление на окружной Центр — город Братца.

В двери постучали, и в комнату вошел молодой боец с перекинутой через плечо полевой сумкой. Димитров улыбнулся:

— А, берковский курьер…

— Да, это я, товарищ Димитров, я принес вам чай… — И он поставил на стол две солдатские алюминиевые кружки. — Сварили мы там внизу чай, решили послать и вам — погреться…

— Благодарим за заботу. А у вас-то для всех хватит чая?

— Хватит, товарищ Димитров! Целый бак сварили. Пьем и греемся Пейте и вы.

Хлопец лихо щелкнул каблуками, как заправский военный, и вышел. Димитров сказал ему вслед:

— Где взял такую полевую сумку?

— У белогвардейского офицера, товарищ Димитров. Сам его взял в плен. Не какой-нибудь офицер, а из армии Врангеля…

— Да ну?..

— Верно. Тот самый, что бежал от большевиков.

— Недалеко ж он от них убежал… — засмеялся Коларов.

— Бежал, что называется, из огня да в полымя, — подхватил хлопец. — Вот я ему и отплатил за большевиков. А сумка мне очень пригодилась, а то в шапке носил донесения. — Курьер из Бедковицы похлопал ладонью по сумке, болтавшейся у его бедра, и весело выбежал.

Светало. На окнах трепетали первые лучи солнца..

Местные вспышки прокатились по всей стране. Наиболее широкие размеры восстание приняло во Врачанском и Видинском округах — в околиях Фердинандской, Берковской, Ломской, Оряховской, Белослатинской.

Наибольшие бои шли на станции Бойчиновцы и Криводол. В этих боях восставшие разбили первую войсковую часть Шуменского гарнизона. На освобожденной территории была создана рабоче-крестьянская власть, организована сеть революционных комитетов, в которые вошли коммунисты и земледельцы. Народ был охвачен гневом и ненавистью. Мятежная волна была столь неудержима, что во многих местах руководители не сумели ею овладеть и руководить.

Пылали очаги восстаний в Стара-Загорском округе — Казанлыке и Нова-Загоре; в селах Пазарджикской. Ихтиманской, Долнобанской, Разложской околий, в некоторых селах, вокруг Шумена и ряде других мест страны. Всюду, где коммунисты и земледельцы призывали народ к восстанию, народ восставал. И всюду народ шел сплоченно против фашистов. В боях участвовало свыше двадцати тысяч человек. В плен были взяты тысячи солдат, захвачено свыше десяти тысяч ружей, четыре артиллерийских орудия и свыше двадцати тяжелых пулеметов.

Восстание в стране продолжалось десять дней. От фашистской нечисти была освобождена большая часть Видинского и Врачанского округов. Но силы врага взяли верх. Эшелоны пехоты и артиллерии устремились к главному центру восстания. Двигались они по железным дорогам почти беспрепятственно. Восставшие еще не владели партизанскими методами борьбы…

Наступила последняя ночь. Со стороны Петроханского перевала загрохотали тяжелые дальнобойные орудия. Сначала выстрелы были редки, а затем участились. Вслед за ними по голым вершинам прокатились частые очереди тяжелых пулеметов. Снаряды падали в самом городе Берковица. Среди жителей прошел слух, что наступает большая воинская часть из Софии.

В штабе восстания стало ясно, что борьба обречена, особенно

после того, как был взят главный стратегический центр — город Вратца. Огненная петля вокруг районов восстания стала затягиваться.

По горам и пожелтевшим осенним лесам двинулись крестьяне. Отступали они в беспорядке, устремляясь обратно в родные села и хижины. Ядро повстанческих вооруженных сил начало медленный и организованный отход по Стара-Планине к сербской территории.

Правительственные моторизованные войска через Петроханский перевал хлынули на Фердинанд, Берковицу, Вратцу. Фашистские команды, белогвардейцы, пьяные хулиганы и бандиты набросились на селения и малые города. Жгли, грабили, убивали. Несколько дней продолжалась резня. Тяжело пострадали города Фердинанд и Берковица. На берегах Огосты было расстреляно и закопано в песок много мужчин и женщин. Слухи о зверствах распространились далеко за пределы Болгарии.

Первое восстание болгарского народа против фашизма было разгромлено. Оно было подавлено с варварской жестокостью[29].

Несколько лет спустя Димитров говорил о причинах поражения:

«Я сожалею, что я и моя партия тогда еще не были настоящими большевиками, поэтому мы не смогли успешно организовать и провести это историческое народное восстание с пролетариатом во главе. Наша недостаточно большевистская организация, политика и тактика, отсутствие революционного опыта и в особенности наша оппортунистическая так называемая нейтральная позиция девятого июня, во время военно-фашистского переворота, значительно помогли болгарским народоубийцам и палачам, узурпаторам государственной власти подавить восстание масс».

Восстание разгромлено. Народ отступил, затаив ненависть, ожидая удобного момента для новой борьбы. Димитров и Коларов вместе со своими ближайшими помощниками спаслись. Это вселяло веру в новую победоносную борьбу.

Эта вера глубоко запала в души людей. Ею жили вдовы и сироты, матери и отцы погибших. Она помогала терпеть муки брошенным пожизненно в тюрьмы. Этой верой вдохновлены слова поэта: «Нам сентябрь будет маем! И земля нам будет раем!»

ВЫШЕ ГОЛОВЫ

Голодные, изнуренные, пробирались бойцы по гребню гор Стара-Планины. Лил, не переставая, осенний нудный дождь, горы и леса окутала белесая пелена. Крутые тропы, по которым шел отступавший отряд, стали скользкими, опасными. Пал конь, не выдержав осыпающегося каменистого пути, и люди взяли на себя его груз. Идти сквозь колючий кустарник стало еще тяжелей.

Западная часть Стара-Планины, там, где проходит болгаро-сербская граница, была занята повстанцами. Переход через границу был обеспечен. И все же, когда подошли к последней пяди родной земли, бойцы остановились: что-то ждет там впереди? Взгляды всех обратились к Димитрову и Коларову, как бы ища ответа. Димитров за эти дни похудел, глаза ввалились.

Снизу от подножья гор вился дымок, слышался собачий лай, громкий людской говор. Значит, там небольшое сербское село, где можно заночевать. А спать так хочется! Стоило бойцу присесть, как мгновенно его одолевал сон.

— В этот вечер нам предстоит сдаться сербским властям, — сказал Димитров.

— Безусловно, — ответил Коларов и, поглядев на спящих, добавил: — Как они измучены! Но надо будить.

Димитров отдал команду:

— Пойдем, товарищи!

Через несколько минут бойцы по козьей тропе стали спускаться в долину, где стояло селеньице, погружавшееся в вечерние сумерки.

— Подтянитесь, товарищи, — сказал Димитров, — пусть сербы видят, что идут революционеры… Бодрее шаг!

Бойцы отряхнули пыль с одежды, подтянулись, поправили растрепавшиеся волосы, построились в колонну.

Когда вошли в село, оно уже засыпало. Только кое-где у плетня видны были хлопцы и девушки да слышались веселые голоса. Колонна шла по каменистой улочке медленно и молчаливо. Димитров посматривал, кого бы спросить, где дом кмета. Глаз поймал крестьянского парня.

— Где дом кмета, хлопец?

— Кмета нет в селе, секретарь здесь. А вам зачем? Кто вы?

— Болгары, повстанцы…

Парень отшатнулся. Болгары! Повстанцы! Интересно и страшно.

— Зови тогда секретаря, — сказал Димитров.

Парень мигом исчез в глубине темной улочки.

Болгары присели, молчаливо ждали. Прошло немного времени, как блеснул фонарь, послышалась сербская речь. Бойцы поднялись и вновь построились в колонну. Показалось несколько человек в белых крестьянских домотканых бурках. Впереди — невысокий плотный человек с фонарем и возле него уже знакомый хлопец.

— Это они? — спросил человек с фонарем.

— Да!

— Кто у них главный?

— Я главный, — ответил Димитров и подошел к сербам.

Секретарь поглядел строго и буркнул:

— Что, разбили вас?

Никто ему не ответил. Секретарь поднял фонарь и вгляделся в лица нежданных гостей. Десятки глаз безмерно утомленных людей впились в него.

— Господин секретарь, — обратился Димитров, — мы политические эмигранты и пришли к вам просить защиты и покровительства.

— Не имею ничего против, — ответил секретарь, — но лучше бы вы остались в своих домах как победители. Сколько вас?

— Около пятидесяти человек.

— Да у нас в селе столько и домов-то не найдется. Куда же вас поместить?.. — секретарь задумался, а потом обратился к одному из сельчан: — Не поместить ли их в училище?

— А почему бы и нет…

— Хорошо, пошли! — секретарь кивнул болгарам, и те последовали за ним.

Болгар привели в небольшое школьное здание, и лишь открыли им комнаты, как они повалились спать.

Секретарь оказался очень любезным человеком. Наутро он прибыл со своими людьми, которые принесли четыре больших мешка, полных хлеба, сыра и сушеных плодов. Открыв двери, он спросил:

— Ну, как спали, братья?

— Хорошо, господин секретарь, отоспались, — ответило сразу несколько бодрых голосов.

— Хорош ли отель?

— Отличный! — ответил Димитров.

— Э, всяко в жизни бывает… Поешьте пока, а потом увидим, что дальше с вами делать… То ли повесим вас, то ли заколем… — ответил, улыбаясь, секретарь и, подмигнув пришедшим с ним крестьянам, добавил: — А ну, развязывайте свои мешки, угощайте людей! Чтоб не ругали нас, когда вернутся

в Болгарию.

— Об этом и речи быть не может, — возразил Димитров. — Всегда будем вспоминать вас с благодарностью…

— Кто знает… — продолжил секретарь. — Я бывал в Болгарии…

— Когда?

— В Балканскую войну военнопленным. Хорошо вы тогда угостили нас, но и мы не были добрее. Что делать — война!

— Мучили вас там?.. — спросил Димитров.

— Мучить не мучили, но голодно было, — и секретарь вновь обратился к крестьянам: — Да чего же вы ждете, приглашайте людей. А вы, братья, садитесь, отведайте нашего сыра. Не бог весть какой, но лучшего не имеем. Садитесь, не стесняйтесь. Я сам был солдатом, понимаю в этих делах толк…

Бойцы расселись. Секретарь умиленно глядел на изголодавшихся людей.

— Забудется и это плохое время, уйдет, будто его и не было. Чего только не испытала моя голова! Когда были в Болгарии, помню, как один заступался за нас, пленных. Депутатом он был…

— Депутатом?

— Да, депутатом от рабочей партии. Хороший был человек… Георгий Димитров звали его. Приходил к нам, пленным, расспрашивал, как живем, в чем нуждаемся, подбадривал нас. Такие люди редко встречаются…

Болгары затихли, некоторые и есть перестали, уставились на серба.

— А вы лично видели этого Димитрова? — спросил Коларов.

— Я-то? Понятно, видел. И даже разговаривал с ним.

— А если теперь его увидите — узнаете?

— Как не узнать! Это был видный человек, носил длинную черную бороду. Красивый, стройный. Обязательно узнаю, как можно не узнать… Такие люди не забываются.

Все усмехнулись.

— Чему смеетесь! Мне не верите? Думаете, я лгу!

Тогда Димитров поднялся, подошел к сербу и, положив ему руки на плечи, сказал:

— Нет, брат, ты не лжешь!

Серб пристально поглядел ему в лицо, пытаясь припомнить что-то давным-давно минувшее.

— Рабочий депутат, о котором вы только что говорили, стоит перед вами… Вот он, тот самый Георгий Димитров, — сказал Коларов.

— Бог мой! Да неужто правда?

Он еще раз вгляделся в Димитрова и воскликнул:

— Брат Георгий, и я мог тебя не узнать! Прости, если можешь… — и, обняв Димитрова за широкие его плечи, поспешил высказать радость свою. — Как ты изменился, брат Георгий! Где же твоя борода?

— Сбрил.

— И хорошо сделал. Помолодел на десять лет…

Болгары сочувственно смотрели на разволновавшегося человека. А он все говорил:

— Вот, товарищи, гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся… Когда же это было, когда было…

Перенесясь в ту далекую пору, серб увлеченно рассказывал о своих впечатлениях от Балканской войны, о жизни в Болгарии.

В гостеприимном сербском селе болгары пробыли только один день, а затем через Пирот и Ниш направились в Белград.

Открывался полный неизвестности путь эмиграции. Каждому было ясно, что о скором возвращении на родину и думать нечего. Димитрову и Коларову предстояла еще тяжелая борьба с сербскими властями в защиту многих тысяч болгарских эмигрантов.

По всем более или менее большим городам разбрелись отряды разбитой повстанческой армии. Сначала сербские власти приняли их как пленных, а затем как политических эмигрантов, несмотря на протесты болгарского правительства.

Уладив положение перешедших в Сербию революционных отрядов, Димитров и Коларов отбыли в Вену. Отсюда они послали свое знаменитое открытое письмо болгарскому народу:

«Дорогие товарищи!

После крупных революционных боев, которые пока закончились для народных масс безуспешно, мы были вынуждены вместе со многими другими борцами оставить вашу среду, чтобы продолжать служить великому делу своего народа. Хотя мы временно и находимся далеко от вас, роль, выпавшая на нашу долю в этой борьбе, обязывает нас обратиться к вам с этим открытым письмом. И первыми словами, с которыми мы к вам обращаемся, являются:

«Выше головы! Кровавой местью дрожащему за свою власть белогвардейскому сброду не удастся сломить боевой дух трудовой Болгарии! Поражение научит нас побеждать! Вопреки всему рабоче-крестьянское правительство будет установлено в Болгарии!»

Они объясняли причины, которые заставили народ подняться на восстание:

«Коммунистическая партия, хотя и сознавала все трудности борьбы и недостатки организации, будучи партией трудового

народа, не могла поступить иначе, кроме как поддержать дело народа и в самых трудных условиях вместе с Земледельческим союзом дать пароль к общему действию по всей стране на 23 сентября.

Каков был этот пароль? Весь народ знает, что это было свержение нынешнего узурпаторского, путчистского и насильнического правительства и замена его рабоче-крестьянским правительством».

Дальше Димитров и Коларов писали:

«Дорогие товарищи! Мы вместе с вами боролись за великое народное дело. Ныне мы разбиты. Но борьба не закончена, и окончательная победа ближе, чем думают враги…

Исполненные глубокой веры в наше дело, которое является священным делом народа, мы, все трудящиеся, мужественно перенесем боль и страдания поражения и с еще большей энергией и воодушевлением отдадим себя снова на службу делу народа и не успокоимся до тех пор, пока не победим.

Мы снова соберем и сплотим наши расстроенные и поредевшие ряды. Мы быстро приступим к залечиванию нанесенных нам ран.

Общими усилиями и жертвами мы поможем оставшимся вдовам и сиротам, бедствующим семьям и изгнанным на чужбину товарищам.

Мы не будем распылять свои силы на отдельные террористические действия, помня хорошо, что мы победим только организованной борьбой трудового народа и что самой жестокой местью палачам народа будет свержение белогвардейского правительства и окончательная победа рабоче-крестьянской власти.

Мы в особенности будем хранить и укреплять союз всех трудящихся города и деревни, который в сентябрьских боях был скреплен совместно пролитой кровью тысяч борцов, павших за общее народное дело.

Никакого уныния, никакого отчаяния, никакого малодушия!

Выше головы, славные борцы!

Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!

Да здравствует Болгария трудящихся!»

Письмо дошло до Болгарии. Оно прошло из города в город, из села в село, от хижины к хижине, из поселка в поселок. Его читали, переписывали, распространяли. Оно снимало уныние, и люди говорили друг другу:

— Выше головы, славные борцы!

В ЭМИГРАЦИИ

В Вене Димитров и Коларов стали издавать газету «Работнически вестник». Печаталась она в маленькой типографии христианской секты, потому что только там нашелся славянский шрифт; к тому же в этой типографии, затерянной среди венских улиц и принадлежащей религиозной секте, безопаснее было выпускать революционную газету. С помощью тайных курьеров газета нелегально доставлялась в Болгарию.

Весной 1924 года Димитров выехал в Москву, в связи с чем газета прекратила свое существование. (Вышло всего двенадцать номеров.) 8 июля того же года Димитров был избран кандидатом в члены Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, где он развернулся и как политический деятель и как публицист.

Свою международную деятельность Димитров связал с борьбой болгарского народа за освобождение от фашизма. Важнейшим условием успешности этой борьбы являлась большевизация Болгарской коммунистической партии. В июле 1925 года Димитров руководит Московским совещанием партии, где впервые ставится вопрос о большевизации партии.

В январе следующего года Димитров входит в состав временного Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, образованного в Вене согласно решению Московского совещания.

Димитров и Коларов отстаивают большевистскую линию партии против политических карьеристов справа и слева. На партийной конференции в Берлине (8 декабря 1927 года — 15 января 1928 года) Димитров делает доклад «О тактике партии 9 июня и в Сентябрьском антифашистском народном вооруженном восстании 1923 года». Он осуждает тактику 9 июня и ультралевый уклон партии, одобряет тактику Сентябрьского восстания, дает оценку событиям и делает выводы из поражения.

Димитров и Коларов были избраны в Заграничное бюро Болгарской коммунистической партии, которое некоторое время работало в Вене, а потом — в Берлине. Они вели борьбу против левосектантского течения в руководстве Болгарской коммунистической партии. Заслуги их в разгроме троцкизма, который пытался занять руководящую роль в партии, огромны.

Неспокойными, напряженными были годы эмиграции. Над Димитровым висели два смертных приговора. Первый ему был вынесен за участие в Сентябрьском восстании, второй (7 марта

1926 года) — за то, что он, Васил Коларов и другие эмигранты образовали в начале 1924 года Заграничный революционный комитет в Югославии.

Болгарские фашисты посылали своих людей за границу, которым поручалось найти и убить Димитрова.

После сентябрьских событий 1923 года жена Димитрова Любица Ивошевич переехала в Вену. Она облегчала эмигрантскую жизнь Димитрова. Сколько раз она вместе с молодыми эмигрантами болгарами оберегала его жизнь на улицах Вены, о чем Димитров даже и не догадывался! Димитров изменил свой внешний вид: бороду уже не отпускал, носил темные очки, широкополую шляпу. Когда к тому же он поднимал высокий воротник пальто, он делался неузнаваемым.

…Нелегальные квартиры, тайные встречи не делали жизнь легкой в беспечной и веселой Вене. Нелегальная жизнь имела свои законы, предъявляла свои требования, иногда столь необычные, что к ним не сразу и привыкнешь. Вот, к примеру, кафе «Вундерер» на широкой оживленной площади. За зелеными бильярдными столами этого кафе проводили время венские богатые бездельники. Здесь можно было увидеть и Димитрова, элегантно одетого. Здесь он устраивал нелегальные встречи с товарищами по борьбе.

Вот другое кафе, «Грилпарцер». Находилось оно недалеко от железной дороги, по соседству с фабричными трубами индустриальной Вены. И здесь можно было видеть Димитрова, но уже в иной обстановке. Здесь он бывал среди рабочих, одетый так же, как и они, пил с ними пиво, беседовал о заработной плате, безработице и борьбе за лучшую жизнь.

Всюду — на Дунае, в венских кафе, парках, на нелегальных квартирах — неустанно работал Димитров.

А в дни отдыха он отправлялся в любимый им Хайлигенштатер парк, садился напротив памятника Бетховену и весь отдавался своим думам. Он любил прогулки по улицам Вены, подолгу задерживался у памятников Гете, Шиллеру, Моцарту, Гайдну, Баху…

В то время Димитров был уже видным партийным публицистом, автором сотен статей, брошюр, воззваний. Под многими псевдонимами работал он: д-р Шаафсма, д-р Рудольф Гедигер, Виктор, Хельмут… Он боролся не только за свой порабощенный фашизмом народ, но и предупреждал о фашистской опасности народы Европы. «Фашизм не случайное изолированное явление, — писал он. — Он присущ не только странам Юго-Восточной Европы… Он угрожает всей Европе».

Он стремился ознакомить прогрессивную европейскую

общественность с борьбой болгарских рабочих и крестьян, рассказать ей о страданиях родного народа. С этой целью он предпринял путешествие по Европе, побывал в Праге, Амстердаме, Париже, Брюсселе, установил личную связь с Роменом Ролланом, Анри Барбюсом, Стефаном Цвейгом, профессором Неедлы.

Он печатал статьи в заграничной рабочей прессе. Разоблачал болгарских фашистов, излагал точку зрения Коммунистического Интернационала по вопросам работы среди рабочих и крестьян, выступал против индивидуального террора и изолированных партизанских действий. Эти статьи через журнал «Инпрекор» доходили до болгарских рабочих и крестьян.

В эти же годы Димитров руководил Балканской коммунистической федерацией и оказал большую помощь балканским коммунистическим партиям.

В 1928 году VI конгресс Коммунистического Интернационала рассмотрел международное положение и указал, что наступил новый период глубоких внутренних противоречий капитализма. Это означало рост классовой борьбы, нарастание опасности новой империалистической войны, войны против Советского Союза.

Миллионы рабочих, сельских бедняков, безработных интеллигентов бродили по городам и селам Европы и Америки, Китая и Японии в поисках работы. Надвигалась новая полоса стачек, голодных походов, революций…

И только одна страна стояла, как остров мира и прогресса. Этой страной был Советский Союз. К нему были обращены взоры людей труда всех континентов. Капиталисты лихорадочно готовились к нападению на Советскую страну. Страны буржуазной демократии превращались в страны фашистской диктатуры: Италия, Греция, Румыния, Польша, Венгрия… Над Европой нависал кошмар полицейщины и грубой военщины.

В одном из своих докладов, сделанных в 1929 году, Димитров говорил:

«Борьба против фашизма должна быть тесно связана с борьбой против угрозы войны. Условием успешности этой борьбы является создание, развитие и укрепление общего революционного фронта рабочих, крестьян, угнетенных национальностей и национальных меньшинств».

Ведя борьбу против фашизма на международной арене, Димитров не переставал ни на один момент интересоваться событиями на своей родине.

Что происходило в то время в Болгарии?

В стране свирепствовал необузданный террор. Тюрьмы были переполнены, по улицам и площадям городов бродили

безработные, голодные люди. Никто не знал, где заснет, где проснется…

Семью Димитровых постигло новое несчастье: арестовали младшего брата Георгия — Тодора, работника нелегального Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Арестованный был доставлен в дирекцию полиции «для небольшой справки», откуда уже не вернулся. Напрасны были усилия матери узнать о судьбе сына. Тодор исчез без вести. Он был убит в полиции 5 ноября 1925 года.

Мать Димитровых, бабушка Парашкева, как любовно ее называли окружающие, осталась одна в доме на улице Ополченской, в рабочем квартале. Большая семья рассыпалась: одни пали, другие продолжали борьбу. Живые вели борьбу храбро, и это было единственным утешением одинокой матери…

Перед Димитровым встали долгие годы эмигрантской жизни. Москва, Вена, Берлин, Прага, Варшава… Нелегальные встречи, разговоры, письма, директивы. В этот период напряженной жизни Димитров часто приезжает в Москву отдохнуть, подготовиться к новому наступлению. Но и здесь его не покидают заботы о болгарских делах.

«Дорогой Васил, — пишет он своему другу Василу Коларову, — только что получил из Софии первый номер нашей новой легальной газеты… Линия в общем правильная, тон прекрасен. Кажется мне только, что поспешили открыть борьбу на все стороны. Большая осторожность и такт требуются вначале, пока окрепнет газета и свяжется с массами. Образование комитета для распространения и поддержки рабочей (или трудовой) печати, о котором мы говорили, нужно, по-моему, ускорить…»

Не раз утренняя заря заставала его за письменным столом в московской квартире.

«Из сообщения ТАСС видно, что мы претерпели большой удар в Софии[30], — спешил он высказать свою тревогу, подсказать нужные действия. — Первое, что надо бы сделать сейчас, — это узнать точно, что произошло в Софии, и восстановить связи с находящимися еще на свободе товарищами. Поэтому пошлите туда специального подходящего товарища. Сообщите немедленно и сюда все сведения, которые получите из Софии. Необходимо поднять тревогу в заграничной прессе против нового похода правительства… Не подлежит сомнению, что новое раздувание «коммунистической опасности» и легенды о «московских агентах» происходит с целью психологической и политической подготовки большого удара по независимым профсоюзам, Рабочей партии и левому крылу земледельцев. Важно не оставить партию внутри

страны без центра и не допустить паники в нашей среде. Во-вторых, надо развернуть в стране массовые действия против нового похода и в защиту независимых профсоюзов, Рабочей партии и левого крыла земледельцев. Момент очень важный, и от нашей активности и энергичного действия будет во многом зависеть быстрое и успешное преодоление последствий тяжелого удара».

В феврале 1932 года Георгий Димитров тяжело заболел и выехал на лечение в Сухуми. В конце июня он отправился в Берлин. Оттуда он предпринимал поездки в различные города Европы. В августе участвовал в организации. Международного антивоенного конгресса в Амстердаме.

Опасность войны становилась все реальнее. Прогрессивные силы развертывали огромную деятельность, чтобы остановить поджигателей войны. Во главе этой борьбы — Советский Союз, коммунистические партии, за которыми шли миллионы честных миролюбивых людей. Неутомимый Димитров бороздил дороги Европы, воодушевленный великой миссией.

Наступал 1933 год…

«КОРИЧНЕВАЯ ЧУМА»

Поезд стремительно мчался из Мюнхена в Берлин. В этот зимний день было мало пассажиров. В вагонах просторно, уютно, тепло. В коридоре вагона третьего класса у окна стоял мужчина лет пятидесяти. Из кармана его пальто торчали газеты. Пассажир задумчиво глядел на заснеженное поле, фабричные трубы, густой дым, стелющийся над индустриальным районом.

«Значит, это произошло вчера, 27 февраля, в девять часов вечера, — промолвил про себя пассажир. — Это же явная провокация. Нет сомнения, что это дело гитлеровцев. Только они способны на такое. Теперь начнется свистопляска».

Из полуоткрытой двери соседнего купе донесся тревожный голос;

— Боюсь за судьбу Германии, пугают меня эти непродуманные поступки.

Пассажир в коридоре прислушался.

— Как бы это не обернулось войной нацистов против германского народа, — слышалось из купе.

— Да, это, бесспорно, сигналы к войне с народом, — поддержал другой голос.

Голоса на некоторое время смолкли, а затем до пассажира в коридоре донесся из купе все тот же голос:

— …Я вам расскажу про один случай, который ярко иллюстрирует их мораль. Он поможет вам иметь ясное представление о том, что такое гитлеризм, что значит «коричневая чума». 29 ноября мой друг Розенфельд, торговец кондитерскими изделиями в Берлине, получил письмо такого содержания:

«Грязный еврей, вы уже пять раз были предупреждены о необходимости закрыть свой магазин, прекратить торговлю. Если и после этого нашего предупреждения вы будете продолжать торговлю, мы выбьем стекла у вас, чтобы вы поняли, что это серьезно. Если же и это не подействует, мы подожжем ваш магазин, а потом и вас убьем… Это наше последнее предупреждение. Полицию мы пошлем ко всем чертям. Мы не боимся ее. Если вы позвоните в полицию, вы не сотрете своего имени в черном списке. Дни ваши сочтены. Закройте магазин!»

В купе замолкли. Люди ушли в свои мысли. Задумался и пассажир в коридоре. Он невольно связал услышанное с тем, что прочитал утром в газетах.

Поезд приближался к Берлину. На маленькой станции в вагон

поднялись полицейские.

— Просим господ пассажиров не покидать своих мест! Полицейская проверка.

Полицейские заполнили все купе, требовали документы. Пассажир, стоявший в коридоре, предъявил паспорт. Полицейский прочел:

— «Доктор Рудольф Гидегер из Швейцарии, писатель…» — Полицейский недоверчиво поглядел и процедил сквозь зубы: — Пи…сэ…тель?

— Да, писатель! — ответил пассажир и взял паспорт, а про себя пустил полицейскому вслед: «Бандиты! Сами подожгли рейхстаг, а теперь ищут виновного…»

Пассажир, который ехал 28 февраля 1933 года из Мюнхена в Берлин с паспортом на имя д-ра Рудольфа Гедигера, был Георгий Димитров.

После короткого отсутствия он возвращался в Берлин. Известие о поджоге рейхстага его поразило. Но ему с первого же момента было ясно, что поджог не мог быть делом коммунистов, как это пытались представить официальные германские власти. Он понимал, что поджог организовали сами гитлеровцы — с тем чтобы разгромить Германскую коммунистическую партию и удушить все демократические силы германского народа. Как воспримет народ эту фашистскую провокацию? Этого Димитров еще не представлял. Но он понимал, что предстоит жестокая, упорная борьба с надвигающимися темными силами гитлеризма, «коричневой чумой».

В Берлине, по дороге на квартиру, Димитрова оглушили радиовопли;

— Коммунистический поджог рейхстага! Поджигатели-коммунисты схвачены в рейхстаге! Загадочное молчание Ван дер Люббе! Связи с Третьим Интернационалом!.. Читайте газеты «Фелькишер беобахтер»! Читайте «Ангриф»!

Пробыв недолго дома, Димитров поспешил в ресторан «Байернгоф» на Потсдамерштрассе, 11, где у него была назначена встреча с друзьями болгарами Василом Таневым и Благоем Поповым. Димитров не узнавал Берлина: по улицам мчались закрытые полицейские машины с арестованными, молодые люди в коричневых рубахах громили витрины еврейских магазинов, такие же молодчики орали: «Коммунисты напали на рейхстаг! Германия, куда ты идешь?» На одной из улиц задержали женщину, а когда она что-то возразила, то получила удар прикладом в спину и кулаком в зубы…

Коричневая свистопляска началась раньше, чем предполагал Димитров…

Ресторан «Байернгоф» помещался в низком длинном зале; на стенах его — старинная роспись, оленьи рога. За тяжелыми столами немецкие бюргеры пили пиво из больших деревянных кружек.

Димитров, поздоровавшись с уже знакомыми официантами, прошел в угол и сел за стол. Друзей его еще не было. Димитров заказал пиво и углубился в газету.

Через несколько минут появился Попов и сразу, с ходу, сообщил:

— Арестован депутат рейхстага от Германской коммунистической партии…

— Кто?

— Торглер… Эрнст Торглер…

— Так, — раздумчиво проговорил Димитров, — очевидно, хотят сфабриковать процесс…

— Против Германской коммунистической партии…

— Против коммунизма вообще…

Димитров подозвал глазами официанта.

— Гельмер, кружку для друга!

Официант поклонился и поспешил к стойке.

— Тебе знаком этот официант? — спросил Попов.

— Да.

— Наш товарищ?

— Черт его знает! Теперь и национал-социалисты называют друг друга товарищами, и они говорят о социализме, и они носят красные знамена… только с переломленным крестом. И они называют свою партию рабочей партией — с той только маленькой разницей, что их рабочей партией командуют такие крупные капиталисты, как Тиссен, Крупп и другие. Да, да, и это тоже социалисты… Черт бы их взял, и тех и других, и их вождя-маляра! Многое сейчас поставлено с ног на голову, даже германский кронпринц стал «социалистом»… Но никого это не обманет. Надо быть чуточку внимательным, чтобы различить, где маска, а где подлинное лицо, чтобы увидеть волка в овечьей шкуре…

Пришел официант Гельмер, поставил перед Поповым кружку с пивом, отошел чуть в сторону и остановился ровно на таком расстоянии, чтобы можно было слушать разговор этих иностранцев.

— Подслушивает, — сказал Попов.

— Гад! — махнул рукой Димитров. — Что он хочет услышать?

— Берлин кишит гитлеровскими шпионами.

Димитров не ответил. Молча подняв кружку, он допил пиво и

подозвал официанта:

— Получите, Гельмер!

Официант, раболепно согнувшись, принял деньги и с глубоким поклоном проводил клиентов до выхода из бара.

Димитров и Попов медленно шли по городу. Из громкоговорителей несся хриплый голос диктора:

— Преступники, которые по приказу иностранной державы, по приказу Москвы, убивают, опустошают, лишают спокойствия мирный народ и сами заявляют, что не хотят быть немцами, а хотят быть подданными Третьего Интернационала, такие преступники не могут рассматриваться как наши соотечественники…

Димитров с досадой махнул рукой.

— Они всерьез взялись за уничтожение своего народа…

АРЕСТ

9 марта 1933 года Димитров, Танев и Попов, как обычно, зашли в ресторан «Байернгоф». Был тот послеобеденный час, когда бар пустовал. Димитров выбрал стол и, не увидев знакомого официанта Гельмера, подозвал другого. Тот принял заказ и удалился.

— Так, значит, в данный момент поджигателем называется только Ван дер Люббе? — продолжал прерванный разговор Димитров.

— Ван дер Люббе и Торглер.

— Торглер — как моральный поджигатель, так ведь кажется? Надо же как-то направить следствие к Германской компартии…

— Говорят, Ван дер Люббе коммунист.

— Коммунист?! — воскликнул Димитров. — Это невероятно! Никогда ни один коммунист не вмешался бы в такую глупую террористическую аферу! Терроризм не входит в наши принципы. Нет! Нет! Это доказывает лишь то, насколько запутались гитлеровцы. Всем, кем угодно, может быть Ван дер Люббе, только не коммунистом…

— У него найден партийный билет, — сказал Танев.

— Это еще ничего не значит.

На другом конце бара, у самого входа, послышался шум, затем раскрылась тяжелая дубовая дверь, и в бар ворвались полицейские, сильно вооруженные. Находившийся среди них человек в штатском, оглядевшись, указал пальцем в сторону Димитрова. Это был официант Гельмер. Димитров его сразу узнал.

С пистолетами в руках полицейские окружили болгар.

— Руки вверх! Именем закона вы арестованы!

Трое болгар сначала заколебались, но потом встали, подняли руки и позволили себя обыскать.

— Здесь они встречались с Ван дер Люббе? — спросил полицейский.

— Да, — ответил Гельмер. — Я уже говорил об этом и готов подтвердить, где это потребуется.

Димитров, который хорошо понимал немецкий язык, взглянул на полицейского и кельнера и мрачно спросил:

— Какой Ван дер Люббе?

— Узнаете, когда придете в зал Бисмарка, господин Рудольф Гедигер, — злобно усмехнулся полицейский и поторопил своих подчиненных: — Быстрей! Быстрей!

Полицейские собрали вещи, отобранные у арестованных, и повели их к выходу. Димитров обратился к старшему полицейскому:

— Прошу вас, распорядитесь вернуть мне очки, они мне крайне необходимы.

— В Моабите очки не потребуются, там все равно темно, господин писатель, — съязвил полицейский.

— А для поджога рейхстага вам нужны были очки? — глупо сострил парень в коричневой рубахе.

— Тогда ему было светло… — подхватил такой же молодчик.

Димитров на них не взглянул.

Арестованных посадили в закрытую полицейскую машину и отвезли в рейхстаг, в зал Бисмарка, где заседала следственная комиссия.

Арестованных болгар встретил комиссар уголовной комиссии д-р Брашвиц. В резкой форме он объявил им, что полиция имеет неопровержимые доказательства об их связи с Ван дер Люббе и участии в поджоге рейхстага. Димитров ответил, что это чудовищная ложь. Брашвиц настаивал на своем и требовал подписать протокол.

Димитров заявил:

— Я отрицаю все обвинения и не подпишу никаких протоколов! Я не питаю доверия ни к какой полиции и тем более к вашей, германской полиции. Все, что я сочту нужным, я изложу письменно.

Брашвиц побагровел от злобы и приказал немедленно отвезти арестованных в тюрьму предварительного заключения при берлинском полицей-президиуме.

В тюрьме Димитров дал письменные показания, в которых, кратко обрисовав свою жизнь и деятельность, доказывал, что с поджигателями он не имеет ничего общего. О найденном у него при обыске фальшивом паспорте дал такое объяснение;

«Мои политические противники угрожали мне убийством и за границей, поэтому я не мог жить в Европе под своим настоящим именем и был вынужден проживать под другими фамилиями. К ним относится и фамилия д-ра Рудольфа Гедигера, под которой я и был арестован».

Вслед за этим Димитров написал о своей деятельности как политического эмигранта;

«В конце июня 1932 года я прибыл в Берлин и отсюда предпринял поездки в Вену, Прагу, Амстердам, Париж и Брюссель, где я старался заинтересовать этим вопросом [31] выдающихся лиц, таких, как Цвейг и др. в Австрии, профессор Неедлы и др. в Чехословакии, Барбюс, Ромен Роллан во Франции

и др., редакции разных газет и журналов, разные организации — культурные, научные и др., и обеспечить их моральную и политическую поддержку в пользу требования амнистии… Написал ряд статей об экономическом и политическом положении в Болгарии, о ее внутренней и внешней политике и др.».

Наконец он заявлял:

«Во время своего пребывания в Германии я не вмешивался во внутренние германские дела. Я не принимал ни непосредственного, ни косвенного участия в политической борьбе в этой стране. Я целиком посвятил себя задаче, которая для меня, как болгарского политического деятеля, является вопросом жизни, — помочь, насколько мне позволяют силы, скорейшему завоеванию полной политической амнистии в Болгарии, чтобы я мог свободно вернуться после десятилетней эмиграции в свою страну и там служить моему народу согласно моим убеждениям и моему идеалу».

Относительно обвинения в поджоге рейхстага Димитров писал:

«С глубочайшим возмущением я отвергаю всякое подозрение в каком бы то ни было моем прямом или косвенном участии в этом антикоммунистическом действии, в этом со всех точек зрения предосудительном злодеянии и решительно протестую против неслыханной несправедливости, которую совершили по отношению ко мне, арестовав меня в связи с этим преступлением».

«Я протестую также против того, что со мной обращаются как с военнопленным, которому не оставлено из его собственных средств ни пфеннига для самых необходимых нужд и который лишен даже самой элементарной юридической помощи».

В конце своих показаний Димитров писал:

«Что касается книг, найденных в моей квартире, то я безусловно своими могу признать только те из них, которые были бы зафиксированы в моем личном присутствии. Обыск в моей квартире был произведен в мое отсутствие».

Свои показания Димитров передал следователю, но они не были приняты во внимание. 28 марта Димитров вместе с двумя товарищами был отправлен в тюрьму Моабит, что на окраине Берлина.

Началась тяжкая тюремная эпопея Димитрова, пленника фашизма.

ДАЛЕКО ОТ МИРА

У серых стен тюрьмы Моабит день и ночь стояли часовые. Через решетчатые оконца чуть проникал дневной свет, но долетал городской шум и напоминал затворникам, что где-то есть люди, есть жизнь.

Камера Георгия Димитрова была высокой и, как гроб, узкой; в ней едва помещалась койка, которую днем убирали. По настоянию Димитрова в камере поставили маленький стол. Димитров проводил за ним целые дни, поглощенный то чтением, то обдумыванием предстоящей защиты.

Прошло два дня, как он получил обвинительный акт от судебного следователя Фогта, и два дня с тех пор, как его руки заковали в стальные наручники.

Тюремная пища состояла из жидкого кофе, фасоли, иногда гороха или манной каши и небольшого куска хлеба.

Димитров не упускал случая выразить следователю Фогту протест против нетерпимого режима, подчеркивая при этом, что ни он, ни его друзья ни в чем не повинны.

— Кладу голову об заклад, — говорил Димитров, — что я и мои товарищи не виновны.

Фогт отвечал ему иронически;

— Вы и без того голову свою сложите…

По утрам тюремщики открывали двери камеры, передавали кусок хлеба и молча выслушивали требования заключенного. Он каждый день что-нибудь требовал. Никогда еще тюремщикам не встречался такой настойчивый, такой беспокойный заключенный. Каждый день он забивал им голоьы требованием то книг: истории Германии, учебника немецкого языка, свода законов, — то газет… Дайте ему, видите ли, книги господина Гете, книгу о господине Гамлете, книги какого-то лорда Байрона… То он хочет писать, то он хочет читать… На руках у него стальные наручники, а он сидит за столом и пишет, пишет… А иногда заговаривает с тюремщиками, подбрасывает им опасные мысли, беседует с пастором тюремной церкви, расспрашивает его об отношениях между протестантами и католиками, о философии христианства и философии гитлеризма… Очень неспокойный человек. Иногда станет у окна и долго-долго вслушивается. Что ему там слышится? О чем он думает? Может быть, вспоминает свободу? Может быть, думает о своих друзьях, разбросанных по всему свету?

В этот день, как и всегда, он сел за стол, развернул лист

чистой бумаги и написал:

«Дорогой друг Барбюс!

Я вынужден сообщить вам печальную весть. Начиная с девятого марта, я нахожусь под арестом…»

Поскрипывает перо, пошатывается стол под тяжестью его тела, позванивают наручники, и острая боль режет запястье рук.

«…Меня, к несчастью, обвинили в том, что я предпринял попытку насильственным путем изменить государственное устройство Германской империи, преднамеренно поджег здание рейхстага… причем совершил поджог с целью вызвать восстание… Прошу вас, сообщите о моем настоящем положении также Ромену Роллану, так как я не знаю его теперешнего адреса…»

Димитров оторвался от письма, поглядел в окно, за которым лежал весь мир, в душу его нахлынули воспоминания о прошлом и тяжелые мысли о настоящем, и это настоящее вылилось из-под его пера в таких словах:

«…Мои личные деньги конфискованы… Я не получаю газет… не получил защитника… ко мне никого не допускают… отобрали даже мои очки».

Димитров вложил письмо в конверт и написал адрес:

«Анри Барбюсу. Париж. Редакция газеты «Юманите».

Затем поднялся, постучал в дверь и сказал появившемуся тюремщику:

— Передайте, пожалуйста, в дирекцию, пусть перешлют немедленно…

День сменила ночь, наступил новый день.

Мир с его радостями и тревогами лежал где-то далеко-далеко, глухой и недосягаемый. Что там произошло со знакомыми людьми? Доходят ли его письма до них?

Димитров написал новое письмо, адресованное депутату Марселю Кашену, в Париж:

«Дорогой Марсель Кашен!

…Я никогда в моей жизни не видел, не встречался и не разговаривал с поджигателем рейхстага Ван дер Люббе и, конечно, не имел никакого — ни прямого, ни косвенного — отношения к поджогу рейхстага, к этому безумному, преступному поступку, враждебному народу и явно антикоммунистическому. Для меня особенно важно, чтобы это мое категорическое заявление стало известно в самой Болгарии и чтобы болгарские соотечественники и друзья за границей узнали о нем».

Димитров передал тюремщикам и это письмо, но получит ли его адресат, не знал.

Никто не желал с ним говорить. Держали его в изоляции от

людей, от мира. И только книги, которые ему приносили из тюремной библиотеки, давали силы переносить невзгоды и страдания.

Расхаживая по камере, он читал Байрона:

> «Я так беспомощен, как только может пожелать сам черт.
> Им уже ничего не стоит вытащить меня на сушу, как попавшуюся на удочку рыбу.
> Или как ягненка, который не сумел спастись от мясника, потащить на бойню.
> Но я не очень-то подхожу для такой изысканной трапезы.
> И еще меньше желаю попасть на сковороду».

Иногда обуревали душу тяжелые мысли. Дни шли, и никаких вестей о дальнейшем ходе судебного следствия.

Чего они еще ждут? Чего хотят от него?

30 апреля 1933 года Димитров записал в дневнике:

«Пятая неделя! Сколько еще?»

А на другой день, рано утром Первого мая, он слышал далекий грохот Берлина, крики и вопли гитлеровского сброда, пытавшегося превратить день Первого мая в свой праздник, чтобы обмануть рабочих, ввести их в заблуждение.

Димитров с болью в сердце вспомнил те далекие времена на своей родине, когда он праздновал Первое мая среди тысяч своих товарищей рабочих, когда выступал на митингах, когда на улицах и площадях звенели песни. Вспомнил о стране, в которой свободно и торжественно празднуют этот день труда. Вспомнил и записал в дневнике:

«Москва — Берлин: два исторических антипода. А я сижу в Моабите закованный! Достаточно скверно и грустно. Но… Дантон: «Никакой слабости!»

Димитров вновь зашагал по камере, в такт шагам читая стихи Гете:

> Трусливые мысли,
> Боязливое колебание,
> Женская робость,
> Боязливая жалоба
> Не избавят тебя от нищеты
> И не сделают свободным!
> Устоять вопреки насилию,
> Никогда не сгибаться, быть сильным.—
> Вот о чем бедные взывают к легиону богов!

Тяжело ступая, к двери камеры подошел тюремщик, долго и внимательно рассматривал через глазок в двери, что там делается.

— Сам с собой разговаривает. Должно быть, с ума сошел, — сказал, недоумевая, тюремщик и опять побрел по длинному, как само тюремное время, коридору. Шел и думал: «Хорошо, что его превосходительство господин Геббельс сжег книги на площадях Берлина. От книг человек действительно может помешаться и даже, поджечь рейхстаг!»

Димитров сел за стол, раскрыл книгу и тотчас перенесся в иной мир. В камере тишина, слышится иногда лишь шелест переворачиваемой страницы. Но вот что-то привлекло его внимание, он прочитал раз, еще раз, взял карандаш и подчеркнул повторяя:

Богатство потерять — немного потерять,
Честь потерять — много потерять,
Мужество потерять — все потерять!

Строки Гете взволновали. Димитров встал и опять зашагал по камере.

— Да, потеряешь мужество — все потеряешь!

Дни в Моабитской тюрьме были заполнены напряженной работой. Работал Димитров по десять часов в сутки, готовясь к публичной встрече с теми, кто заковал его в цепи и бросил в тюрьму. Он требовал от судебного следователя Фогта, ссылаясь на германские законы, снять наручники. Требовал допустить к нему защитников, которым он мог бы изложить свое дело. Следователь упорствовал, но и Димитров не отступал от своего.

Были и светлые минуты, когда он писал письма матери и сестре Магдалине в Болгарию.

«Мои дорогие мама и сестра! Я всегда гордился нашей матерью, благородным ее характером, стойкостью и самоотверженной любовью, и сейчас еще больше горжусь ею… Само собой разумеется, что я, «подобно апостолу Павлу», как пишет мама, буду нести свой крест с необходимым мужеством, терпением и стойкостью. Только не подвело бы здоровье — все остальное будет хорошо! От Лены я еще не получил ответа на мое письмо. Не знаю также, что случилось с Любой. По сообщению, полученному незадолго до моего ареста, бедняжка при смерти. Вы хорошо знаете, что означала бы для меня эта потеря. Это было бы величайшей потерей и самым большим ударом за всю мою жизнь…»

Удар этот Димитров получил 27 мая 1933 года — Любица

Ивошевич умерла в Москве, вдали от своего друга. Он узнал об этом из письма, полученного с большим опозданием[32].

Теперь самой близкой к сердцу его оставалась только мать. И он не переставал писать ей:

«Дорогая, любимая мама!

…Сообщение болгарских газет о том, что Лена и Лиза выехали в Германию по моему делу, меня очень удивило. Я не имел понятия об этом… Обе последние посылки (с сыром) я не мог получить, ибо, как я уже писал вам, в тюрьме не разрешается выдавать продукты, полученные из-за границы… Пиши мне, прошу тебя, чаще. Горячие приветы всем домашним, особенно Лине, Стефану, Любе и Любчо. Тебе, моя милая мама, тысячу поцелуев. Твой сын Георгий».

Письма, которые он получал, хотя и с большими задержками и лишь после тюремной цензуры, напоминали ему о мире, от которого он был оторван насильственно. Но мир жизни смелой, жизни, полной борьбы, не забывал своего друга и своего сына. Это наполняло Димитрова верой в близкую победу, а иногда уносило в прекрасные мечты. Склонившись над столом, он закрывал книгу и уходил <в воспоминания о Болгарии, Вене, Москве. Придется ли еще побывать в этих краях? Будет ли он опять среди близких и друзей?

В том мире жили люди — сотни, миллионы людей, которых он должен быть достоин. Люди, которые не должны краснеть за него. Люди, перед которыми он должен высоко пронести все то, что ему доверил рабочий класс.

ВОЗМУЩЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Каждое утро рабочие Москвы спешили просмотреть газеты. Как и рабочие Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Рима, Праги, Варшавы, Будапешта, Белграда, Софии. Рабочие мира! И не только рабочие, но и крестьяне, интеллигенция — все люди мира с напряжением ждали начала большого процесса, который затеяли гитлеровцы.

Видные писатели, ученые, юристы, политики — люди мировой совести поднимали голос в защиту плененных гитлеровцами борцов. Имена Димитрова и Торглера не сходили со страниц печати. В Париже был создан комитет в защиту подсудимых. В городах Европы устраивались грандиозные митинги, на которых выступали известные миру деятели.

В то время мать Димитрова жила в маленьком горном городке Самокове с дочерью Магдалиной. Парашкева Димитрова потеряла уже троих сыновей: Костадина, Николая и Тодора. Смерть готовилась похитить и четвертого ее сына.

Болгарские газеты мало писали о том, что происходит там, где ее сын. Но из писем, которые она получала, она видела, что надо и ей что-то предпринимать. Грешно, думала она, оставаться здесь, в тишине и покое, когда ее сын, а вместе с ним и весь свет поднялись на борьбу против озверелых фашистов. И она сказала дочери:

— Магдалина, собирайся, поедем в Германию.

Магдалина не возразила. Она только высказала сомнение:

— Пустят ли нас, мама?

— Будем ходить, будем хлопотать, пока пустят… Нельзя сидеть сложа руки. Будем требовать, пока не надоедим им…

Партия поддержала Парашкеву Димитрову в ее желании поехать в Берлин.

Решено — сделано. В одно утро из Самокова направилась в Софию старая, согбенная горем женщина в черной одежде. Прибыв в Софию, она тотчас пошла в германское посольство просить визу. Чиновник, лишь услышав ее фамилию, не дал ей переступить и порога посольства. Тогда Парашкева пошла в полицию, но и там ей сказали:

— Куда тебе, бабка, в Германию? Потеряешься там. Даже говорить по-немецки не можешь.

— Могу ли я по-немецки говорить или нет, это дело не ваше. Я хочу ехать к сыну.

— Откуда возьмешь столько денег? Дорого обойдется поездка

в Германию, — отговаривали полицейские чиновники.

— Найду. Вы мне только дайте документы.

С большим трудом Парашкева и Магдалина добились паспорта во Францию. В одно прекрасное утро они отправились в далекий путь.

Париж. Вот он какой, Париж!

Зал «Ваграм» переполнен. Тут собрались тысячи парижан, чтобы послушать, что скажет прибывший с Корсики известный адвокат Моро-Джиаффери об этом «неслыханном юридическом скандале».

На трибуне невысокий полный корсиканец. Микрофон торчит над его головой, но Джиаффери справился с этим неудобством, повысив голос.

— Фашизм угрожает всему миру, — говорил Моро-Джиаффери. — Фашизм несет войну, отбрасывает мир в средневековье. Фашизм не гнушается никакими средствами на пути к власти. Гитлеровские палачи использовали психопата Ван дер Люббе в целях своей подлой провокации…

Публика слушала напряженно. Время от времени неслись крики то одобрения, то возмущения, зал дрожал от аплодисментов. Под конец оратор схватил микрофон обеими руками и закричал так, будто хотел, чтобы его услышал весь свет:

— Убийца и поджигатель — это ты, Геринг!

Публика поднялась в едином порыве, слова эти попали в самое сердце.

— Да здравствует Корсика! — крикнул кто-то.

Моро-Джиаффери усмехнулся: «При чем тут Корсика?» — и сошел с трибуны. В зале постепенно стихло.

Тогда председатель собрания объявил:

— Господа, хочу сообщить вам радостную весть. Среди нас находится мать одного из подсудимых. Здесь госпожа Парашкева Димитрова.

Он повернулся и кивнул: из глубины сцены поднялась маленькая скромная старая женщина, одетая в черное. Она улыбалась горькой улыбкой.

Люди встали. Грохот аплодисментов потряс зал. Люди кричали:

— Да здравствует Димитров! Да здравствует Болгария! Да здравствует мать Димитрова!

А она, мать Димитрова, молча глядела на людей. Теперь она уже не боялась за своего сына.

Когда в зале стихло, председатель объявил:

— Госпожа Парашкева Димитрова скажет вам несколько слов о сыне…

В зале снова вспыхнула овация, а когда она прекратилась, все услышали тихий голос Парашкевы Димитровой:

— Дорогие французы! Мне очень дорого, что я вижу столько рабочих, собравшихся в одном месте. У нас в Болгарии это давно запрещено. Радуюсь также тому, что все вы собрались здесь, чтобы защитить не только моего сына, но и поруганную правду. Я старая женщина, но, сколько смогу, отдам для победы нашего дела, нашей правды. Мой сын Георгий Димитров не может быть поджигателем, он не может быть преступником, потому что я и народ, которому он служит всю свою жизнь, учили его делать только добро…

Она задумалась. Что им еще сказать? А зал опять залили возгласы:

— Да здравствует Димитров! Да здравствует Болгария!

Скрестив руки, старая женщина взволнованно слушала и улыбалась счастливо.

Собрание в зале «Ваграм» закончилось поздно. Димитрова с дочерью, сопровождаемые болгарами Милко Тарабановым и Бояном Дановским, вернулись в гостиницу. На другой день два немецких товарища вызвали Дановского и сказали ему:

— Вам поручается сопровождать мать Димитрова и ее дочь в Германию в качестве переводчика. Имейте в виду, что поездка будет сопряжена с риском. Но знайте: за вами следит все прогрессивное человечество, за вами стоит мировой пролетариат. Не бойтесь ничего.

— Я согласен, — ответил Дановский.

— О паспортах, валюте и прочем вам не надо беспокоиться. Это остается за нами.

Попрощались и разошлись.

Через несколько дней парижане провожали своих гостей в Германию. Парашкева Димитрова, глядя из окна вагона, расспрашивала дочь:

— А это кто там в чалме?

— Индиец.

— А вот тот?

— Китаец.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина, хоть у него и коса.

Димитрова смотрела долго, удивленно. Ее очаровал этот пестрый мир, который шумел и волновался на парижском вокзале вокруг нее — простой женщины из далекой и маленькой Болгарии. И радость и гордость наполнили ее душу, гордость и за сына и за свою родину.

Поезд тронулся. Тысячи рук со сжатыми кулаками

взметнулись вверх. Крики «Рот фронт!», «Виват!» неслись вслед медленно удалявшемуся поезду, а у окна вагона стояла старая женщина и задумчиво махала рукой.

ЛЕЙПЦИГ

До начала процесса в Лейпциге мировая общественность организовала контрпроцесс в Лондоне. Председатель Международной следственной комиссии по делу о поджоге рейхстага известный английский адвокат Д. Н. Притт на заседании 20 сентября 1933 года огласил доклад следственной комиссии. В заключении этого доклада утверждалось, «что есть серьезные основания для подозрения, что рейхстаг был подожжен руководящими лицами национал-социалистской партии или же по их поручению». Следовательно, уже с 20 сентября 1933 года имелся только один обвиняемый — гитлеризм. Но битва только еще начиналась…

21 сентября 1933 года начиналось большое сражение. К зданию имперского суда в Лейпциге неслась большая закрытая автомашина, охраняемая полицейскими. Вслед за ней летел автобус, полный штурмовиков. Каски их зловеще горели под короткими лучами осеннего солнца. По улицам города патрулировали гитлеровские отряды. Перед входом в здание имперского суда торчали военные и штатские, они проверяли документы у желавших войти в здание.

Девять часов утра. Машина с заключенными остановилась у главного входа. Охрана мигом окружила машину. Из нее медленно вышел молодой человек с безвольно повисшими руками. Лицо его, понуро опущенное к земле, было бледно, с синеватым оттенком на скулах, глаза мутные, пустые. Этот живой труп был голландцем Ван дер Люббе, арестованным 27 февраля в здании рейхстага в момент возникновения пожара.

Следом за Ван дер Люббе вышел худой и тихий человек с бледным печальным лицом. Это был депутат германского парламента, член Германской коммунистической партии Эрнст Торглер, обвиненный в соучастии в поджоге. После Торглера из автомашины вышли болгары Попов и Танев и, наконец, Димитров. Арестованных ввели в здание имперского суда. Там в небольшой комнате их обыскали, а потом ввели в судебный зал.

В зале царила тишина. Журналисты и официальные лица тихо переговаривались, поглядывая на балкон, где суетились штурмовики. Всюду висели знамена с переломленными крестами, фашистская свастика красовалась и на одежде штурмовиков. Казалось, на всем зале лежала тень большого переломленного креста. Штурмовики молча смотрели с балкона, оглядывая каждого входящего в зал.

Торжественно, один за другим проследовали к судейскому столу девять членов суда в длинных красных мантиях. «Красные мантии» выбросили вперед правую руку. Присутствовавшие в зале ответили тем же жестом гитлеровского приветствия. Образовался лес вытянутых рук, грозно направленных на подсудимых, безучастно стоявших во время этой церемонии.

Члены суда заняли свои места. Уселась публика. Председатель суда д-р Вильгельм Бюнгер поднялся и, положив руки на кафедру, начал свою речь:

— Господа, огромное значение события, которое лежит в основе этого процесса, приведет к тому, что судебное следствие будет страстно и энергично комментироваться печатью всего мира. Уже предпринимались многократные попытки сделать поспешные предсказания относительно еще неизвестного хода процесса. Недопустимо, однако, приступать к такому процессу с предварительно составленным мнением…[33]

В голосе Бюнгера звучала неуверенность, чувствовалось стремление оправдаться. Казалось, он сам сомневается в ловко скроенном обвинительном акте, который лежал у него на столе в виде пухлого тома в двести тридцать пять страниц. Страшное и трудное дело — доказать вину невинных людей, выполнить приказ фюрера, Геринга, Геббельса, приказ нацистской партии!

Бюнгер не верил тому, что говорил. Но что иное мог сказать он, покорный слуга и блюститель законов третьего райха?

Первый и второй день судебного следствия были посвящены Ван дер Люббе. Полубезумный голландский каменщик беспомощно сидел перед судом, глядя в пол помутневшими глазами, и вяло отвечал на вопросы председателя суда. Около него стоял адвокат и время от времени вытирал ему нос, так как подзащитный был не в состоянии себя контролировать. Он потерял память.

На третий день допросу был подвергнут Георгий Димитров.

С самого того момента, когда он предстал перед имперским судом гитлеровской Германии, он не думал защищать только свое личное дело, оно было для него на втором плане. Самым важным в данный момент он считал защиту правого дела коммунизма, против которого ополчился гитлеризм.

Лишь только Димитров поднялся, председатель суда Бюнгер обратился к нему с предупреждением:

— Димитров, я имею сведения, что во время следствия вы держались очень недисциплинированно. Должен вас предупредить, что вы находитесь перед верховным имперским судом и что вам необходимо, сообразуясь с этим, изменить свое поведение.

Неожиданно для председателя и публики Димитров ответил:

— Если бы вы были невиновным и гнили семь месяцев в тюрьме, из которых пять месяцев — в кандалах, вы бы поняли, что человек может лишиться спокойствия.

Публика зашевелилась. Некоторые в последних рядах поднялись, чтобы лучше увидеть этого дерзкого человека. Полиция забеспокоилась. Как можно так отвечать председателю имперского суда?

Димитров подался вперед, оперся руками о стол, впился глазами в людей в красных мантиях и начал излагать, как того требовал установленный порядок, свою биографию.

Внимание всех сидящих в зале было захвачено тем, о чем говорил Димитров. Это не была обыкновенная биография человека, это была жизнь, переплетенная с историей народа, класса, партии.

— Я сын рабочего класса Болгарии. Вырос и получил воспитание в рядах революционного рабочего движения… В течение тридцати лет я член Болгарской коммунистической партии. В течение двадцати трех лет — член Центрального Комитета Коммунистической партии Болгарии.

Журналисты едва успевали записывать то, что слышали. Это было изумительно.

Бюнгер, склонив голову, слушал с нескрываемой досадой.

— Верно, что я большевик, пролетарский революционер, — продолжал Димитров. — Я должен подчеркнуть: пролетарский революционер, так как ведь сейчас все идет навыворот, даже германский кронпринц объявляет себя революционером, а попадаются даже и такие сумасшедшие «революционеры», как, например, Ван дер Люббе! — Димитров окинул взглядом судей: — Также верно, что я, как член Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии и член Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, являюсь ответственным и руководящим коммунистом.

Прокурор д-р Вернер писал что-то в блокноте. Увидев это, Димитров повысил голос, будто хотел чтобы господин прокурор лучше его слушал:

— И я вполне готов нести полную ответственность за все решения, документы и действия моей болгарской партии и Коммунистического Интернационала. Но именно поэтому я не авантюрист, не заговорщик и не поджигатель.

Передохнув, Димитров вновь обратился к красным мантиям:

— Далее, также совершенно правильно, что я — за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата. Я глубоко убежден, что в этом спасение и единственный выход из

экономического кризиса и военной катастрофы капитализма. И борьба за диктатуру пролетариата и за победу коммунизма, бесспорно, составляет содержание моей жизни. Я желал бы еще по крайней мере двадцать лет прожить для коммунизма и затем спокойно умереть. Но именно поэтому я решительный противник методов индивидуального террора и путчизма.

Некоторое время Димитров продолжал еще говорить спокойно, а потом, повысив голос, бросил в зал:

— К поджогу рейхстага я не имею абсолютно никакого — ни прямого, ни косвенного — отношения. Поджигателя рейхстага Ван дер Люббе я вижу впервые здесь, в этом зале.

Подняв руку, внимательно глядя в глаза Бюнгера, точно пытаясь ему внушить, Димитров далее сказал:

— Теперь я более склонен предположить, что поджог рейхстага — это антикоммунистическое деяние — возник на почве союза политической провокации и политического сумасшествия.

— На кого вы намекаете, Димитров? — встрепенулся Бюнгер и постучал карандашом по столу.

— Моим утешением было и остается лишь то, что мои болгарские соратники, товарищи по классу за границей, революционные пролетарии в Германии и все те, кто меня хоть сколько-нибудь знает, ни на одну минуту не могли усомниться в моей невиновности. Я могу спокойно сказать, что к поджогу рейхстага я имел такое же отношение, как, например, и любой иностранный корреспондент, сидящий в этом зале, или сами господа судьи. Я хочу со всей силой подчеркнуть, что я не имел абсолютно никакого, даже случайного или совершенно отдаленного, отношения к этому преступлению.

Димитров прищурился, поглядел в сторону иностранных журналистов и, казалось, только для них сказал:

— Все предварительное следствие против меня велось с предвзятостью и с явным намерением любой ценой, вопреки всем противоречащим этому фактам сфабриковать из меня для имперского суда поджигателя рейхстага, после того как длившееся месяцами предварительное следствие оказалось не в состоянии, как это теперь для меня ясно, найти настоящих виновников.

Бюнгер не вытерпел, отложил папку, которую только что листал, и снова постучал по столу.

— Говорите суду, Димитров… Как вы думаете, для чего вы здесь?

— Я здесь для того, чтобы защищать коммунизм и себя самого, — ответил Димитров и опять повернулся к публике.

Бюнгер встал. Он был бледен,

— Говорите по существу, Димитров, иначе я вас лишу слова!

Но Димитров продолжал бросать в зал свои такие убедительные доводы.

Иностранные корреспонденты — враги и друзья — были ошеломлены революционной энергией этого человека. Уже на другой день иностранная печать заговорила о Димитрове.

«У этого болгарина, — писал лондонский «Таймс», — как бы врожденное достоинство». Реакционная газета «Пти паризьен» заявляла: «Димитров не отвечает на вопросы. Он нападает». Другая реакционная газета, выходившая в Варшаве, добавляла: «Димитров — человек блестящей интеллигентности и дарования, он превратил скамью подсудимых в скамью обвинителя».

А гитлеровская печать отмечала:

«Он настоящий психолог. Не легко было д-ру Бюнгеру справиться с этим вулканическим человеком на скамье подсудимых. Он злоупотреблял микрофоном для своих целей и никогда не забывал косвенно обратиться к иностранным корреспондентам. Это — эхо, которое он ищет и которое найдет».

Димитров действительно нашел это эхо. Мир заговорил о его первой речи в имперском суде. «Человек, который горд тем, что руководил революционным восстанием, который кричит в лицо каждому буржуа, что он борется против него, который отметает от себя всякую сентиментальность, вызывает аплодисменты буржуазных корреспондентов из-за границы», — писала «Нейе Лейпцигер Цейтунг».

Это был очень печальный день для д-ра Бюнгера. Его хозяева сделали ему строгое внушение за то, что он потерял инициативу. Он должен это хорошо запомнить и обуздать коммуниста[34].

ВСТРЕЧИ

Режим в тюрьме стал еще более тяжелым. Попытки Димитрова получить юридическую защиту не достигли цели. Суд отклонил просьбу Димитрова допустить к участию в суде иностранных адвокатов Моро-Джиаффери, Канпинки, Брантинга, Виллара, Галахера, болгар Григорова и Дечева. Суд назначил официального защитника, д-ра Тейхерта. Этот гитлеровский адвокат вместо того, чтобы помогать Димитрову, делал все возможное, чтобы ухудшить его положение. Димитров был вынужден отказаться от навязанного ему адвоката и взять свою защиту на себя.

Хотя Димитров и был изолирован от внешнего мира, он знал, что мировая общественность с ним. В письмах, которые он получал, правда с большим опозданием, он чувствовал тепло рук тех многочисленных друзей, кто следил за его судьбой. Большое участие в международной кампании в его защиту принял и старый его товарищ и друг Васил Коларов.

Письма, которыми они обменивались, документы, которые посылал Коларов в Моабит, чтобы Димитров использовал их на суде, говорили о верности дружбе. Еще в сентябре Коларов выехал в Париж, чтобы принять участие в заседаниях Международной следственной комиссии.

Да, мировая общественность была с ним, с Димитровым. Он чувствовал это и по взглядам журналистов, присутствовавших на процессе, даже по глазам тюремных стражников…

После долгого одиночества неожиданно наступил день, когда Димитров увидел близкого человека. В зал суда вошла дама. Сначала она робко огляделась, а затем, увидев подсудимого, широко и ласково ему улыбнулась. Улыбнулся и подсудимый, радостно закивал. Это обратило внимание сидящих в зале. Д-р Бюнгер ударил по звонку.

— Знаете, госпожа, здесь имперский суд и потому следует держаться серьезней!

Женщина покраснела и сказала про себя: «Знаю, что это фашистский суд, ну и что же? Ведь подсудимый-то — мой брат».

Это была Елена Димитрова, прибывшая из Москвы повидать брата и засвидетельствовать перед судом его невиновность, как она это уже сделала на контрпроцессе в Лондоне.

Бюнгер распорядился начать ее допрос. «Что сейчас произойдет, если она растеряется, потеряет присутствие духа среди этих взглядов, со всех сторон пронизывающих ее, среди

этих озлобленных людей?» Елена поглядела на брата и облегченно вздохнула: он был спокоен, и его спокойствие укрепило в ней силы. Неожиданно для всех Димитров обратился к сестре:

— Знает ли свидетель, что я, находясь в Берлине в 1930–1933 годах, занимался исключительно делами, связанными с борьбой в Болгарии?

— Да, — ответила она, — подсудимый Димитров был в Берлине с 1930 по 1933 год, и занимался он делами болгарского революционного движения. Он подготовлял общественное мнение к поддержке борьбы за полную и безусловную амнистию болгарских заключенных и эмигрантов.

— Знает ли свидетель, — продолжал Димитров, — что я писал статьи в «Импрекор» о положении в Болгарии и что я жил на деньги, получаемые за эти статьи?

— Подсудимый Димитров был одним из редакторов «Импрекора» и принимал в нем деятельное участие как публицист. Он…

— Довольно! — прервал Бюнгер. — Вопросы буду задавать я. Вам, Димитров, я не давал слова.

Лысая голова Бюнгера покраснела. Он понял, что его опять провели. Зло поглядывая то на подсудимого, то на его сестру, он рылся в огромном деле, а потом, хотя и с опозданием, начал задавать вопросы. Наконец он сказал с досадой;

— Свидетельница свободна! — и подал знак вывести ее.

Елена покинула зал глубоко взволнованная. В коридоре она задержалась, чтобы дождаться конца заседания и попросить о свидании с братом.

Свидание произошло в маленькой и пустой комнате в присутствии официального адвоката д-ра Тейхерта, переводчика и полицейского. Тейхерт, пожевывая бутерброд, внушал Елене:

— Скажите брату, чтобы он держался вежливее и внимательнее к суду, иначе не могу отвечать за его голову.

Елена восторженно глядела на брата, у нее не было ни времени, ни желания прислушиваться к словам фашистского адвоката. Она рассказывала брату, какие большие размеры приняла борьба за его освобождение и что говорят о нем его товарищи.

Переводчик настороженно слушал, боясь пропустить какое-либо недозволенное, опасное слово, от которого может зависеть судьба третьего райха. Он сидел, вытянув шею, широко раскрыв бегающие глаза профессионала шпиона.

— Говорили тебе что-нибудь, когда посылали тебя сюда?

— Нет, они полагаются на тебя… они восхищены тобой.

Переводчик недоумевал, о ком идет речь. Кто эти «они»? И на всякий случай сказал:

— Прошу, не говорите на политические темы.

— Имеешь ли сведения из Болгарии? — продолжал Димитров.

— Нет.

— Мама скоро приедет?

— Предполагаю, скоро.

— Ты что думаешь делать?

— Поеду по Европе и буду рассказывать, как могу и о чем знаю…

Наступила короткая пауза. Затем Димитров спросил о смерти Любы, вспомнил о ее мученической жизни. Потом опять заговорил о прошлом, о матери.

Вмешался полицейский:

— Время истекло, госпожа. Прошу!

Елена взглянула на часы и вздохнула. Сказала еще несколько слов, обняла брата, поцеловала, и глаза ее наполнились слезами.

— Не срами меня, — сказал Димитров и нежно, по-отцовски похлопал ее по плечу. — Не срами!

— До свидания, брат! Прости за слабость…

Елена вышла из здания суда, а затем уехала из Германии так же внезапно, как и приехала.

Стояла глубокая осень. По бульварам Лейпцига гулял холодный ветер, вода в каналах потемнела, с деревьев тихо опадали последние листья.

В один из таких коротких осенних дней в Лейпциг прибыла Парашкева Димитрова со своей дочерью Магдалиной. Остановились они в гостинице «Регина». Гитлеровцы немедленно установили наблюдательные посты у гостиницы: их пугало даже присутствие семидесятидвухлетней женщины.

Мать Димитрова до конца процесса не пропустила ни одного заседания. Ее место было известно всем — четвертая скамья в рядах для публики. Она сидела молча, сложив руки на коленях, и напряженно слушала все, что говорил ее сын. Она ничего не понимала в его речах на немецком языке[35], но она знала, что ее Георгий говорит только правду, и не отрывала глаз от него.

После долгих и настойчивых ходатайств фашисты, наконец, разрешили ей свидание с сыном. На д-ра Тейхерта возложили задачу — воздействовать на Димитрова через мать. Тейхерт решил попробовать. Он вызвал к себе мать Димитрова и сказал ей:

— Вам разрешено свидание с сыном при одном условии…

Димитрова поглядела вопросительно: что задумали они?

Тейхерт продолжал:

— Скажите ему, чтобы он не говорил так много, потому что голова его в опасности.

Димитрова задумалась, не сказала «да», не сказала «нет». Тейхерт решил, что его совет был очень убедительным. Жестом он пригласил Димитрову следовать за ним.

Свидание произошло в той же голой, неприветливой комнате. Были здесь и тот же полицейский итог же переводчик. И опять д-р Тейхерт уплетал свои бутерброды.

Димитров обнял мать, поцеловал ее, пристально вгляделсях в ее лицо: действительно, она очень постарела.

— Понимаешь ли меня, мама, когда я говорю? — спросил он, улыбаясь. — Ты так на меня глядишь, что, кажется, все понимаешь…

— Ничего не понимаю, Георгий, — ответила она, но когда вижу, как ты говоришь с председателем, с адвокатом, прокурором, понимаю, что эти люди тебя не освободят…

Димитров вздрогнул, поглядел на мать удивленно. Д-р Тейхерт, которому переводили все, также недоумевал: что хочет этим сказать старуха? А мать, похлопав сына по плечу, сердечно улыбаясь, сказала:

— Говори, сын, говори! У тебя дар Павла! Ты говоришь, как апостол Павел.

Тейхерт тревожно поглядел на переводчика. Мать продолжала:

— Говори, сын, так, как ты считаешь нужным. Держись правды, не бойся никого!

Тейхерт взорвался. Изо рта его выпал кусок бутерброда.

— Разве я вас для этого привел, бабушка?

— Вы не ошиблись, что привели меня сюда. Я сказала сыну то, что должна была сказать ему. Теперь могу и уйти…

Тейхерт вскочил.

— Выгоните ее! — крикнул он полицейскому. И, не дожидаясь, пока полицейский этим займется, сам стал выталкивать старую женщину.

— Вы можете выгнать меня, — сказала спокойно мать, — но правду не выгоните. Она везде пробьет себе дорогу, даже сквозь ваши тюрьмы…

Полицейский выругал ее и с треском захлопнул за ней дверь. Мать оказалась на улице. Огляделась и впервые с тех пор, как приехала в Лейпциг, почувствовала, как полегчало у нее на душе. Сердце заполнила радость. Магдалина восторженно слушала ее.

— Да ты, мама, настоящая святая! — вырвалось у дочери.

В тот же день под вечер мать с дочерью вышли погулять по

Лейпцигу, купить сигареты для Георгия. В городе стоял обычный шум: позванивали трамваи, гудели автомобильные сирены, с грохотом неслись грузовики. В вечернем полумраке неоновым светом кричали тысячи реклам. Обе женщины шли молча, глухие к шуму и суете большого города. Когда им надоело толкаться в толпе на главном бульваре, они

удалились на небольшую боковую улочку, где было и светло и тихо. Прохожие останавливались, оглядывали их. Никогда здесь не видели так странно одетую старую женщину, прибывшую из какой-то далекой страны. Слух о ней проносился как молния: «Мать Димитрова!»

По дороге им встретился табачный магазин. Чуточку поколебавшись, решили здесь купить сигареты. Продавец с любопытством разглядывал старую женщину. Его восхищала ее одежда, черная шаль, покрывавшая голову и плечи, удивляло ее живое, подвижное лицо. Хотелось ему о чем-то ее спросить… Но теперь в Германии и стены имеют уши. Приготовив старательно пакет, он вежливо вручил его.

— Сколько? — спросила Магдалина.

Продавец опасливо поглядел в окно. Магдалина повторила вопрос. Продавец наклонился к ней и тихо сказал:

— Ничего не стоит, знаю, для кого это…

Открыв покупательницам дверь, он поклонился и сказал:

— До свидания!

Женщины вышли смущенные, растерянные, они не успели даже поблагодарить. Перейдя улицу, направились обратно в гостиницу.

Недалеко от гостиницы их догнал молодой человек в синем промасленном комбинезоне. Быстро наклонившись, он взял руку матери, поцеловал ее старческие пальцы и мигом скрылся в толпе. Женщины остановились пораженные и долго глядели туда, где исчез этот странный молодой человек.

Это был один из тех тысяч, которые следили за каждым словом Димитрова, прислушивались к каждому его призыву из зала лейпцигского суда.

В тот же вечер Парашкева Димитрова нашла в своей гостиничной комнате пакет с продуктами и букет цветов. «Для Георгия Димитрова». Радость залила ее. Казалось, что это он сам пришел навестить ее. На другой день она нашла в комнате шелковую рубаху и обувь с надписью: «Для героя и обличителя». Мать заплакала от радости и горя.

В Лейпциге, Берлине, в Германии — во всем мире, всюду человеческая любовь стремилась к человеку, чье слово было сильнее огня и железа.

ПОЕДИНОК

На процессе, который продолжался свыше трех месяцев, Димитров сделал все, чтобы доказать перед всем светом преступные деяния гитлеровцев. Из обвиняемого он превратился в обвинителя. Он задавал вопросы на суде, писал письма председателю д-ру Бюнгеру, навязанному ему адвокату д-ру Тейхерту, требовал вызова свидетелей, ставил в тупик полицейских свидетелей, а в вопросах к свидетелям-рабочим старался доказать, что Германская коммунистическая партия не готовилась в то время к революции и поэтому ей не нужен был такой сигнал, как поджог рейхстага. Он давал характеристики свидетелям обвинения, показывал всему миру, что эти свидетели были национал-социалистами, уголовными преступниками, ненормальными людьми, убийцами, фальсификаторами.

— Я вас поздравляю с такими свидетелями, господин председатель! — бросал он саркастически Бюнгеру.

Самой драматичной страницей суда был допрос свидетеля Геринга, премьер-министра Германии, человека-господина, как его называли в Германии, убийцы тысяч невинных рабочих. Того Геринга, который, будучи также министром внутренних дел, говорил;

— Если на улицах нет коммунистов с отрезанными носами и ушами, нет причины волноваться… Я заявил моей полиции: когда вы стреляете — стреляю я! Если кто упал мертвым — убил его я! Только одного требую от вас — не палите в воздух, а стреляйте в людей!

Так вот, этот самый Геринг, самоуверенный властелин, любитель морфия, орденов, славы и денег, явился в суд, чтобы нанести смертельный удар коммунизму. Явился в сопровождении огромной свиты. В зале воцарилась гробовая тишина. Геринг встал, подбоченившись, широко расставив ноги. Он чувствовал себя как дома. Д-р Бюнгер всем своим существом ощущал присутствие министра. Полицейские на балконе и публика в партере словно окаменели.

Геринг начал с иронии:

— Утверждают, что мой друг Геббельс внушил мне план поджога рейхстага и что я с радостью выполнил этот план. Утверждают, что я любовался пожаром. Вероятно, закутанный в синюю шелковую тогу. Остается еще сказать, что я играл на лире, как Нерон на пожаре в Риме…

Полицейские на балконе заулыбались, глаза их засияли: им

хотелось аплодировать, но это был не театральный зал. Геринг говорил, не меняя позы, слегка раскачиваясь, отчего ордена его иногда позвякивали.

Димитров внимательно вслушивался в каждое его слово. Геринг быстро закончил показания и взглядом победителя окинул зал.

Медленно поднялся Димитров. Опершись руками на стол, впившись глазами в Геринга, он спросил:

— 28 февраля премьер-министр Геринг дал интервью о поджоге рейхстага, где говорилось: у «голландского коммуниста» Ван дер Люббе был при обыске отобран, помимо паспорта, и членский билет коммунистической партии. Откуда знал тогда господин премьер-министр Геринг, что у Ван дер Люббе был с собой партбилет?

— Нужно сказать, — пренебрежительно ответил Геринг, — что я до сих пор очень мало интересовался этим процессом…

Димитров чуть подался вперед. В прищуренных глазах его забегали лукавые искорки. Геринг еще не понял смысла его вопроса. Но, встретившись со взглядом Димитрова, Геринг стал говорить раздраженно:

— Я слышал, что вы большой хитрец. Поэтому я предполагаю, что вопрос, который вы задали, давно ясен для вас, а именно, что я вообще не занимался расследованием этого дела. Я не хожу туда-сюда и не проверяю карманы людей. Если вам это еще неизвестно, я говорю вам: полиция обыскивает всех опасных преступников и сообщает мне, что ею найдено.

— Но трое чиновников уголовной полиции, арестовавшие и первые допросившие Ван дер Люббе, единодушно заявили, что у Люббе не было найдено партбилета. Откуда же взялось это сообщение о партбилете, хотел бы я знать? — отчеканивая каждое слово, спросил Димитров.

Геринг надменно бросил:

— Сообщение это было мне сделано официально… Я на следующий же день, до обеда, передал это сообщение в печать… Возможно, в ту ночь ходило много слухов. Все, естественно, не могло быть проверено…

Димитров продолжал задавать вопросы.

— Я спрашиваю: что сделал господин министр внутренних дел 28 и 29 февраля или в последующие дни для того, чтобы в порядке полицейского расследования выяснить путь Ван дер Люббе из Берлина в Геннингсдорф, его пребывание в ночлежном доме в Геннингсдорфе, его знакомство там с двумя другими людьми и, таким образом, разыскать его истинных сообщников? Что сделала ваша полиция?

Геринг попытался отделаться от вопроса.

— Само собой разумеется, что мне, как министру, незачем было бегать по следам, как сыщику. Для этого у меня есть полиция.

Но отделаться Герингу не удалось. Димитров следующим же вопросом припер его к стенке:

— После того как вы, как премьер-министр и министр внутренних дел, заявили, что поджигателями являются коммунисты, что это совершила Коммунистическая партия Германии с помощью Ван дер Люббе, коммуниста-иностранца, не направило ли это ваше заявление полицейское, а затем и судебное следствие в определенном направлении и не исключило ли оно возможности идти по другим следам в поисках истинных поджигателей рейхстага?

Этот вопрос окончательно вывел Геринга из равновесия.

— Я не чиновник уголовной полиции, — раздраженно и зло бросал он слова в зал, — а ответственный министр, и поэтому для меня было важно не столько установить личность отдельного мелкого преступника, сколько ту партию, то мировоззрение, которое за это отвечает… С моей точки зрения это было политическое преступление, и я точно так же был убежден, что преступников надо искать в вашей партии.

Потрясая кулаками в сторону Димитрова, Геринг уже не говорил, а кричал:

— Ваша партия — это партия преступников, которую надо уничтожить!

Когда смолкли крики разъяренного Геринга, Димитров все так же спокойно спросил:

— Известно ли господину премьер-министру, что эта партия, которую «надо уничтожить», является правящей на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе, и что Советский Союз поддерживает с Германией дипломатические, политические и экономические отношения, что его заказы приносят пользу сотням тысяч германских рабочих?

Председатель суда прерывает Димитрова:

— Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду!

Димитров отвечает:

— Господин Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду! — И тут же, обращаясь к Герингу, продолжает: — Это коммунистическое мировоззрение господствует в Советском Союзе, в величайшей и лучшей стране мира, и имеет здесь, в Германии, миллионы приверженцев в лице лучших сынов германского народа. Известно ли это…

Геринг взбешен. Геринг кричит:

— Я здесь не для того, чтобы позволить вам себя допрашивать, как судье, и бросать мне упреки! Вы в моих глазах мошенник, которого надо просто повесить!

Председатель, желая спасти положение и выручить самого Геринга, обращается к Димитрову:

— Я вам уже сказал, что вы не должны вести здесь коммунистическую пропаганду. Поэтому пусть вас не удивляет, что господин свидетель так негодует. Я строжайшим образом запрещаю вам вести такую пропаганду. Вы можете лишь задавать вопросы, относящиеся к делу.

Димитров одной фразой, полной едкой иронии, окончательно добивает Геринга.

— Я очень доволен ответом господина премьер-министра! — звучит в зале.

— Мне совершенно безразлично, довольны вы или нет. Я вас лишаю слова! — обрывает Димитрова председатель суда.

— У меня есть еще вопрос, относящийся к делу.

— Я лишаю вас слова!

Резкий окрик председателя покрывает рык озверевшего Геринга:

— Вон, подлец!

Бюнгер, склонившись над столом, упавшим голосом обращается к полицейским:

— Прошу, выведите его поскорее!

У Бюнгера лицо стало мертвецки бледным, руки его трясутся. Какой ужас! Завтра весь мир узнает об этой дикой сцене, разыгравшейся в зале имперского суда Германии!

Полицейские хватают Димитрова. Геринг, потрясая кулаками, продолжает кричать:

— Вон, подлец!

Димитров, которого уже тащат к выходу, успевает обернуться и ответить Герингу:

— Вы, наверное, боитесь, моих вопросов, господин премьер-министр?

Побагровевший от бешенства Геринг кричит ему вслед:

— Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь, как только вы выйдете из зала суда! Подлец!

Только когда Димитрова вытолкали за дверь, Бюнгер облегченно вздохнул. Он вытер с лица пот и объявил:

— Полчаса перерыва, господа!

Поднялись красные мантии, поднялась со своих мест публика, а журналисты бросились к телефонным кабинкам.

Тот день остался памятным для всех. Корреспонденты

разнесли весть о разыгравшемся поединке между Димитровым и Герингом. Молодая американка, дочь американского посла в Германии, Марта Додд, непосредственная свидетельница процесса, в тот день записала в своем дневнике;

«Димитров — блестящий, привлекательный темноволосый мужчина — излучал изумительную силу и мужество, каких я никогда не встречала ни у одного человека. Все в нем было полно жизни и огня… Это динамическая личность. Никогда я не забуду то полное внутреннего жара спокойствие, с которым он стоял против Геринга, весь его облик, пламя презрения, пылавшее в его взоре. Это была настоящая борьба, настоящая битва… А вот Геринг — страшно опухший, с надутым, колышущимся животом, нервный, невоздержанный, мелодраматичный. Он кричал хрипло, ужасно, будто задыхался перед блестящим убедительным голосом другого… Нацисты с большим трудом справились с положением»[36].

После злополучного выступления Геринга был вызван для показаний министр пропаганды Геббельс. Явился он с твердым намерением сгладить плохое впечатление от показаний своего коллеги. Он цитировал Шопенгауэра, называл Димитрова ничтожным коммунистическим агитатором, жонглировал красноречием, но от ответов на острые разоблачительные вопросы Димитрова уклонялся.

Оценивая показания Геббельса, французская газета «Тан» писала: «Речи г-на Геббельса были, несомненно, интересные, живые, иногда иронические и часто достаточно ловкие, хитрые. — Однако министр пропаганды ошибается, если воображает, что внес нечто новое в судебное следствие».

Геббельс, этот маленький, тщедушный человечек, на весь мир нашумевший своей теорией о чистоте германской расы, призванной спасти человечество, покинул зал, полный уверенности в своем остроумии. Но он не знал, что предстоит еще один удар, самый сокрушительный удар на этом процессе.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Над каналами стелились холодные зимние туманы. Каменные берега и голые деревья по обеим сторонам широкого бульвара покрылись инеем. Прохожие, поспешно раскрывая газеты, искали сообщений с процесса. Сегодня день «последнего слова обвиняемых». Жители Лейпцига с волнением ждали, что же сегодня, 16 декабря 1933 года, услышат они из зала имперского суда.

…Приготовив блокноты, беспокойно оглядываются журналисты. Полицейские следят за каждым движением Димитрова. Ничего хорошего они от него не ждут. А он и в самом деле принесет им сегодня неприятности и тревоги.

Урочный час наступил. Красные мантии вошли в зал. Они вскидывают руки в фашистском приветствии, публика отвечает им тем же. Они рассаживаются за длинным столом. Выглядят строгими, неподкупными.

В зале — тишина. Несколько формальностей, мелкая канцелярская суета. Д-р Бюнгер встал, поглядел на Димитрова и сказал:

— Вам предоставляется последнее слово.

Димитров поднялся, держа в руках какую-то книгу. Посмотрел на председателя, окинул взглядом всех судей и начал:

— На основании параграфа двести пятьдесят восемь процессуального кодекса я имею право говорить как защитник и как обвиняемый.

У д-ра Бюнгера это сразу же вызвало плохие предчувствия.

— Вы имеете право на последнее слово, — сказал он, — оно вам предоставляется.

— На основании процессуального кодекса я имею право полемизировать с прокуратурой, а потом уже приступить к последнему слову.

И Димитров обращается к судьям и адвокатам:

— Господа судьи, господа обвинители, господа защитники! Еще в начале этого процесса, три месяца назад, я как обвиняемый обратился к председателю суда с письмом. В нем я выразил сожаление по поводу того, что мои выступления приводили к столкновениям. Но я решительно возражал против того, чтобы мое поведение было истолковано как преднамеренное злоупотребление в целях пропаганды правом задавать вопросы и делать заявления. Понятно, что, раз я был обвиняем, будучи невиновным, я стремился защищаться всеми имеющимися в моем

распоряжении средствами.

Димитров вынул из книги, что лежала перед ним на столе, лист бумаги и начал читать;

— «Я признаю, — писал я, — что некоторые вопросы ставились мною не всегда правильно с точки зрения юридической формы. Это, однако, объясняется лишь тем, что я не знаком с германским правом. Кроме того, я в первый раз в своей жизни участвую в подобном судебном процессе. Если бы я имел защитника по своему выбору, я, безусловно, мог бы избежать таких неблагоприятных для моей собственной защиты инцидентов».

Читал Димитров медленно и четко, подчеркивая главное. В письме говорилось о том, как суд отклонил предложенные Димитровым кандидатуры защитников, объяснялось, почему он отказался от официального адвоката д-ра Тейхерта, рассказывалось, как он в последний раз обратился к суду с просьбой разрешить французскому адвокату Марселю Виллару участвовать в его защите.

— После того как и это предложение было отклонено, — сказал Димитров, кладя на стол только что прочитанное письмо, — я решил сам себя защищать. Не нуждаясь ни в меде, ни в яде красноречия навязанного мне защитника, я все время защищал себя без помощи адвоката.

Значение в моей защите, — продолжал Димитров, обращаясь к д-ру Тейхерту, — имеет лишь то, что до сих пор я сам говорил перед судом, и то, что я сейчас буду говорить. Я не хотел бы обижать Торглера — по-моему, его уже достаточно оскорблял его защитник, — но я должен прямо сказать: я предпочитаю быть невинно осужденным на смерть имперским судом, чем добиться оправдания благодаря такой защите, с которой доктор Зак выступил в пользу Торглера.

— Не ваше дело заниматься здесь критикой! — прерывает Димитрова председатель.

Димитров, не задумываясь, отвечает ему:

— Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым. Моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами. Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного.

Голос Димитрова с каждым словом крепчал и вот уже зазвенел, как сталь, когда он, расправив плечи, окинул своим орлиным взором публику и стал чеканить слово за словом:

— Я защищаю себя самого, как обвиняемый коммунист.

Я защищаю свою собственную коммунистическую

революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Поэтому каждое, произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, кровь от крови и плоть от плоти моей. Каждое слово — выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам.

Взоры присутствовавших в зале прикованы к Димитрову. Д-р Бюнгер чувствует, что он опять потерял инициативу. Мелкие капли пота покрывают его голое темя;

— Димитров! — говорит он наконец. — Я не потерплю, чтобы вы здесь, в этом зале, занимались коммунистической пропагандой. Это вы делали все время. Если вы будете продолжать в том же духе, я лишу вас слова.

Димитров спокойно отвечает:

— Я должен решительно возразить против утверждения, что я преследовал цели пропаганды. Возможно, что моя защита перед судом имела известное пропагандистское действие. Допускаю, что мое поведение перед судом может также служить примером для обвиняемого-коммуниста. Но не это было целью моей защиты. Моя цель состояла в том, чтобы опровергнуть обвинение, будто Димитров, Торглер, Попов и Танев, Коммунистическая партия Германии и Коммунистический Интернационал имеют какое-либо отношение к пожару.

Если говорить о пропаганде, — гремел голос Димитрова, — то многие выступления здесь носили такой характер. Выступления Геббельса и Геринга также оказывали косвенное пропагандистское действие в пользу коммунизма, но никто не может их сделать ответственными за то, что их выступления имели такое пропагандистское действие.

В зале движение, смех. Димитров, удовлетворенный реакцией зала, продолжает:

— Меня не только всячески поносила печать — это для меня безразлично, — но в связи со мной и болгарский народ называли «диким» и «варварским», меня называли «темным балканским субъектом», «диким болгарином», и этого я не могу обойти молчанием.

Верно, что болгарский фашизм является диким и варварским. Но болгарский рабочий класс и крестьянство, болгарская народная интеллигенция отнюдь не дикари и не варвары… Народ, который пятьсот лет жил под иноземным игом, не утратив своего языка и национальности, наш рабочий класс и

крестьянство, которые боролись и борются против болгарского фашизма, за коммунизм, — такой народ не является варварским и диким. Дикари и варвары в Болгарии — это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель: в какой стране фашисты не варвары и не дикари?

Председатель прерывает Димитрова:

— Вы ведь не намекаете на политические отношения в Германии?

— Конечно, нет, господин председатель… — отвечает ему Димитров, иронически улыбаясь. — Задолго до того времени, — продолжает Димитров, — когда германский император Карл V говорил, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а германские дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стеснялись немецкой речи, в «варварской» Болгарии Кирилл и Мефодий создали и распространяли древнеболгарскую письменность.

Это, может статься, неизвестно и самому Бюнгеру. Просто удивительно, до чего этот болгарин хорошо знает и немецкую историю!

— Болгарский народ, — продолжает Димитров, — всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига. Поэтому я протестую против нападок на болгарский народ. У меня нет основания стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса.

Публика слушает с явным интересом. Димитров говорит о всем том, о чем уже нельзя говорить в Германии, говорит о том, за что в Германии осуждают на смерть. Он поднялся на трибуну имперского суда, чтобы проповедовать свои коммунистические убеждения. Председатель суда то и дело прерывает Димитрова:

— Это не относится к процессу. Нет нужды читать весь обвинительный акт. Не употребляйте таких выражений против обвинений. Я не допущу оскорблений верховного прокурора. За границей и так говорят, что не я, а вы ведете процесс…

Димитрова это не смущает. Он продолжает говорить все то, что он считает нужным сказать, доказывает, что коммунистические партии не занимаются авантюрой и не играют в восстания, когда им этого захочется. Он разъяснял тактику Коммунистического Интернационала, читал отдельные параграфы из устава его, анализировал политическое положение в Германии. При этом Димитров постоянно обращался к людям, сидящим в зале, а не к суду. Он забыл, что он подсудимый. Это уже переходило все границы. Этого председатель не мог стерпеть.

— Вы должны говорить, обращаясь к судьям, а не к залу, иначе ваша речь может рассматриваться как пропаганда.

Но Димитров продолжал анализировать политическое положение в Германии, обращаясь уже к суду. И все же Бюнгер его прервал:

— Вы всегда подчеркивали, что вы интересуетесь только политическим положением в Болгарии, но ваши теперешние высказывания доказывают, что вы проявили очень большой интерес к политическим вопросам Германии.

Димитров ответил:

— Господин председатель, вы делаете мне упрек. Я вам на это могу возразить следующее: я, как болгарский революционер, интересуюсь революционным движением во всех странах, я интересуюсь, например, южноамериканскими политическими вопросами и знаю их, пожалуй, не хуже германских, хотя я никогда не был в Америке. Впрочем, это не означает, что если в Южной Америке сгорит здание какого-нибудь парламента, то это будет моя вина.

В зале вновь поднялся шум.

— Национал-социалистам нужен был диверсионный маневр, чтобы отвлечь внимание от трудностей внутри национального лагеря и сорвать единый фронт рабочих.

— Димитров, — раздраженно говорит Бюнгер, — вы дошли до крайнего предела, вы делаете намеки!

— Я хочу лишь осветить политическую ситуацию в Германии накануне пожара рейхстага так, как я ее понимаю.

— Здесь не место для намеков по адресу правительства и для утверждений, которые давно уже опровергнуты.

Димитров отбросил прядь волос, упавших ему на глаза, и как ни в чем не бывало вернулся к поджогу рейхстага:

— Я уже раньше заявил, что в одном пункте согласен с обвинительным актом. Теперь я должен подтвердить это свое согласие. Оно относится к вопросу о том, устроил ли Ван дер Люббе поджог один, или у него были сообщники… Я считаю, что Ван дер Люббе действительно не один поджег рейхстаг. На основании экспертизы и данных судебного разбирательства я прихожу к выводу, что поджог в пленарном зале рейхстага был другого рода, чем поджог в ресторане, в нижнем этаже и т. д… Пленарный зал подожжен другими людьми и другим способом. Поджоги Люббе и поджог в пленарном зале совпадают только по времени, а в остальных отношениях они в корне различны. Вероятнее всего, что Люббе — бессознательное орудие этих людей, орудие, которым злоупотребили… Ван дер Люббе был не один, но с ним были не Торглер, не Попов, не Танев, не Димитров.

Повернувшись к Ван дер Люббе, Димитров сказал:

— Глупый Ван дер Люббе не мог знать, что, когда он делал свои неловкие попытки поджога в ресторане, в коридоре и в нижнем этаже, в это же самое время неизвестные, применив горючую жидкость, о которой говорил доктор Шатц, совершили поджог пленарного зала.

Ван дер Люббе начал смеяться. Вся его фигура сотрясалась от беззвучного смеха. Внимание всего зала, судей и обвиняемых обратилось на Люббе. Председатель явно смущен. Что с Люббе, может быть, наступает просветление в его помраченном сознании? Может быть, завтра всему миру станет известно, что несчастному Люббе действительно давали специальное наркотическое средство, как это утверждала «Коричневая книга»? [37]

Димитров, указывая на сотрясающегося в идиотском смехе Ван дер Люббе, заканчивает свою мысль:

— Неизвестный провокатор позаботился обо всех приготовлениях к поджогу. Этот Мефистофель сумел бесследно исчезнуть. И вот здесь присутствует глупое орудие, жалкий Фауст, а Мефистофель исчез.

Вновь повернувшись к суду, Димитров воскликнул:

— Кто такой Ван дер Люббе? Коммунист? Отнюдь нет! Анархист? Нет! Он деклассированный рабочий, он бунтующий люмпен-пролетарий, тварь, которой злоупотребили, которую использовали против рабочего класса. Нет, он не коммунист. Он не анархист. Ни один коммунист в мире, ни один анархист не будет вести себя на суде так, как ведет себя Ван дер Люббе. Подлинные анархисты совершают бессмысленные дела, но на суде они держат ответ и объясняют свои цели. Если бы какой-нибудь коммунист сделал что-либо подобное, он не молчал бы на суде, когда на скамье подсудимых сидят невинные. Нет, Ван дер Люббе не коммунист, не анархист; он орудие, которым злоупотребил фашизм'.

Бюнгер посмотрел на часы.

— Когда вы намерены кончить свою речь?

— Я хочу говорить еще полчаса. Я должен высказать свое мнение по этому вопросу…

— Нельзя же говорить бесконечно!

— В течение трех месяцев процесса вы, господин председатель, бесчисленное множество раз вынуждали меня к молчанию, обещая, что в конце процесса я смогу подробно говорить в свою защиту. И вот пришел этот конец, но вопреки вашему обещанию вы снова ограничиваете меня в моем праве говорить.

Ответив председателю, Димитров сразу перешел к делу:

— Поджигателей искали не там, где они были, а там, где их не было. Их искали в рядах компартии, и это было неправильно. Это, дало возможность истинным поджигателям исчезнуть. Решили: раз не схватили и не посмели схватить истинных виновников поджога, то надо схватить других, так сказать, эрзац-поджигателей рейхстага…

— Я запрещаю вам это! — обрывает Димитрова председатель. — Я даю вам еще десять минут.

— Я имею право вносить и мотивировать предложения по поводу приговора, — возражает Димитров. — Верховный прокурор в своей речи рассматривал все показания коммунистов как незаслуживающие доверия. Я не занимаю подобной позиции. Я не могу утверждать, например, что все национал-социалистские свидетели — лжецы…

— Я запрещаю вам подобные злобные выпады!

— Но разве не знаменательно, что все главные свидетели обвинения — национал-социалистские депутаты, журналисты и сторонники национал-социализма?

Бюнгер вновь поглядел на часы. Ну, разве можно с этим человеком справиться? Вот он опять говорит:

— Полицейский чиновник Гелер цитировал здесь коммунистическое стихотворение из книги, изданной в 1925 году, чтобы доказать, что в 1933 году коммунисты подожгли рейхстаг.

В зале послышался смех. Димитров переждал и продолжал:

— Я позволю себе также процитировать стихотворение величайшего поэта Германии Гете:

В пору ум готовь же свой.
На весах великих счастья
Чашам редко дан покой:
Должен ты иль подыматься,
Или долу опускаться;
Властвуй — или покоряйся,
С торжеством — иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся —
Или наковальней стой.

Вскинув руку с крепко сжатым кулаком, Димитров властно кинул в зал:

— Да, кто не хочет быть наковальней, тот должен быть молотом!

Эту истину германский рабочий класс в целом не понял ни в 1918 году, ни в 1923, ни 20 июня 1932, ни в январе 1933 года…

— Это не относится к теме. Вы должны сделать ваши предложения, — в который раз прервал Димитрова председатель.

Димитров понимал, что его так или иначе скоро лишат слова, и он перешел к подведению итогов:

— Верховный прокурор предложил оправдать обвиняемых болгар за отсутствием доказательств их виновности. Но меня это отнюдь не может удовлетворить. Вопрос далеко не так прост. Это не устраняло бы подозрений. Нет, во время процесса было доказано, что мы ничего не имеем общего с поджогом рейхстага, поэтому нет места для каких-либо подозрений. Мы, болгары, так же как и Торглер, должны быть оправданы не за отсутствием улик, а потому, что мы, как коммунисты, не имеем и не могли иметь ничего общего с этим антикоммунистическим актом.

Я предлагаю вынести следующее решение:

1. Верховному суду признать нашу невиновность в этом деле, а обвинение — неправильным; это относится к нам: ко мне, Торглеру, Попову и Таневу.

2. Ван дер Люббе рассматривать как орудие, использованное во вред рабочему классу.

3. Виновных за необоснованное обвинение против нас привлечь к ответственности.

4. За счет этих виновных возместить убытки за потерянное нами время, поврежденное здоровье и перенесенные страдания.

Председатель уже вышел из себя, но, чтобы все-таки показать, что он еще владеет собой, снисходительно-насмешливо говорит Димитрову:

— Эти ваши так называемые предложения суд при обсуждении приговора будет иметь в виду.

Димитров понимает это и отвечает:

— Настанет время, когда такие предложения будут выполнены с процентами. Что касается полного выяснения вопроса о поджоге рейхстага и выявления истинных поджигателей, то это, конечно, сделает всенародный суд грядущей пролетарской диктатуры.

Зал замер. Что еще скажет этот бесстрашный человек? А он, полный веры;в торжество дела, которому самоотверженно служит, провозглашает:

— В семнадцатом веке основатель научной физики Галилео Галилей предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был его приговорить как еретика к смерти. Он с глубоким убеждением и решимостью воскликнул:

«А все-таки Земля вертится!»

И это научное положение стало позднее достоянием всего человечества.

Председатель не выдерживает, резко прерывает Димитрова, встает, собирает бумаги и готовится уйти.

Димитров продолжает:

— Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать:

«И все-таки она вертится!»

Колесо истории вертится, движется вперед, в сторону советской Европы, в сторону Всемирного союза советских республик.

И это колесо, подталкиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма.

— Уберите его с трибуны! — кричит Бюнгер.

Полицейские хватают Димитрова и силой усаживают на скамью подсудимых. В зале начинается суматоха. Некоторые встают, чтобы лучше разглядеть Димитрова.

Председатель пригласил членов суда на краткое совещание, после которого он объявляет:

— По решению суда подсудимый Димитров окончательно лишается слова.

Заседание закрывается. Подсудимых выводят из зала суда. Бюнгеру думается, что он достиг своей цели. Но ни он, ни его хозяева ничего не выиграли. Они только проиграли.

На другой день мир жадно читал «последнее слово» Димитрова и черпал в нем новые силы для борьбы против фашизма. Восторг всего прогрессивного человечества был беспредельным.

Советская газета «Правда» писала:

«Речь Димитрова несомненно займет, выдающееся место в истории борьбы международного пролетариата против гнусностей и преступлений господствующего класса. Она является не только обвинительной речью против «прославившихся» на весь мир провокаторов, но и страстным призывом к борьбе… Со своего места в зале суда Димитров высоко поднял знамя Коммунистического Интернационала над всей Германией, над всей Европой, над всем миром».

ОСВОБОЖДЕНИЕ

16 декабря 1933 года судебное следствие было закончено. Объявлен недельный перерыв. Антифашисты удвоили борьбу за спасение подсудимых. Тысячи телеграмм с требованием освободить невиновных засыпали имперский суд и гитлеровское правительство. Возвысили свой голос писатели Ромен Рралан, Анри Барбюс, профессор Ланжевен. Виднейшие деятели науки, искусства и юридической мысли в Англии, Америке и других странах присоединились к борьбе. 19 декабря тридцать тысяч парижан собрались на митинг в Луна-парк. В Болгарии возникли стачки и демонстрации.

Мир помнил угрозу Геринга: «Какой бы ни был приговор, я сумею добраться до вас». Поэтому человечество проявляло беспокойство.

Наступило 23 декабря 1933 года. Над Лейпцигом шел снег. На улицах — предпраздничное оживление, канун рождества. В витринах сверкают нарядные елки. На площади перед зданием имперского суда несколько рядов полиции. Движение здесь запрещено. Нависла зловещая тишина.

Показались уже знакомые тюремные автомашины. Шли они медленно. У входа остановились. Вышли подсудимые. В последний раз они входили в зал суда. Ван дер Люббе — сгорбленный, мрачный. Следом за ним — остальные, сосредоточенные, измученные. Они не ждали ничего хорошего от гитлеровского суда.

Зал переполнен отборными и верными правительству людьми. Тихо, дисциплинированно ждут появления судей. Судьи не заставили себя долго ждать. Открылись двери, и вошли девять красных мантий. Сегодня они выглядели еще строже и неприступнее. Шествовали медленно и торжественно. Подойдя к своим местам, остановились, подняли по-гитлеровски руки. Зал ответил тем же. Среди леса взметнувшихся фашистских рук подсудимые чувствовали себя точно на маленьком беззащитном островке.

Красные мантии сели. Заняла свои места публика. Председатель раскрыл большую зеленую папку и сухим голосом объявил:

— Прошу подсудимых встать!

Подсудимые встали.

— Именем закона, — читал Бюнгер, — именем рейха объявляется следующий приговор:

Обвиняемых Торглера, Димитрова, Попова и Танева оправдать.

В зале зашептались. Полицейские высунулись из ложи поглядеть, кто нарушает тишину. Бюнгер продолжал:

— Обвиняемый Ван дер Люббе приговаривается к смертной казни.

Что говорил дальше Бюнгер, уже не представляло интереса. Присутствующие в зале даже не слышали, когда он сказал:

— Прошу подсудимых сесть!

Журналисты бросились к телефонным кабинам. С молниеносной быстротой распространилась по всему миру весть об оправдании подсудимых-коммунистов.

Мир ликовал. Правда победила.

Но оправданные были вновь отведены в тюрьму. А на другой день их отправили в Берлин, где передали в распоряжение Геринга. Геринг распорядился посадить их в подземелье гестапо.

Снова над их головами нависла смерть.

Парашкева Димитрова, Магдалина и сопровождавший их переводчик выехали из Лейпцига в Берлин. Поддерживаемые иностранными адвокатами и журналистами, они стали добиваться от правителей Германии освобождения оправданных судом.

— Димитров останется здесь, у нас, — отвечали им гитлеровцы, — мы не освободим его, потому что, куда бы он ни уехал, он будет представлять опасность для нас…

Димитров отправил телеграмму болгарскому правительству:

«Ввиду того что я намерен вернуться на родину и заниматься политической деятельностью, я повторяю свое публичное заявление перед германским судом, а именно: после окончания процесса о поджоге рейхстага вернусь в Болгарию, чтобы бороться за отмену приговора, вынесенного мне в связи с Сентябрьским восстанием 1923 года. Требую для этого свободного проезда, личной безопасности и публичности суда. Прошу решения правительства».

Ответ был лаконичным:

«Лица, лишившиеся болгарского подданства, не имеют никакого законного основания вернуться в Болгарию».

Никогда смерть не была так близка от Димитрова, как сейчас. Он был изолирован в глубоком подземелье германской тайной полиции. Всякие связи с внешним миром ему были запрещены.

Димитров должен быть спасен. Советское правительство решило принять его в советское гражданство и взяло под свою защиту. Что теперь могли предпринять гитлеровцы? Советское правительство настаивало на освобождении своих граждан:

Димитрова, Попова и Танева.

Наступило 27 февраля 1934 года. Ровно год минул с момента поджога рейхстага. Германские полицейские власти вывели Димитрова и двух болгар из подземелья и усадили в закрытый грузовик. Заработал мотор, поехали. Никто не знал, куда их везут. Гитлеровцы молчали. Им хотелось до последнего момента помучить свои жертвы.

Автомашина долго ехала по улицам Берлина, пока не оказалась на широком заснеженном аэродроме. В глубине его ждал самолет, готовый к полету.

Автомобиль замедлил ход, плавно остановился. Димитров и два его товарища вышли из автомашины, огляделись. В этот зимний день светило солнце, и крылья самолета ослепительно блестели, а там, где остался Берлин, еще все тонуло в утренней мгле.

Полицейские на этот раз не спешили. Выглядели они озабоченными и глубоко разочарованными. Они недоумевали, как могло случиться, что большевики так жестоко посмеялись над ними…

Полицейский начальник первым направился к самолету. За ним Димитров, Попов и Танев. Все теперь стало ясно. Улетают в Москву. Радость и счастье горели в глазах победителей.

Последняя минута. Димитров и его товарищи поднялись в самолет. Один из полицейских чиновников подошел к ним и сказал:

— Признайтесь все же, господин Димитров, что мы с вами обращались хорошо.

— Да, — ответил Димитров, — у меня нет никаких оснований быть недовольным Германией… Германия мне нравится! Настолько нравится, что я непременно вернусь в Германию, советскую Германию…

Самолет легко покатил по гладкой бетонной дорожке, набирая скорость. Вот он оторвался от земли и стремительно понесся на восток, где все выше поднималось солнце.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В редакцию газеты «Правда» вбежал радист.

— Товарищи, смотрите, какую телеграмму я принял!

Он показал ленту, конец которой волочился по полу.

— Агентство Рейтер сообщает, что трое оправданных болгар вылетели в Москву…

Журналисты окружили радиста.

— Подтверждено ли это официально Берлином?

— Нет еще…

Решено было немедленно связаться по телефону с советским полпредством в Берлине. Но оттуда ответили:

— Ничего официально нам не сообщено. Даже не знаем, вылетел ли самолет.

— Так спросите!

— Спрашивали. Германские власти ответили, что сейчас обеденный отдых, а потому ничего не могут сообщить.

Журналисты не знали, что Геринг сказал своим приближенным; «Ничего не сообщайте об отлете Димитрова в Москву. Иначе Москва ему устроит царскую встречу».

С московского аэродрома сообщили в «Правду», что самолет из Берлина прибывает в восемь часов вечера. По сообщениям из Кенигсберга, действительно пролетел самолет, в котором находились трое пассажиров. Но кто они — неизвестно.

Весть о трех пассажирах мгновенно облетела Москву. На аэродроме собирался народ. Землю окутали вечерние сумерки. Время приближалось к восьми часам. Аэровокзал осветился неоновым светом. Было очень тихо. Но вот издалека послышался шум мотора. Народ встрепенулся, взоры обратились в потемневшее небо.

— Они?..

Гул самолета все ближе и ближе. Некоторым подумалось: «А вдруг это фашистская «утка»?»

Но вот большая стальная птица показалась над аэродромом и начала медленно снижаться. Волнение нарастало. Люди бросились навстречу самолету.

Мотор замолк. Открылась дверца, и на лестнице появился Димитров. Его узнали сейчас же — столько времени его портреты не сходили с газетных страниц. По полю разнеслось «ура». Димитров снял шляпу и долго-долго приветствовал москвичей.

Мануильский первым встретил его на русской земле, обнял, по-братски расцеловал. Затем его приветствовали представители

Коммунистического Интернационала и Советского правительства. Димитров сердечно улыбался. Ему еще не верилось, что он в Москве, в своей любимой Москве.

Советский Союз ликовал. Максим Горький прислал телеграмму:

«От всего сердца приветствую образцового революционера и большевика. Страшно радуюсь приезду его и его товарищей. Крепко жму его руку».

Начались встречи с рабочими, колхозниками, представителями печати, литературы, искусства, с простыми советскими людьми. Всюду он видел распростертые к нему руки, улыбающиеся лица, восторженные взгляды, всюду слышал гостеприимное «С приездом! Добро пожаловать!». И он знал, что это идет из самой глубины сердца.

— Наше первое слово, — сказал он, — наша бесконечная и безграничная благодарность международному пролетариату, широчайшим слоям трудящихся всех стран, честной интеллигенции, боровшимся за наше освобождение. И в первую очередь мы выражаем, естественно, нашу благодарность рабочим и крестьянам Советского Союза — нашего социалистического государства.

Советская страна предоставила ему все, чтобы он чувствовал себя как дома, чтобы он смог восстановить здоровье, отдохнуть в кругу своих близких, своих товарищей и старых друзей, первым среди которых был Васил Коларов. Ему отовсюду писали, его отовсюду приглашали — и старые, и молодые, и дети, и юноши. «Дорогой дядя Димитров, я была такая печальная, что вы все сидите в тюрьме. А потом я сама прочитала в газете, что вас выпустили из тюрьмы. И сейчас я рада. Приезжайте к нам в гости в город Минск. Мы вас всех хотим видеть — и мой папа, и мама, и я, Роза».

По прибытии в Москву Димитров написал письмо двум своим великим друзьям — Ромену Роллану и Анри Барбюсу. Благодаря их за помощь, он напоминал, что борьба против фашизма продолжается:

«Сейчас надо мобилизовать все силы на освобождение антифашистских борцов, находящихся в руках национал-социалистов. При этом я особенно имею в виду Эрнста Тельмана — вождя германских коммунистов, самую лучшую, самую светлую голову германского пролетариата, судьба которого меня беспокоила во время моего заключения и всего процесса и о котором я и сегодня не могу забыть ни на одну минуту…

Вам, дорогой Ромен Роллан и дорогой Анри Барбюс, и всем тем, кто в течение этого года оказал нам помощь, я приношу

благодарность от нашего имени и от имени нашего Интернационала и с радостью думаю о тех днях, когда мы снова плечом к плечу будем стоять против нашего общего врага».

Через несколько дней приехали в Москву его мать и сестра. Советские люди с безграничной радостью и любовью встретили мать революционера. Они дали ей возможность поездить по Советскому Союзу, посмотреть, как живут рабочие и колхозники, как они строят свою свободную и счастливую жизнь. Парашкева Димитрова была восхищена увиденным и услышанным. Где-то в Крыму она вспомнила о своей библии, а потом засмеялась и сказала спутникам:

— Ваши чудеса заставили меня забыть и о библии…

На одном торжественном собрании в Большом театре она была избрана в почетный президиум вместе с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной, сестрой Ленина. После собрания Надежда Константиновна Крупская спросила Парашкеву Димитрову:

— Понравилась ли вам Москва?

Мать Димитрова улыбнулась.

— Понравилась. Видела все, что вы строите. Я очень счастлива.

— А что думаете делать дальше?

— Вернусь в Болгарию.

— Что вам там делать одной? Здесь ваш сын, ваша дочь.

Димитрова на мгновенье задумалась и ответила:

— Георгий не может вернуться в Болгарию, Лена тоже не может. А я видела все, что надо было видеть, и будет стыд и срам сидеть здесь, вместо того чтобы поехать и рассказывать людям обо всем, что я видела…

Затем, помолчав, добавила:

— Не все в нашей Болгарии знают правду о вас. Я старая женщина, но я поеду и расскажу и рабочим и солдатам, как красиво вы устроили свою жизнь. Меня никто не тронет. А если и арестуют, то постыдятся моих лет…

Мать Димитрова вернулась в Болгарию. И стала рассказывать и малому и старому, рабочим и крестьянам, беднякам-и солдатам о том, что она видела в Советской стране, в стране, где она забыла о библии[38].

А ее сын, живя в Москве, вел переписку со всем миром. Эта переписка была похожа на чудесный диалог людей из различных концов света. Димитрова тревожили судьбы народов, попавших в ярмо фашизма, волновала жизнь и каждого отдельного человека. Вот он 14 января 1935 года шлет из Крыма телеграмму своим старым друзьям, защитникам свободы — Ромену Роллану и Анри

Барбюсу о том, что в Болгарии военные суды выносят смертные приговоры антифашистам, и призывает организовать движение протеста против расправы над болгарскими патриотами, за отмену смертных приговоров.

Поздравляя с 10-летием Американскую секцию Международной организации помощи революционерам, Димитров призывает МОПР усилить свою борьбу за то, чтобы «вырвать пролетарских борцов из рук палачей. Пусть снова зазвучит гром массового протеста, как он прозвучал во время Лейпцигского процесса!»

Когда в Париже в апреле 1935 года проходила Европейская конференция помощи жертвам испанского фашизма, Димитров в своей телеграмме в ее адрес подчеркивал, что «борьба испанских рабочих и крестьян против разгула реакции в Испании имеет огромное международное значение».

В переписке с советскими людьми он делит с ними их радости и их заботы.

«Я очень сожалею, — писал он в Таганрог, — что не имею возможности принять приглашение участвовать в чествовании 75-летия со дня рождения Чехова.

Свергнув власть помещиков и капиталистов, трудящиеся Советского Союза под руководством славной партии Ленина коренным образом изменили и ежедневно меняют лицо страны, ее городов и полей и широко развертывают борьбу за уничтожение и последних остатков того прошлого, которое Чехов так замечательно ярко рисовал и высмеивал».

Колхозники Дона и Кубани писали ему о своих делах, и он в своих ответах желал им новых успехов в борьбе за укрепление колхозного строя.

После месячного лечения в Кисловодске, на Кавказе, и отдыха в прекрасном парке Архангельского, под Москвой, в обществе матери и друзей Димитров приступил к работе в Коминтерне. Предстоял VII конгресс Коммунистического Интернационала. На этом конгрессе в августе 1935 года Димитров выступил с докладом «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма»[39].

— Товарищи! — говорил Димитров. — Миллионы рабочих и трудящихся в капиталистических странах ставят вопрос: как помешать приходу фашизма к власти и как свергнуть победивший фашизм? Коммунистический Интернационал отвечает: первое, что должно быть сделано, с чего необходимо начать, — это создание единого фронта, установление единства действий рабочих на каждом предприятии, в каждом районе, в каждой

области, в каждой стране, во всем мире. Единство действий пролетариата в национальном и международном масштабе — вот могучее оружие, которое делает рабочий класс способным не только к успешной обороне, но и к успешному контрнаступлению против фашизма, против классового врага.

Призыв Георгия Димитрова к созданию единого фронта против фашизма был подхвачен во всех странах мира. Его доклад на VII конгрессе и заключительное слово проникали через все преграды. Брошюры с его докладом и речами печатались в ряде капиталистических стран нелегально, с обложками, на которых значилось: «Жюль Верн, Капитан Немо, или 20 000 миль под водой», «Руководство для огородников» и т. д… Они читались в тюремных камерах и солдатских казармах, на заводах и в ремесленных мастерских, в школах и университетах. Идея единого фронта была подхвачена всеми честными людьми. Когда в Испании в 1936 году вспыхнула гражданская война в результате фашистского переворота, организованного генералом Франко, в Испанию устремились тысячи антифашистов. По инициативе Димитрова были созданы интернациональные бригады, бойцы которых воевали под Мадридом и Барселоной, Гвадалахарой и Брунето. Бригада, сформированная из болгар, югославов, чехов, венгров, словаков, албанцев, румын и греков, носила имя Георгия Димитрова.

Димитров вырос в крупнейшего деятеля международного революционного движения. Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии 10 сентября 1935 года обратился к Георгию Димитрову с письмом, в котором говорилось: «Дорогой товарищ Димитров, с огромным интересом прочитали мы твой великолепный доклад на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, который с большевистской ясностью и убедительностью указывает пути к победе над фашизмом и торжеству пролетарской революции… Мы убеждены, что твой доклад даст мощный толчок начавшейся уже у нас работе по созданию единого рабочего и широкого народного антифашистского фронта. Наша партия, славная БКП, и героический болгарский пролетариат гордятся тем, что мы смогли выдвинуть из своей среды такого достойного кормчего Коминтерна».

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Предупреждение, прозвучавшее с трибуны VII конгресса Коминтерна, — «фашизм — это война» — сбылось. В 1939 году вспыхнула вторая мировая война.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

24 июня того же года Политбюро Центрального Комитета Болгарской рабочей партии решило перейти к вооруженной борьбе. В горах стали создаваться партизанские отряды. Балканы снова запели гайдуцкую песню. 23 июля 1941 года начала работать радиостанция «Христо Ботев», руководимая Заграничным бюро Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Болгария слушала указания и напутствия Георгия Димитрова.

17 июля 1942 года была объявлена программа Отечественного фронта. Автором ее был Георгий Димитров. В ней он ставил перед болгарским народом неотложные задачи.

«Для выполнения этих насущных для нашего народа задач, — говорилось в программе, — необходимо возможно скорее создать подлинно национальное правительство, способное твердо и последовательно проводить спасительную политику Отечественного фронта. Ввиду этого Отечественный фронт ставит ближайшей целью своей борьбы свержение власти нынешнего предательского, антинародного, прогитлеровского правительства и создание подлинно болгарского национального правительства…

Опираясь на волю и поддержку всего болгарского народа, это правительство подготовит также и условия для созыва Великого народного собрания, которое определит будущую форму правления Болгарии и создаст необходимые конституционные и материальные гарантии свободы, независимости и процветания нашей родины».

С большими трудностями, но и с энтузиазмом болгарские рабочие и крестьяне, болгарская патриотическая интеллигенция взялись за строительство

Отечественного фронта. Под руководством партии вся страна покрылась комитетами Отечественного фронта, еще больше развернулась нелегальная борьба, росли и крепли в боях с полицией и жандармерией партизанские отряды. Димитров руководил, выступал по радио, писал статьи: «Куда идет Болгария», «Два пути», «Кризис в Болгарии».

Болгария шла по краю пропасти. Все, что производили рабочие и крестьяне, отправлялось в Германию, поглощалось ненасытным чревом войны. В 1944 году в январе и марте Софию бомбила англо-американская авиация. София была разрушена. Жители столицы разметаны по всей стране.

Мать Димитрова эвакуировалась в Самоков к дочери Магдалине. Но и в маленьком городке старая женщина не находила покоя. Фашистские жандармы шарили в городке и окрестных селах, ловили и уничтожали нелегальных работников и партизан. Однажды вечером, в начале лета, был схвачен ее любимый внук Любчо Барымов, сын Магдалины. Он был партизаном. После долгих пыток его убили, а тело его вышвырнули в поле[40]. Убийство Любчо было последним ударом, нанесенным матери Димитрова болгарской властью, против которой она воевала больше половины своей жизни.

Она лежала в маленькой тихой комнате больная и немощная, а мысли ее уносились далеко.

Вспомнилось детство, отец, родные места, пожары, заснеженная дорога и караваны беженцев. Вспомнился молодой паренек из Македонии, который углядел ее в хороводе и потом стал ее мужем. Вспомнилось радомирское селеньице, где она услышала крик своего первенца.

«Боже мой, боже мой, как давно все это было!» София, Ючбунар, училище, типография, бессонные ночи, собрания, аресты, тюрьмы, стачки, восстания… Лейпциг. И всюду он, ее Георгий, только им она жила, его жизнь была ее жизнью.

Мать заснула. За окном легкий летний ветерок играл листьями деревьев маленького сада, чуть трепетала белая занавеска.

Глубокая тишина, глубокий покой — может, первый раз в жизни — овладели старой матерью. Но вот она улыбнулась во сне, открыла глаза и позвала тихо:

— Ты здесь, Лина?

— Здесь, мама.

— Подойди ко мне.

Дочь бесшумно приблизилась и заглянула в светившиеся тихим светом глаза.

— Знаешь, о чем я думаю?

— Скажи, мама.

— Приедет твой брат Георгий. И Лена приедет. Все приедут. Болгария будет свободной… — Глаза ее наполнились слезами, а она, продолжая улыбаться, говорила: — Я не дождусь свободы, но мне хватит и того, что ей будет радоваться твой старший брат, и ты, и Лена, и все ее встретят, эту свободу…

Магдалина отвернулась, чтобы смахнуть слезу. Мать долго молчала, а потом заговорила опять:

— Брат твой, Магдалина, не верит в бога, но он праведник, потому что всю жизнь борется за добро людям. Помогайте ему и дальше бороться за счастье народа. Будьте всегда вместе, как были вместе маленькими, и в страдании и в радости. А о Любчо не плачь. Я потеряла троих. Они не погибли напрасно, как и твой Любчо не напрасно погиб.

Старая мать замолкла. Белые ее волосы тщательно, как у девушки, расчесаны на прямой пробор. Лицо все в морщинах и побледнело. А она вновь унеслась в воспоминания. И вновь в центре всех воспоминаний он, ее Георгий. И радость и скорбь наполняют ее угасшее сердце. Как много страдал он! Вспомнила она и его последнее горе — потерю единственного семилетнего сына от второй жены, Розы. «Пусть будет тверда рука его и сердце его, да перенесет он и эти страдания, как переносил их до сего времени!»

Старая мать обвела глазами свою комнату, поглядела в открытое небо. Высокое синее небо за окном да заостренные вершины темного леса — вот и все, что она увидела в последний миг своей долгой жизни. Закрыла глаза — и затихла навсегда.

Случилось это 20 июля 1944 года.

Ее смерть взволновала городок. А хоронили ее тихо и скромно.

Она до конца выполнила свой материнский долг. Она вошла в историю. И не только потому, что вырастила такого сына, как Георгий Димитров, но и потому, что сама много внесла в дело народного освобождения, в дело коммунизма.

У нее учились все матери-героини, все, кто вместе с детьми своими вел, как мог, борьбу против народных притеснителей.

9 сентября 1944 года болгарский народ с помощью Советской Армии, под руководством Коммунистической партии сверг фашистскую власть, освободил Болгарию, спас ее от фашистского рабства. В Болгарии была установлена власть Отечественного фронта.

Вскоре рухнул и гитлеризм — самая страшная политическая система, какую когда-либо знало человечество. Фашистская Германия была разгромлена. Война закончилась победой над фашизмом. За борьбу против фашизма Советское правительство наградило Георгия Димитрова орденом Ленина.

Приближался ноябрь 1945 года. Приближалась годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Накануне этого дня на аэродром в Москве прибыла автомашина. В ней были Георгий Димитров и его супруга Роза Юльевна Димитрова. На

самолете они вылетели в Болгарию.

6 ноября 1945 года. В Софийский народный театр и на площадь, прилегающую к нему, стекались жители столицы. Они шли чествовать годовщину Октябрьской революции. На этот раз это был не обычный праздник: в этот день люди готовились встретить своего долгожданного гостя.

Появление его в театре вызвало бурю восторга. От партера до балконов неслись рукоплескания и возгласы:

— Димитров! Димитров! Димитров!

Он стоял в ложе, приветственно махал рукой, улыбался. Старые его соратники тайком вытирали слезы. Никто не в силах был сдержать вихрь радости, бушевавший в стенах театра. Наконец все стихло, и люди-расселись по своим местам. Сел и Димитров, положив руки на барьер ложи. Зал слушал доклад об Октябрьской революции.

Люди, давно знавшие Димитрова, взволнованно шептались:

— Побелел наш Георгий.

— Что и говорить…

— Полагалось бы ему сказать нам несколько слов. Давно не слышали его голоса.

Доклад закончился. Люди вновь обратились к ложе. Димитров встал, поднял руку, а когда все успокоились, в зале зазвучал его голос:

— Дорогие соотечественники! Позвольте мне в нескольких словах выразить вам самую сердечную благодарность за эту товарищескую, патриотическую встречу.

Прошло уже двадцать два года с тех пор, как я не был на болгарской земле. Вы можете не сомневаться, если я скажу вам, что в течение всего этого времени, где бы я ни находился, чем бы ни занимался, я никогда, ни на один момент не переставал думать и работать на пользу своего болгарского народа, ради его будущего, ради его счастья и благоденствия…

Новые овации залили театральный зал.

— Может быть, не лишним будет напомнить вам в этой связи о моменте, когда закончился известный Лейпцигский процесс. И во время процесса и в особенности после него я официально направил несколько телеграмм тогдашнему премьер-министру Болгарии Николе Мушанову и тогдашнему болгарскому правительству, прося разрешить мне, болгарину, оправданному германским судом, вернуться на родину и посвятить свои силы и способности работе и борьбе в своей стране. Ответ был тоже официальным: «Георгий Димитров не является болгарским подданным». В тогдашних условиях, дорогие соотечественники, это означало, что я и другие обвиняемые вместе со мной болгары

должны были оставаться в хищных лапах того самого Геринга и того самого Гитлера, которые впоследствии погубили миллионы людей.

Никола Мушанов и его тогдашний министр внутренних дел Гиргинов теперь кричат о демократии, пытаясь предать забвению тот позорный факт, что они закрыли двери родины перед болгарским подданным, перед болгарином, который старался, насколько у него хватало сил, защищать честь болгарского народа.

В зале раздались возгласы: «Позор!» Люди негодовали, возмущались теми, кто поступил так в отношении своих соотечественников.

— Я напомнил вам об этом потому, что, когда я сошел с самолета на родную землю, я первым делом просмотрел болгарские газеты. Я раскрыл и прочитал зеленое «Земеделско знаме»[41], «Свободен народ»[42] и другое «Знаме». Скажите, товарищи, в какой другой стране так бессовестно, так нагло и бесчестно лгут и клевещут на свой собственный народ, на свою страну и ее правительство, пользующееся доверием огромного большинства народа? Эти люди совершенно распоясались! Они строят все на клевете, интригах и лжи. Тогда как в это время на долгие-долгие годы решается судьба Болгарии, судьба болгарского народа.

Димитров передохнул, провел рукой по поредевшим волосам и продолжил;

— Дело Отечественного фронта — историческое дело, правительство Отечественного фронта выполняет в настоящий момент историческую роль. И болгарин или болгарка, которые мешают этому, подрывают единство Отечественного фронта, патриотическое единство болгарского народа, являются либо заблуждающимися людьми, либо врагами свободы и независимости нашего народа. Мы, болгары, хотим сами устраивать свои внутренние дела.

Он говорил о грубом вмешательстве в жизнь страны англо-американцев, которым помогали буржуазная оппозиция и фашистское отребье.

— Мы хотим создать прочное патриотическое единство нашего народа, которое необходимо для разрешения наших внутренних и международных задач. И если я своим приездом смогу помочь в этом деле, я буду счастлив. Моим желанием является, если наш народ сочтет это необходимым и полезным, посвятить последние годы своей жизни непосредственному служению своему народу.

— Да здравствует Димитров! — слышалось со всех сторон.

До конца жизни жители столицы, присутствовавшие на этом торжестве, не забудут вечера 6 ноября 1945 года.

Со всех сторон летели телеграммы. Народ приветствовал Димитрова болгарским «добре дошли» — «добро пожаловать». Он ответил через печать. В этом ответе, в частности, говорилось:

«Сторонники Отечественного фронта, сторонники рабочей партии — коммунистов, рабочий класс и крестьяне, народная интеллигенция, боевой наш народ могут быть полностью уверены, что я постараюсь служить нашей родине с еще большей энергией, без остатка посвящая этой службе все свои силы и способности… Выросши в борьбе за благо трудящихся, за благо народа, живши в непрерывной борьбе с их врагами, я буду счастлив продолжать эту борьбу совместно со своим народом до последней минуты своей жизни и дожить вместе с ним до полного построения свободной, демократической, независимой, мощной и благоденствующей Болгарии».

Действительно, болгарский народ маленький, но он велик в своей железной воле, велик в своей непоколебимой духовной мощи, велик в своей вере в правду и справедливость, велик в своих огромных талантах и дарованиях, которые таятся по городам и селам.

Автомобиль, оставив столицу, вышел на широкое и гладкое шоссе и понесся на юг. Предстоял долгий путь: София — Пазарджик — Пловдив — Карлово — Казанлык.

Весна давно наступила. По обеим сторонам шоссе зеленели нивы, сады. В синем небе плыли белые облака, зародившиеся на высоких горных вершинах.

Димитров сидел у окна и не отрывал взгляда от весенней панорамы. Автомобиль мчался на юг, и родина, как на киноленте, раскрывала ему все свои прелести. В добрых глазах его светилась тихая радость. Вот она, столько раз виденная в мечтах родина! Она все та же, какой он ее оставил столько лет назад, — бедная, оборванная, измученная. И все же красивая и великая! Сейчас она простиралась перед ним во всей своей обездоленности. Она рассказывала ему о своей отсталости, о своем мученическом пути, который прошла за четверть века фашистского гнета. И он слушал ее и понимал, как верный ее сын.

Маленькие, разбросанные селеньица дымили у подножья гор. Быстрые потоки и шустрые речки, виляя, бежали по полям. Пахарь медленно ступал за парой тощих коров, опираясь на деревянную, времен дедушки Адама, соху. Женщина в черной косынке с прялкой в руках пересекала поле по узкой, извивающейся тропинке, за спиной ее из большой домотканой пестрой торбы выглядывала детская головка. Куда она шла? О

чем она думала в этот час? В чью память она носит эту черную траурную косынку? Бедная, исстрадавшаяся болгарская мать! Может быть, она напомнила ему его мать? Он глядел ей вслед, пока машина не сделала поворот и он не поте* рял из виду и эту женщину б черной косынке и горбу, из которой выглядывала детская головка… А вон там, на повороте, у самой рощицы, сидит, как на картинке, мальчишка-пастушок. Опершись на палку, он с любопытством глядит на приближающуюся автомашину. Стадо его белеет по другую сторону шоссе. Большая собака разлеглась посреди дороги. Машина сбавила ход. Возле рощицы возвышалась белая каменная пирамидка с красной звездой на вершине.

— Останови машину, — сказал Димитров шоферу.

Шофер съехал на обочину и остановился. Димитров и его двое спутников вышли. Любопытство пастушонка нарастало. Кто такие? Зачем остановились?

Димитров направился к пирамидке. Туда же пошел и пастушонок, не сводя глаз с непонятного ему человека. Много людей бывало у памятника погибшему партизану, многие останавливались около него и читали скромную надпись. Но этот человек и его товарищи не были похожи на других.

Остановившись у скромного памятника, они прочли: «Петко Василев из села Крушаре, геройски погиб в бою с фашистской жандармерией». Димитров снял шляпу, опустил голову. «Вот в память кого черные платки на женщинах», — вздохнул он и, вынув из петлицы пальто розу, которую ему подарили, провожая в путь, положил ее у подножья пирамидки. Обернувшись, он увидел пастушонка.

— Из вашего села этот партизан?

— Из нашего. Это мой брат.

Положив руку на плечо пастушонка, Димитров участливо переспросил:

— Твой брат?

— Да, мой брат. Его хотели схватить живым, но не сумели. Три часа он сражался с жандармами. Когда кончились патроны, он подорвал себя бомбой.

Пастушонок рассказывал об этом звонким детским голосом, как рассказывают хорошо заученный урок. Ему так часто приходится рассказывать о героическом подвиге брата — гордости не только семьи, не только села, но и всей околии. Чувствуя дружелюбие приезжих и искренний интерес к судьбе брата, пастушонок стал рассказывать боевую историю своего села, из которого вышло пятнадцать партизан.

Из лесу показался седой старец с длинной пастушьей палкой

в руках. Мальчонка сначала было смутился, а потом еще жарче прежнего повел рассказ о героических партизанских делах.

В разговор вмешался старик. Был он очень словоохотлив. Димитров и его спутники присели на сухой пень огромной вербы. Старик оказался дедушкой пастушонка. В годы войны был ятаком — партизанским помощником. После победы народа стал одним из основателей трудового кооперативного земледельческого хозяйства в своем селе.

— Трудно было до 9 сентября, — говорил старик, — и голод, и побои, и смерть преждевременная…

— А сейчас как? — спросил Димитров.

— Сейчас-то, — повторил нараспев старец, — сейчас мы у власти, но не подумай, что очень легко управлять.

Старик поглядел исподлобья на Димитрова и продолжал поучительно:

— Власть — опасное дело. Сейчас все таращат глаза на нас и вопят: подождем, что коммунисты сделают: до 9 сентября они всех критиковали, людям сказки о счастливой жизни рассказывали. Поглядим, куда теперь сами дело поведут.

— Ну и как? Хорошо дело ведете?

— Да как тебе сказать! Хорошо, но еще не так, как нужно. Все что-нибудь хромает. Не умеем еще управлять. Нет опыта. Вот, к примеру, пока хозяйство налаживали, навидались видов. То то забыли, то это пропустили, то того интересы задели, то этого обидели… Трудно шло. А то, поглядишь, кое-где и вообще концы с концами не свели. Трудно. Хорошо, что там, наверху, есть кому думать. А то так и гляди вляпаешься…

— Кто же это там наверху думает? — спросил Димитров.

— Как кто? Это все знают: Георгий Димитров. Дай ему бог здоровья. Без него завалили бы мы дело. Раз он с нами, что бы ни произошло, мы победим.

— Хороший полководец без хороших солдат ничего не стоит, — возразил Димитров, — так что ты, дедушка, не совсем прав.

— Верно, — согласился старик, — но все-таки по-другому получается, когда можем себе сказать: подождем, посоветуемся с товарищем Димитровым, он скажет, как поступить, что делать. Или же опять: подождите, пожалуемся Георгию Димитрову, он нас выслушает, как отец. Вот, к примеру, три месяца назад в околийском комитете свил себе гнездышко один, как его люди прозвали, губернатор. Вмешивался в наши дела, ругал людей, угрожал, силой заставлял входить в кооперативное хозяйство, исключал из партии…

— Что же вы с ним сделали?

— Написали товарищу Димитрову.

— А он?

— Ответил.

— А дальше?

— Рассчитались по всем статьям… Убрался ко всем чертям губернатор. Когда мы его порастрясли, оказалось, что под благочестивой маской фашистская рожа пряталась…

Старик послал мальчонку за стадом последить, откашлялся и сказал:

— По-моему, товарищу Димитрову надо почаще посылать своих людей к нам, в низы. Пусть приезжают, поглядят, как мы живем, как работаем. Да и нас послушают. Будут приезжать к нам чаще — и у нас будет меньше ошибок и у них тоже. А не будем ошибаться — лучше будем управлять. Так я думаю. И мы и они лучше будем управлять.

— Все это верно, дедушка, — ответил ему Димитров, — но и вы должны чаще обращаться к Димитрову, писать ему о непорядках. И не только ему, но в Центральный Комитет партии. Да. Без борьбы ничего не завоюешь, ничего не достигнешь…

Димитров пожал руку старику и направился с товарищами к автомобилю. Старик проводил их до машины. Ему все хотелось спросить, кто они, но сделать это почему-то не посмел. Машина тронулась. Подбежал запыхавшийся мальчонка с собакой, встал рядом с дедом и замахал рукой удалявшейся машине. Димитров, высунувшись в окно, отвечал им тем же. Позади старика и мальчонки возвышалась пирамидка с красной звездой. Она блестела над полем, утонувшим в весенней зелени…

В этот день Димитров не раз останавливал машину на шоссе. Шел на поля, где работали крестьяне, расспрашивал о жизни, о нуждах. Крестьяне рассказывали ему обо всем. Когда же узнавали его, не хотели отпускать..

В городах, которые встречались на пути, он заходил на фабрики, беседовал с рабочими.

И всюду, где он проезжал, оставался светлый след радости, крепла воля к действию, к работе…

Эта продолжительная поездка наполнила Димитрова живыми впечатлениями о жизни народа, о трудностях, с которыми встречается молодая республика.

Позже, по возвращении в Софию, он долго получал письма, в которых люди обещали работать еще лучше, еще неутомимее. Пришло письмо и от старого пастуха. Он писал о большом своем удивлении, когда узнал, что разговаривал с Димитровым: «Все село радовалось этому вместе со мной и внучком».

Читая письма, которые шли и шли к нему со всей страны,

Димитров не раз думал:

«Действительно, трудно управлять, но с таким народом можно совершать чудеса…»

Иногда Димитров отправлялся погулять по улицам столицы, заходил в соседний киоск купить сигареты, расспрашивал торговца, как идет торговля, охотно разговаривал с людьми, обращавшимися к нему. Среди народа он чувствовал себя прекрасно. Поэтому после долгой утомительной работы в Совете Министров он так любил выйти погулять там, где много людей, стараясь в то же время оставаться незамеченным[43].

Как-то летним вечером, после длительного заседания, он отправился в парк Свободы. Было прохладно и свежо. Он шел по широкой аллее со своим другом. Аллея привела его к озеру, освещенному разноцветными огнями. Из ресторана, что находится на островке, слышалась музыка. Все дышало радостью и весельем в этот летний вечер: и звездное небо, и прохладный ветерок, и тихие волны, что плескались о берега, и эти огни, и эта музыка.

— Зайдем ненадолго, — сказал Димитров своему спутнику, указывая на каменный, мостик. Ресторан-сад был полон людьми. С трудом отыскали они свободный столик. Подошел официант, по привычке вынул книжечку, готовый записать заказ, и и вдруг, пораженный, воскликнул:

— Извините, вы товарищ Димитров?

— Да, пожалуйста, две кружки пива!

Возглас официанта услышали. За соседними столиками начали шептаться. Вскоре все узнали, что в ресторане Димитров. К его столику обратились взоры, а кое-кто посмелее решил подойти и поздороваться. Неизвестно откуда появилась девушка с большим букетом роз.

— Примите эти розы, товарищ Димитров!

Димитров улыбнулся, взял букет, полюбовался им, а потом вынул одну розу и подарил ее девушке. Раздались аплодисменты. Он стал раздавать розы окружившим его людям. Когда осталась последняя роза, сказал:

— А эту позвольте отнести моей жене.

В этот вечер он был особенно счастлив.

Со всей страны ехали к Димитрову посланцы трудящихся, чтобы рассказать ему о своей жизни, о трудностях, которые встречаются на их пути, выслушать его советы. И всех он принимал, со всеми внимательно беседовал. Рабочим он говорил:

— Подлинный ударный труд, настоящее соревнование заключаются в том, чтобы давать продукции все больше и качеством все лучше.

Крестьянам говорил:

— Наше село должно стать культурным и цветущим, потому что от этого в большой степени зависит преуспевание и расцвет Болгарии.

Людей науки, искусства он предостерегал от буржуазной идеологии, от формализма и декадентщины.

Женщинам он говорил:

— Без активного и сознательного участия женщин в управлении страной, в общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни не может быть настоящей демократии, не может быть действие тельного прогресса, не может быть народного благополучия.

Трогательны были его встречи с детьми. С ними он разговаривал во всякое свободное время, каким бы ни был он в ту минуту утомленным.

Замечательный в этом отношении случай произошел в начале одних летних каникул. Сентябрята — болгарские пионеры далекого пограничного края приехали погостить в столицу. Несколько дней они ходили по музеям, осматривали памятные места столицы. Все их радовало и удивляло. Но в сердцах таилась одна мечта, которую им все еще не удавалось осуществить, — повидаться с Георгием Димитровым. А встреча с товарищем Димитровым стояла первым пунктом их программы. Учитель, сопровождавший пионеров, известил секретариат председателя Совета Министров о желании своих подопечных. Димитров прочитал письмо, подумал.

— Нет возможности принять, очень занят. — Полистал листки календаря на своем столе, просмотрел пометки на каждый день, вздохнул и повторил: — Просто физически невозможно. Скажите им, что не могу принять. Пусть извинят меня.

Секретарь передал ответ Димитрова. На другой день дети прислали новую записку:

«Если товарищ Димитров сегодня занят, то мы подождем до завтра. Если и завтра будет занят, мы останемся в Софии еще на день. Мы будем ждать, пока он освободится и примет нас».

Прочитав записку, Димитров засмеялся.

— Победили! Сегодня вечером в восемь часов приму их!

К назначенному часу пионеры были в доме Димитрова. Точно в восемь часов появился Димитров — улыбающийся, радостный. Дети встретили его песней. Они пели о пограничниках и строителях социализма, о молодости и счастье жить в такой свободной стране, как их Болгария. Когда песня кончилась, Димитров пригласил гостей в другой зал, где их ожидали маленький Бойко и Роза Димитрова. У Бойко родители-партизаны

погибли в борьбе с фашизмом, и Димитров усыновил его. Здесь за длинным столом, уставленным всякими лакомствами, завязалась беседа.

— Я не люблю слабых, — говорил Димитров, — не люблю ленивых и трусливых. Люблю смелых, тех, кто держится с достоинством, работает и учится хорошо. Вы должны быть такими, как советские пионеры.

Он рассказал о жизни советских пионеров, с которыми встречался в Советском Союзе. Рассказал об их подвигах в Отечественной войне, об успехах в школе, о любви к науке, о высокой их дисциплине.

Уже догорал летний вечер, а гости не расходились. Вновь вспыхнули песни, и юные артисты читали стихи…

К СОЦИАЛИЗМУ

Одна за другой падали преграды, расчищались препятствия на пути к социализму.

С сентября 1944 по октябрь 1945 года Димитров посылал из Москвы в Болгарию письма, советы, рекомендации, которые позже вошли в книгу «Георгий Димитров — Болгарии Отечественного фронта». Теперь он жил среди самого народа — своим умом, своим сердцем, глазами и руками направлял государственный корабль…

15 сентября 1946 года Болгария была объявлена Народной Республикой.

22 ноября того же года Георгий Димитров возглавил правительство. Укрепилось внутреннее и международное положение страны. Заключен мирный договор. Заключены договоры о дружбе и сотрудничестве со всеми странами народной демократии. Подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с великим Советским Союзом. Дружба с Советским Союзом, подчеркивал Димитров, необходима для болгарского народа, как солнце и воздух для всякого живого существа.

4 декабря 1947 года Великое народное собрание приняло новую конституцию Болгарии. «Эта прекрасная конституция, — говорил Димитров, — написана кровью нашего героического и свободолюбивого народа… Новая конституция, утверждая принципы народной демократии, расчищает путь для общественного развития нашей страны».

Нога в ногу шел народ вместе с ним — товарищем и другом, учителем и руководителем — к желанному берегу спасения и счастья. Он не знал устали, не опускал в безделье рук, потому что за пятнадцать-двадцать лет, как говорил он, Болгария должна сделать то, что другие народы сделали за столетия. Его помощниками были товарищи по эмиграции, ветераны боев против фашизма, строители новой жизни. Среди них был и его друг с молодых лет Васил Коларов. Димитров и Коларов — два имени, навеки связанные с новой историей Болгарии, с Болгарской коммунистической партией.

18 декабря 1948 года в Народном театре собрались делегаты V съезда партии. Сюда пришли старые борцы против фашизма, партизаны и партизанки, люди, сидевшие при царизме по тюрьмам и концентрационным лагерям, фронтовики Отечественной войны, ударники и ударницы, рабочие и

работницы, крестьяне и крестьянки, трудящиеся со всей страны. Торжественно колыхался шелк красных знамен.

…На трибуну вышел Георгий Димитров. Он еще больше поседел, постарел, лицо его покрывал чуть уловимый румянец. Но глаза его все еще горели огнем богатой и бурной жизни. Шел ему шестьдесят шестой год. За плечами стояла целая эпоха. А перед ним возникала новая эпоха в истории болгарского народа — эпоха социализма.

Димитров начал свой доклад V съезду партии:

— Товарищи делегаты! Болгарская рабочая партия (коммунистов), которую, я не сомневаюсь, настоящий съезд единодушно снова переименует в Болгарскую коммунистическую партию, ведет свое начало из далекого прошлого…

Наша партия выросла в непрестанной борьбе против чуждых мелкобуржуазных и буржуазных влияний, за обособление молодого еще рабочего класса, как класса для себя, как самостоятельной общественной силы с собственной идеологией и собственной организацией.

Димитров говорил на этом историческом съезде долго, целый день, ясно понимая, что открывается новая страница в истории его народа.

— Теперь, когда наша партия стоит во главе государства, когда ее члены занимают в нем ответственные, ключевые позиции, когда ее авторитет вырос до небывалых размеров, когда трудящиеся нашей страны выражают такую готовность идти за нашей партией, следовать ее генеральной линии, как это особенно блестяще продемонстрировала вчерашняя манифестация трудящихся Софии, роль наших организаций, их руководителей является решающей. Теперь наши партийные руководители — это люди, которые будут нести главную ответственность за все недостатки, упущения и ошибки. От нашей партии, от работы ее кадров будет зависеть успешное выполнение грандиозной в наших условиях задачи — выполнение пятилетнего народнохозяйственного плана, а также и остальных важных решений съезда.

Он говорил со всей прямотой:

— Товарищи! Мы не создаем себе иллюзий — и в нашей партии не найдется серьезных партийных товарищей, которые создали бы себе подобные иллюзии, — будто путь, по которому идет наша партия, будет гладким, как мостовая перед Народным собранием или Советом Министров. Мы знаем, что этот путь труден, тернист, но он является единственным спасительным путем для рабочего класса, для народа, для нашей страны. Мы, — продолжал Димитров, — сознаем, что нам придется преодолеть

еще много трудностей. Но мы также знаем — и наш народ хорошо знает это, — что, как доказала наша партия, она не боится трудностей при выполнении своей исторической миссии. Наша партия доказала также, что она умеет преодолевать любые трудности, как бы они ни были велики и откуда бы они ни исходили — от наших внутренних или от внешних врагов.

Димитров глядел в зал, и взгляд его был полон веры в свой народ, полон любви к нему.

ОН НЕ УМЕР

«Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии и Совет Министров Народной Республики Болгарии сообщает, что в связи с заболеванием Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии и председателя Совета Министров Народной Республики Болгарии товарища Георгия Димитрова ему разрешен отпуск.

Товарищ Димитров в настоящее время находится на лечении в Советском Союзе».

Это краткое и сдержанное сообщение, появившееся мартовским утром в болгарских газетах, прошло по всей стране холодной дрожью.

Лечение… Отдых…

Санаторий Барвиха стоит среди хвойного леса Подмосковья. Здесь, в этом санатории, будет отдыхать и лечиться Димитров. Отдыхать! Впервые в своей жизни. Это так непривычно. И вот на ночном его столике появляются книги, газеты, в комнате устанавливается прежняя атмосфера забот и труда. Думы его, сердце его, все его существо непрестанно и неотлучно в Болгарии, на родине. Он знает, как много трудностей встанет на ее пути в годы исторического перехода к новой жизни. Родина, в свою очередь, думала о нем, волновалась за него. Каждый день письма, поздравления, пожелания скорого выздоровления. В санаторной его комнате постоянно свежие цветы, присланные из садов Болгарии.

Васил Коларов — старый друг — ему писал:

«Дорогой Георгий, сегодня все мы думаем о тебе, мой сердечно близкий друг, с которым я делил и большие радости, и тяжкие испытания, и смертельные опасности на боевом пути нашей славной партии.

Самое сильное лекарство против всякой болезни — это воля к жизни, работе для счастья народа, для величия родины и осуществления идеала. А ты в большущей степени обладаешь такой волей. На ней мы с Цветаной строим нашу твердую надежду на твое скорейшее выздоровление и возвращение на твой ответственный руководящий пост».

Но конец неумолимо надвигался.

2 июля 1949 года. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза сообщил печальную весть: «В санатории Барвиха, под Москвой, скончался крупнейший деятель международного рабочего движения, Председатель Совета

Министров Болгарской народно-демократической республики, Генеральный секретарь Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, наш товарищ и брат Георгий Михайлович Димитров».

Стоял грустный летний день. Шли июльские дожди. Народ прощался со своим другом и учителем.

…Траурные знамена в Москве, траурные знамена в Праге, Варшаве, Будапеште, Бухаресте. Мир прощался с легендарным воином, который первым нанес морально-политический удар фашизму. Газеты в траурных рамках, радиостанции передают торжественно-печальные мелодии… От нас ушел Георгий Димитров.

От Москвы до Софии траурный поезд шел усыпанный цветами, обвитый знаменами, его встречали и провожали тысячи людей труда. Крестьяне прекращали работу в поле, рабочие застывали у своих станков, а гудки заводов, фабрик, локомотивов гудели тревожно и протяжно.

София, его героическая София, где он вырос и приобщился к революционным идеям, тонула в траурных знаменах. За пять дней рабочие воздвигли в центре города величественный Мавзолей. Здесь, у стен Мавзолея, состоялся торжественно-траурный митинг, на котором присутствовали делегаты коммунистических партий со всего мира. Здесь, перед Мавзолеем, сердцем своим вся Болгария…

Шли июльские дожди…

Не прерывался людской поток к белокаменному Мавзолею на площади Свободы, и ложились у его подножья венки как символ народной любви и клятвы неотступно идти к социализму.

Бессмертие его живет в делах народа и партии, которую он воспитал. Он покоится в Мавзолее и одновременно живет в бурных порывах миллионов…

ВЫПОЛНЯЯ ЕГО ЗАВЕТЫ

Автору этих заключительных строк к обширному повествованию болгарского писателя Камена Калчева о жизни Георгия Димитрова припомнилось такое событие.

20 февраля 1949 года в Софии чествовали талантливую актрису Адриану Будевскую в день ее 70-летия. В зале собрались артисты, писатели, композиторы, художники, ученые, журналисты. Пришел и Георгий Димитров. Мило, запросто обнял он старую актрису и с чудесной улыбкой сказал: «Ведь я давнишний ваш поклонник!» А потом, обращаясь к присутствующим, рассказал, как он, будучи 16—17-летним юношей, урывал от своего ничтожного заработка несколько левов, чтобы после тяжелого физического труда простоять несколько часов на галерке, восхищаясь игрой Адрианы Будевской и ее талантливых партнеров.

Краткая речь Димитрова не была только приветствием высокочтимой им актрисы, это была сжатая программа строительства новой, социалистической культуры, нового общества.

Димитров говорил тогда, что каждый народ, как бы мал он ни был, способен внести свой ценный вклад в общую сокровищницу культуры. И такой малый народ, как болгарский, такая малая страна, как Болгария, могут стать примером для других стран и народов. Государственные деятели, партийные руководители, деятели искусства, науки должны совместно, плечом к плечу трудиться для того, чтобы через несколько лет болгарский народ могли бы повсюду приводить в пример как действительно способный, одаренный, культурный и образцовый социалистический народ, принимающий активное участие в создании мировой социалистической культуры…

Летом 1962 года, незадолго до 80-летия со дня рождения Георгия Димитрова, Болгарию посетила Советская партийно-правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым. Как истинные друзья, обладающие огромным опытом социалистического строительства, представители советского народа знакомились с достижениями своих болгарских братьев.

На митинге в городе Варне Н. С. Хрущев, как бы продолжая мысль, высказанную Димитровым на юбилее Адрианы Будевской, говорил:

— Вашу страну принято считать сравнительно небольшой. И действительно, когда смотришь на карту, то вроде так и

получается. Но когда поездишь, по вашей стране, побываешь в ее городах и селах, на заводах и стройках, в сельскохозяйственных кооперативах, посетишь достопримечательные места, поговоришь с людьми и полюбуешься их трудом — тогда уже другое получается впечатление. Оказывается, не такая это маленькая страна!..

Ваш народ добился огромных успехов во всех областях экономического и культурного развития. Вы изменили облик страны. Ваш опыт, ваши достижения в индустриализации страны, в перестройке сельского хозяйства, в развитии культуры, в области государственных и социальных преобразований говорят о том, что болгарский народ под руководством своей Коммунистической партии проявил себя замечательным мастером социалистического строительства.

Прошло несколько лет, точнее — четырнадцать лет, срок в исторических масштабах ничтожно малый, и болгарский народ, чего так страстно желал его великий сын, повсюду приводят в пример как действительно способный, одаренный, культурный и образцовый социалистический народ.

Посмотрите, какое место заняла Болгария в современном мире. Давно ли эта страна была известна миру больше как географическое понятие? В кабинетах великих держав ее учитывали лишь как балканскую пешку в политических комбинациях. Сегодня Народная Республика Болгария поддерживает дипломатические отношения с 52 странами, торговые — с 79. Болгария, наконец, стала действительно независимой державой. Увеличился ее вес в международных делах, к голосу ее прислушиваются и в Европе и за пределами европейского континента.

Какая же сила так подняла маленькую страну, вывела ее на мировую арену?

Сила эта известна всем — и друзьям и недругам. Всем теперь видно, что только социалистический строй создает те условия, в которых народ расправляет свои плечи и превращается в настоящего богатыря. В строительство социализма Болгария вошла экономически немощной. Георгий Димитров указывал, что для того, чтобы вывести Болгарию из такого состояния, необходимо за пятнадцать-двадцать лет достичь того, чего в иных условиях другие страны достигали за целое столетие.

Болгарский народ, руководимый своей Коммунистической партией, осуществил этот завет Димитрова. Программа построения основ социализма в Болгарии осуществлена. Социализм победил в городе и деревне. Нет уже царской Болгарии с ее пресловутой отсталостью. Ныне за 21 день страна

получает промышленной продукции столько, сколько она получила за весь 1939 год. Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства стали крупными социалистическими предприятиями. Национальный доход рос такими темпами, каких не знает ни одна страна капиталистического мира. Производство предметов потребления выросло в сравнении с довоенным временем в девять раз. Болгарский народ стал лучше питаться, лучше одеваться.

А по числу обучающихся в высших учебных заведениях Болгария ныне занимает одно из первых в мире мест. До 9 сентября 1944 года в стране было примерно 300 инженеров. Ныне в различных отраслях материального производства работает около 40 тысяч специалистов с высшим образованием, свыше 75 тысяч со специальным средним.

И все это достигнуто по планам трех пятилеток, осуществленным всего за 12 лет!

Болгария, в которую еще так недавно ввозились из-за границы даже гвозди, теперь сама экспортирует в зарубежные страны различные машины и целые заводы. Ее специалисты помогают создавать промышленность в недавно освободившихся от колониализма государствах Африки и Азии. И всюду болгарские строители снискали себе добрую славу.

В старые годы мир был мало знаком с культурой и искусством Болгарии. Культура новой Болгарии вышла в большой свет и привела в изумление тех, кто с ней впервые столкнулся.

«Концерты софийских артистов были великолепным праздником, — писала бельгийская газета. — И это не удивительно. Болгария всегда была страной песни, музыки, танцев. Сейчас это страна, в которой государственная власть обеспечила артистическое и музыкальное образование для всех. Из этого рассадника и выходят певцы, пианисты и скрипачи, которые получают высшие премии на международных конкурсах».

Международное признание получила болгарская наука, которая тоже родилась вместе с социалистическим строем. Болгарская академия наук принята в международные организации, ее ученые участвуют в международных конгрессах, избираются в руководящие научные органы. О размахе научной деятельности можно судить хотя бы по тому, что на пятом международном конгрессе биохимиков болгарская наука была представлена 100 учеными и 30 докладами.

Наблюдается и обратный процесс. Не только Болгария выходит в большой свет, но и большой свят устремляется в маленькую Болгарию. Едут делегации, едут одиночки, едут тысячи туристов. Одни едут перенять опыт друзей, другие —

поглядеть, чего достигли болгары, третьи — просто полюбоваться незнакомой страной. Но результат один: все, кто не заражен предвзятостью, признают величие совершенных в этой стране преобразований.

— Осуществилась наша давнишняя мечта — поближе увидеть достижения социалистической страны, у которой мы смогли бы поучиться, — сказал перед отъездом из Болгарии руководитель делегации Судана. — Социалистический строй в Болгарии дал хорошие плоды. Мы убеждены, что с помощью болгарского народа, болгарских специалистов» — врачей, преподавателей и инженеров, которые едут работать в Судан, — мы достигнем ваших успехов и станем, как Болгария, независимой и процветающей страной.

Познакомившись с постановкой народного образования в Болгарин, делегация деятелей просвещения Мексики заявила:

— В вашей стране на нас произвело большое впечатление, что и в самом маленьком селении есть школа, что занимает она лучшее здание. Мы удивлены большим числом учащихся в вашей стране и тем, что у вас нет неграмотных, что образование, даже высшее, бесплатное. Согласно конституции основное образование и у нас, в Мексике, обязательное и бесплатное. Но, к сожалению, мы не можем этого осуществить. Мало школ, нет учителей, большая часть детей школьного возраста не имеет возможности учиться.

Едут в Болгарию туристы из стран всех континентов земного шара. И они тоже видят, какой стала Болгария. Видят и даже сравнивают. Француз находит, что новые сооружения в Болгарии могут сравниться с красивейшими зданиями Франции; шведские журналисты утверждают, что болгарские курорты самого высокого класса; японский писатель говорит: «Болгария удовлетворяет даже самые претенциозные вкусы, это страна полностью свободная и счастливая».

Есть в капиталистическом мире и любители распространять о социалистических странах пасквильные мифы. Тысячи людей, повидавших Болгарию, могут им сказать:

— Укажите нам хоть одну страну «свободного мира», которая в такой короткий срок преобразилась бы так чудесно, как Народная Республика Болгария!

А будущее Болгарии еще более светлое, еще более радостное. VIII съезд Болгарской коммунистической партии, состоявшийся в конце 1962 года, поставил задачу — в течение двадцати лет завершить строительство социализма и осуществить переход к строительству материально-технической базы коммунизма.

От имени всех нас, советских людей, говорил Н. С. Хрущев,

находясь в Болгарии:

— Нам приятно видеть, как победоносно развевается на всей болгарской земле знамя социализма, как развеваются красные знамена, под которыми боролись и побеждали большевики, под которыми боролась славная Болгарская коммунистическая партия во главе с великим сыном болгарского народа Георгием Димитровым.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом в селе Ковачевци, где родился Георгий Димитров.

Старая София. Мясные ряды.

Димитров с женой Любицей Ивошевич. 1906 год.

Георгий Димитров в 1913 году.

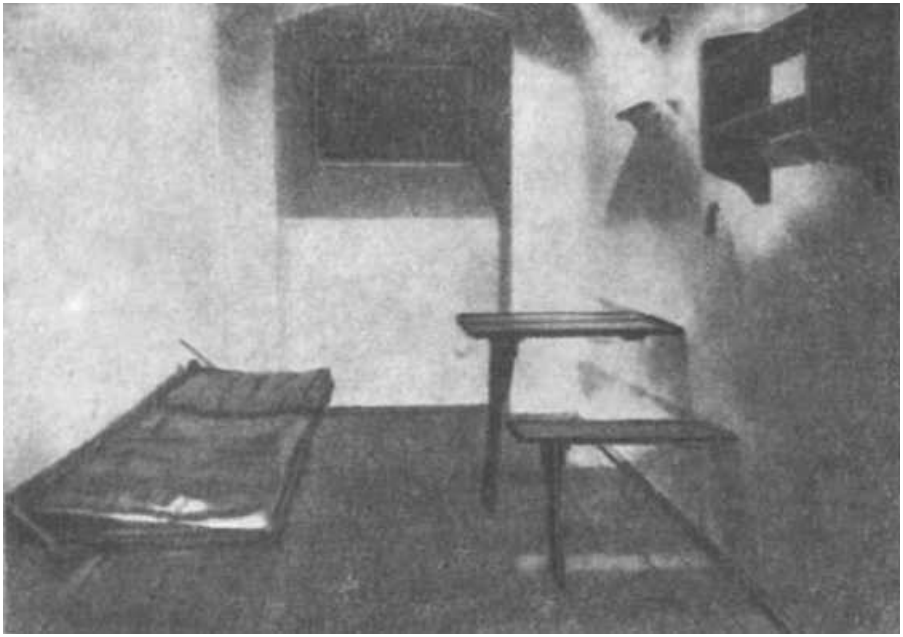
Самоков. Домик в болгарском стиле.

Тюрьма Черная джамия.

Димитр Благоев.

Георгий Димитров в 1923 году.

Сентябрьское восстание 1923 года.



Камера в тюрьме Моабит, где Димитров находился с 28 марта по 17 сентября 1933 года.

Здание имперского суда. Лейпциг.

Георгий Димитров со своей матерью.

Г. М. Димитров, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев на трибуне Мавзолея. 1 Мая 1934 года.

Г. Димитров, М. Торез и В. Пик на VII конгрессе Коминтерна. Август 1935 года.

Димитров выступает на торжественном собрании, посвященном 65-летию Н. К. Крупской. 28 февраля 1934 года.

Г. Димитров и маршал Ф. И. Толбухин, командующий 3-м Украинским фронтом, войска которого вошли в Болгарию 8 сентября 1944 года.

Партизаны входят в Тырново. Сентябрь 1944 года.

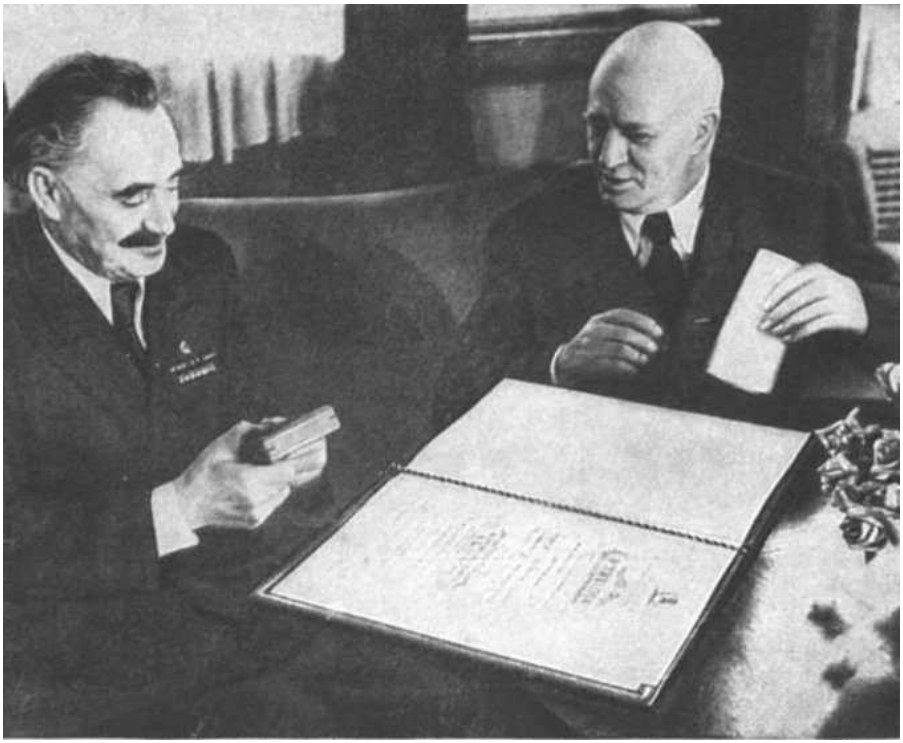
Георгий Димитров во время референдума, объявившего Болгарию Народной Республикой. 1946 год.

Димитров на балконе советского посольства в Болгарии в день демонстрации в годовщину освобождения Болгарии от турецкого ига. 3 марта 1945 года.

М. И. Калинин вручает Георгию Димитрову орден Ленина. Июнь, 1945 год.

Георгий Димитров во время одного из своих выступлений в Болгарии.

Димитров среди сентябрят.

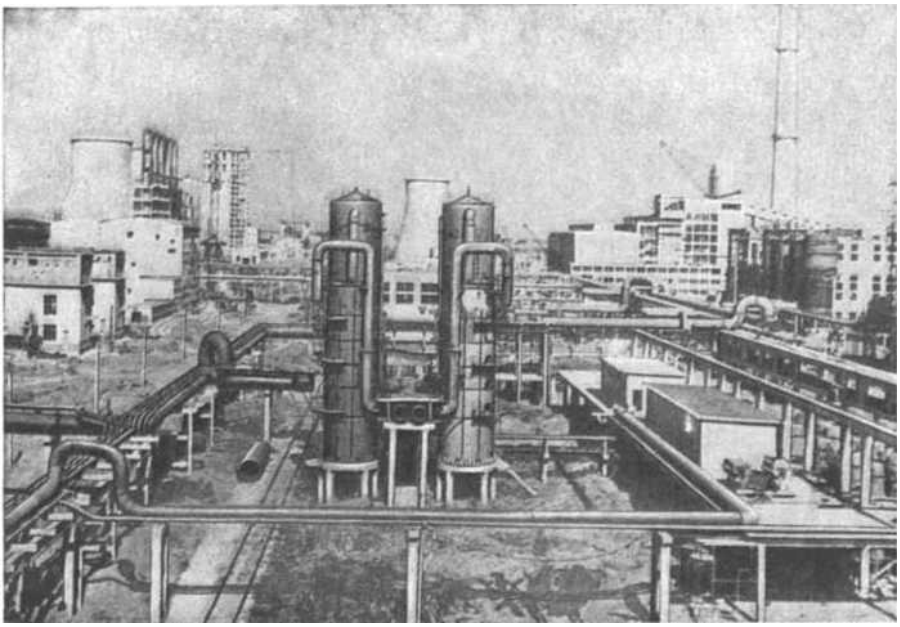


Г. Димитров и В. Коларов в день награждения Димитрова орденом Народной Республики Болгарии. 18 июля 1947 года.

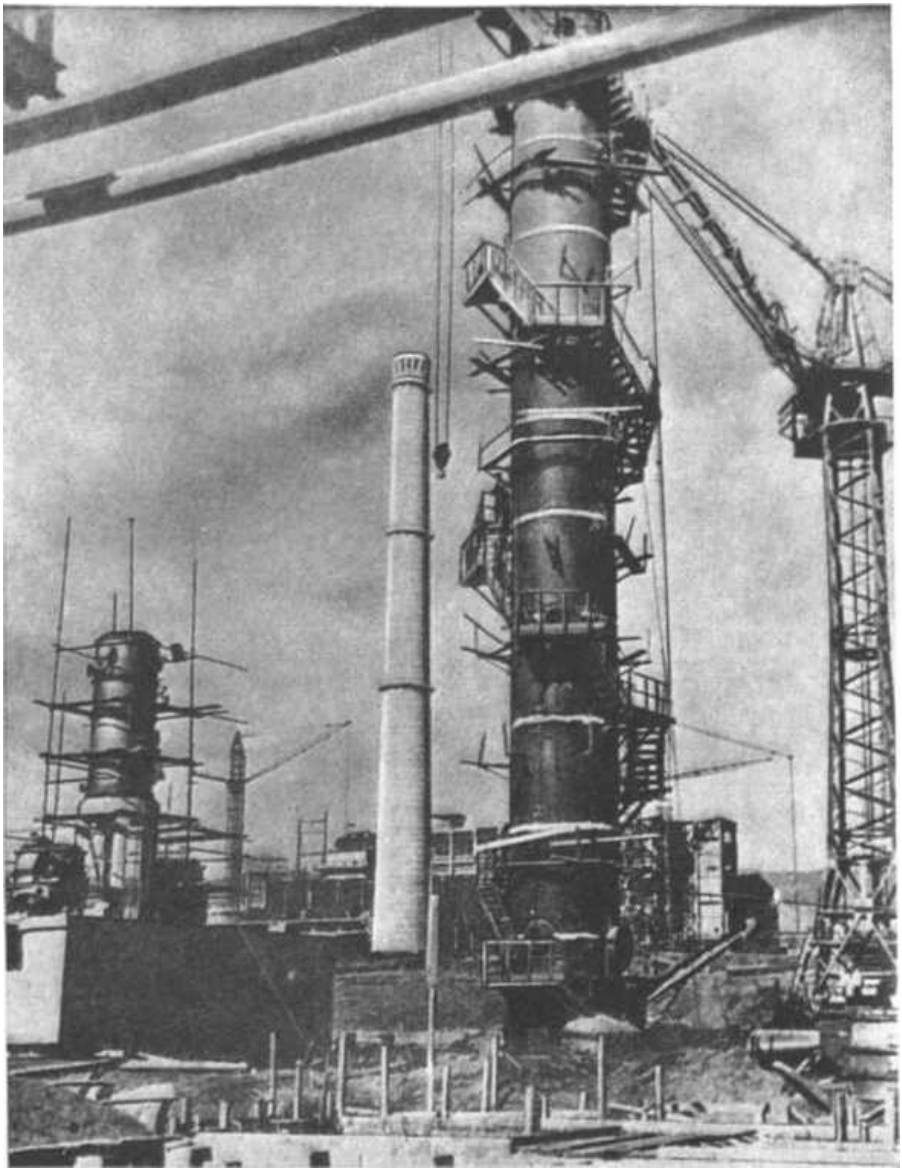
Георгий Димитров. 1948 год.

Г. Димитров выступает с заключительным словом на V съезде БКП. Декабрь 1948 года.

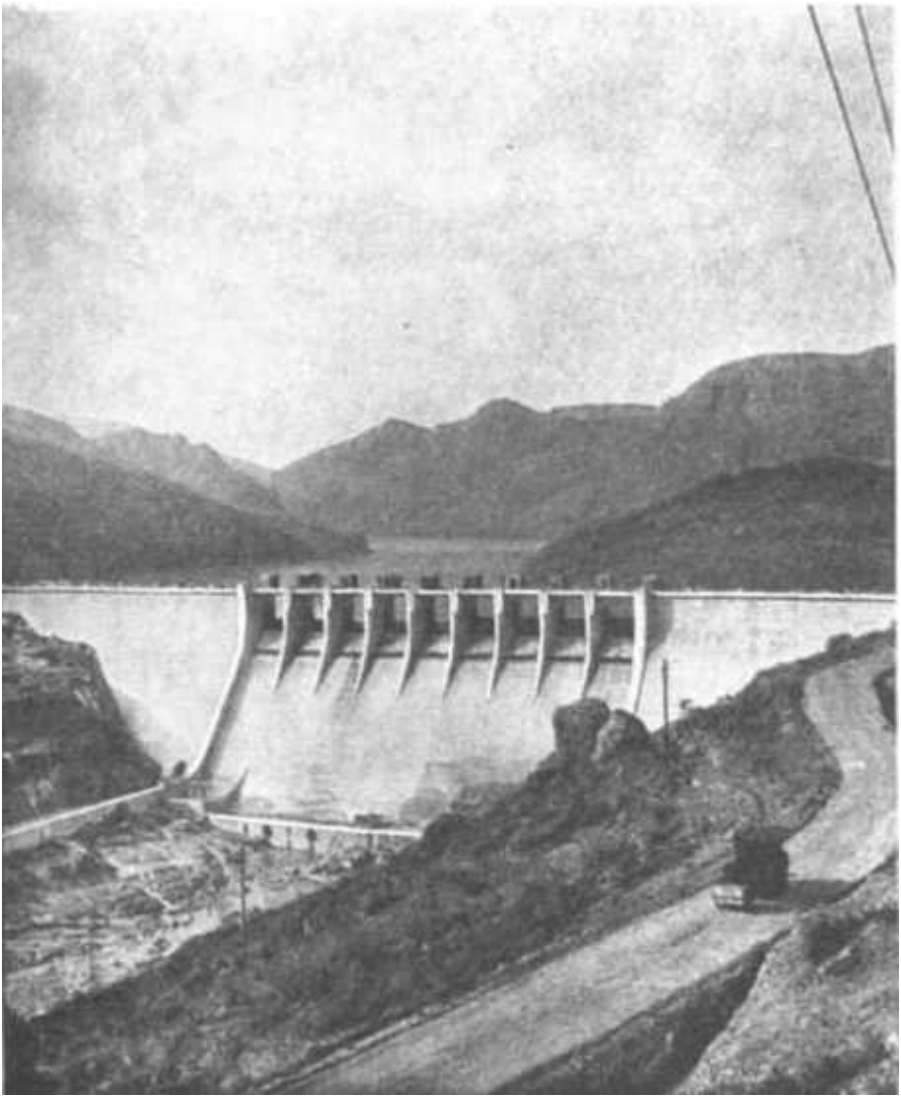
Поливальная установка в ТКЗХ в селе Рила.



Строительство азотнотукового завода близ города Стара-Загора.



Строительство Кремиковского металлургического комбината.



Водохранилище «Студен-Кладенец».

Новая читальня в селе Комоштица Ломской околии.

Площадь 9 сентября и Мавзолей Георгия Димитрова.

notes

Примечания

1

В 1890 и в начале 1891 года в ряде болгарских городов зародились первые социалистические группы. Наиболее влиятельная из них была Тырновская группа во главе с Д. Н Благоевым. В апреле 1891 года по инициативе этой группы в Тырново состоялось первое собрание представителей социалистических групп. На этом собрании был поставлен вопрос об объединении социалистических сил Болгарии, о создании социал-демократической партии. Но ввиду того, что по этому вопросу не было достигнуто единства, было решено летом того же года созвать второе расширенное собрание Такое собрание и было созвано на горе Бузлуджа 20 июля 1891 года (*Здесь и далее комментарии переводчика.*)

2

Позже, оценивая значение этого собрания, Димитр Благоев писал: «Собрание на Бузлудже можно назвать Первым учредительным социалистическим конгрессом, который дал первую конституцию, первый организационный устав болгарского социалистического движения и определил характер и задачи его».

3

Книга Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» вышла в сентябре 1891 года. Это была первая оригинальная марксистская книга, написанная болгарским автором. Опираясь на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, Д. Н. Благоев изложил основы теории научного социализма, обосновал возможность развития рабочего и марксистского движения в Болгарии. Несмотря на незрелость ряда положений книги, она сыграла крупнейшую роль в развитии социалистического движения в Болгарии. С книгой Д. Н. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?», указывает В. Коларов. «социализм, как идейное течение, вошел в болгарскую жизнь и стал фактором общественного развития».

4

Все знавшие в ту пору Димитрова вспоминают о его страсти к книге, о его ненасытной жажде знаний.

5

В начале 900-х годов в Болгарской социал-демократической партии резко обозначились и вступили в острую борьбу два течения: революционное, марксистское, возглавляемое Д. Благоевым, и оппортунистическое, мелкобуржуазное. Группа оппортунистов в 1900 году стала издавать журнал «Общо дело». Оппортунисты из этого журнала отрицали марксистскую теорию классовой борьбы. Они считали виновниками тяжелого положения болгарского пролетариата не капиталистическую систему, а политический режим насилия и бесправия, установленный болгарским князем и его кликой. Свержение этого режима и последующее проведение демократических преобразований оппортунисты провозгласили «общим делом» крестьян, ремесленников, капиталистов и пролетариев. Отсюда и возникло первоначальное название болгарских оппортунистов — «общедельцы». Называли их еще и «широкими». Они выступали за самый широкий бесконтрольный прием в партию. Д. Благоева и его сторонников оппортунисты обвиняли в «узком» или «тесном» понимании марксизма, а себя выдавали за «широких» толкователей учения Маркса — Энгельса. Так исторически сложились названия — «широких», то есть оппортунистов, и «тесняков», то есть марксистов.

6

В феврале 1903 года на общем собрании софийской организации было вскрыто, что в ее рядах много «бумажных» членов партии, принятых общедельческими руководителями этой организации без всякого разбора. Представители революционного крыла внесли резолюцию, требовавшую строгого отбора при приеме новых членов и проведения систематической организационной и политической деятельности.

7

За несколько дней до X съезда Г. Димитров выступил в газете со статьей «Оппортунизм в профсоюзах», в которой он разоблачал происки оппортунистов, призывал революционных марксистов, рабочих — членов профсоюзов — решительно бороться против дезорганизаторской деятельности оппортунистов, за классовые боевые профсоюзы.

«Мы знаем, — писал в заключение Димитров, — что в нас совсем незаслуженно бросают кучу камней, но это нас не поколеблет, мы не уклонимся от своего дела. Мы будем идти по своему пути с горячей верой в правоту дела, которое защищаем. И недалек тот день, когда развеется мгла, рассеется невежество, утихнут страсти, наступит отрезвление и заблудившиеся, которые так ожесточенно выступают против нас, рассчитаются с «широким» социализмом, придут под наше знамя, под знамя пролетарского социализма!»

8

В 1905 году, после выборов Димитрова управделами Общего рабочего профессионального союза, он оставляет работу в типографии и полностью отдается общественной деятельности. Рабочий класс Болгарии приобретает в его лице талантливого организатора и руководителя стачечной борьбы. В своей статье в теоретическом органе партии в журнале «Ново време» в мае 1906 года он пишет:

«Под влиянием рабочих социалистических организаций частые забастовки, которые вначале были почти только стихийным проявлением накипевшего недовольства у рабочих против безмерной эксплуатации, в последнее время все больше принимают характер организованной борьбы за улучшение условий труда и становятся хорошей школой классового воспитания рабочих».

В другой статье он вновь подчеркивает необходимость «сегодняшнее стихийное движение превратить в сознательное, организованное движение».

9

В пору уборки хлебов часть шахтеров, связанных с селом, уходила на жатву. Вот таким уходом на жатву и пыталась дирекция шахт объяснить всеобщую стачку шахтеров Перника.

10

Несколько месяцев спустя после окончания стачки углекопов Перника Димитров дал ей такую оценку:

«Среди повседневных мелких стачек против убийственной капиталистической эксплуатации рабочего труда объявленная 18 июня знаменитая в истории нашего рабочего движения перникская шахтерская стачка своим широким размахом и необыкновенным значением привлекла внимание и симпатии всего организованного и сознательного рабочего класса и крайне ожесточила его врагов…

Перникская стачка… заставила буржуазное государство проявить себя таким, каково оно есть, — организацией для подчинения и эксплуатации рабочего класса. Она сорвала маски со всех буржуазных партий и показала их в настоящем виде — врагов освободительного рабочего движения. И этим стачка дала очень многое для организации и воспитания рабочего класса. Особенно много перникская стачка сделала для самих шахтеров. Она вывела их из безропотного подчинения капиталистическому игу и включила в ряды сознательно борющегося и организованного рабочего класса. Она заложила крепкое начало шахтерского движения и направила его не только к ограничению эксплуатации, но и к окончательному освобождению рабочего от современного капиталистического рабства. И в этом смысле стачка в Пернике — чрезвычайно важная победа социал-демократии в Болгарии».

11

Стихи Любицы Ивошевич даются в переводе А. Зайца.

12

Когда однажды, в 1920 году, Димитров случайно увидел в югославском коммунистическом журнале «Будучност» стихи Любицы Ивошевич, он написал ей восторженное письмо:

«С истинным наслаждением прочитал твои три стихотворения. Особенно восхищен стихами «Плебейка сам, да!». У тебя очень редкое и счастливое сочетание поэта и революционера, поэзии и жизни, сильного и глубокого поэтического чувства с житейским опытом и полным пониманием всех сторон жизни и борьбы пролетариата и трудящегося человечества».

13

Из тюрьмы Димитров писал жене: «Только что мне передали посланные тобой одеяло и другие вещи. Надеюсь, что утром принесут и койку. Тогда окончательно устроюсь, как на сдаче»… Будь тверда и спокойна. Твой Жорж выйдет из Черной джамии еще здоровее, бодрее, сильнее, а надеюсь, и более умным и способным борцом».

Письма жене. Они занимали большое место в жизни Димитрова. Отовсюду, куда только ни заносила его беспокойная судьба, он писал жене. Это были письма товарища по революционной борьбе и любящего друга, письма о партийной работе я ходе стачек, о земной красе и неземном наслаждении музыкой… В одном из первых писем Любе Ивошевич, когда Люба только входила в болгарское революционное движение, и еще до того, как она стала его женой, Димитров писал из города Сливена:

«Я восхищен живописными окрестностями города. Ходил па крупнейшие текстильные фабрики этого болгарского Манчестера. Как быстро развивается здесь текстильная индустрия! Создаются благоприятные условия для нашего движения… Когда вернусь, долго и подробно буду тебе рассказывать, что представляет собой наша партия и рабочее движение».

Из Бургаса, где его очаровало море, он пишет:

«Сердечный горячий привет от морских волн, милая Люба!.. Здесь мы имеем значительный прогресс. Когда я раньше сюда приезжал, не было здесь ни одного нашего товарища, а сейчас — 30–35 человек!»

Декабрь 1920 года. Димитров в подполье. Опровергает слухи о его аресте и пишет жене:

«Тысячи благодарностей за великолепные хризантемы. Невыразима их красота!» В большом письме из Вены «милой, дорогой, моей незаменимой Любе» среди строк о походе реакции против Югославской компартии, о конгрессе Французской социалистической партии в Туре, на котором принято решение о переименовании партии в коммунистическую, есть и такие строки:

«Вечером был в опере. Нечто грандиозное… Музыка, пение, постановка, сам театр — неописуемо великолепно. Как я глубоко жалею, что тебя не было со мной».

14

Стамболовисты — сторонники партии крайней реакции, созданной Стамболовым. Народняки — представители другой реакционной партии, так называемой «Народной партии».

В. И. Ленин и большевики поддерживали тогда стремление тесняков создать балканскую федеративную демократическую республику, рассматривая идею федерации как один из лозунгов, направленных на борьбу с шовинизмом, на свержение монархического строя и разрешение национального вопроса на Балканах. «Действительная свобода славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, — писал В. И. Ленин, — может быть обеспечена только полной свободой внутри каждой страны и федерацией вполне и до конца демократических государств» (Сочинения, т. 18, стр. 324).

16

Радославов Васил (1854–1929) — буржуазный политический деятель, лидер либеральной партии. Будучи премьер-министром (1913–1918), принял активное участие во втягивании Болгарии в первую мировую войну на стороне Германии.

17

Люба Ивошевич писала Димитрову в тюрьму: «…есть нечто такое, что заставляет меня благословлять твоих врагов, которые осуждением тебя дали мне случай еще раз глубже заглянуть в души наших рабочих. Как беспредельно они любят тебя! И как глубока, искрения и чиста эта их любовь к своему Георгию Димитрову».

18

В 1912–1913 годах Болгария вела две войны. Первую — в союзе с Сербией и Грецией против Турции, вторую — против своих союзников: Сербии и Греции. Из этих войн Болгария вышла чрезвычайно ослабленной. Вторая война закончилась длй нее катастрофой: Болгария лишилась не только большей части освобожденных в ходе Первой Балканской войны бывших турецких владений, но и части своей старой территории, понесла огромные потери в людях, истощила свои материальные ресурсы.

19

В августе 1914 года началась первая мировая империалистическая война. 1 октября 1915 года болгарское правительство вступило в эту войну на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции. Так впервые в своей истории вопреки воле народа Болгария оказалась в лагере врагов России.

В течение всей империалистической войны только парламентская фракция тесных социалистов (Димитр Благоев, Георгий Кирков, Георгий Димитров, Васил Коларов, Христо Кабакчиев, Тодор Петров и др. — всего 11 человек) последовательно боролась против войны: систематически голосовала против военных кредитов, разоблачала захватнические цели войны и грабительскую политику германского империализма, поработившего Болгарию.

20

Еще в октябре 1915 года в Салониках (порт на Эгейском море) высадились англо-французские войска Антанты. Против Болгарии образовался новый фронт — Салоникский. В расположение болгарских войск, стоявших на этом фронте, и прибыл Г. Димитров под предлогом обследования положения рабочих-табачников в районе городов Ксанти и Драма.

21

Германия беззастенчиво грабила свою союзницу. За бумажные марки, которые ничего не стоили, немецкие агенты скупали и переправляли в Германию кожу, шерсть, хлопок, продовольствие. Огромное количество продовольствия вывозилось солдатами и офицерами германской армии в виде посылок (около 1 800 вагонов продовольственных посылок в год).

22

4 ноября 1918 года Г. Димитров писал из тюрьмы жене: «Милая Люба, пришли мне французскую книгу. В этот вечер у меня второй урок…»

23

Стамболийский Александр (1879–1923) — руководитель Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). Стоял на позициях самостоятельной крестьянской власти. Вел борьбу против монархии, за республику. В первую мировую войну выступал против участия Болгарии в войне, за что был приговорен к пожизненному заключению. Убит в июне 1923 года болгарской реакцией во время фашистского переворота.

24

В мае 1919 года на XXII съезде Болгарская рабочая социал-демократическая партия тесных социалистов была преобразована в Болгарскую коммунистическую партию тесных социалистов. Этот съезд считается I съездом Болгарской коммунистической партии.

В 1927 году в условиях фашистской диктатуры образовалась Болгарская рабочая партия, как легальная организация рабочего класса, через которую проводила свою работу нелегальная Коммунистическая партия. В 1938 году существование двух партий рабочего класса было признано нецелесообразным, а потому ЦК БКП решил оставить только Рабочую партию, а кадры и членов Коммунистической партии влить в Рабочую партию. В 1939 году эта реорганизация была завершена.

25

На другой день после заседания, 13 февраля, Димитров писал жене:

«Мое появление в Совете свалилось на наших врагов как гром с ясного неба. Понятно, что широких это как варом обдало. Они, бедненькие, рассчитывали мое отсутствие при решении вопроса использовать как большой капитал для долгих месяцев агитации против нашей партии. И вдруг выскользнула из рук такая добыча…»

26

Фашизм впервые вышел на политическую арену в 1919 году, а в 1922 уже захватил власть в Италии. За два года перед тем, в 1920 году, в Германии была организована гитлеровская партия национал-социалистов.

27

Социал-демократическая партия — партия широких социалистов — образовалась после ухода из БРСДП ее левого крыла — тесных социалистов. В дальнейшем социал-демократическая партия превратилась в мелкобуржуазную партию. В первые годы строительства новой Болгарии лидеры правой части этой партии занимали вражескую позицию в отношении политики правительства Отечественного фронта и Коммунистической партии. В 1948 году Социал-демократическая партия, очищенная от чуждых и враждебных элементов, влилась в Болгарскую коммунистическую партию на основе полного признания марксистско-ленинских идеологических и организационных принципов.

Ныне Михайловград.

29

В статье «После восстания», опубликованной 7 ноября 1923 года, Г. Димитров писал:

«5 тысяч коммунистов, земледельцев и других доблестных сынов народа зверски убиты; 15 тысяч рабочих, крестьян, учителей, священников и других служителей народа из интеллигенции арестованы и подвергнуты бесчеловечным истязаниям и изувечены; тысячи семей разорены и ввергнуты в траур; масса женщин и девушек подвергнута страшному поруганию; множество сел и городов опустошено; вся страна — от Бургаса и Стара-Загоры до Фердинанда и Берковицы — залита кровью и слезами; неописуемые жестокости и бесчинства, каких болгарский народ не переживал в таких масштабах даже в период пятивекового турецкого рабства, — вот краткий, но ужасный и позорный итог варварской мести озверевшей банкирско-спекулянтской и военно-монархистской правящей клики в Болгарии!»

30

Речь идет об аресте членов и активистов нелегального ЦК БКП во второй половине 1928 года.

31

Вопросом об амнистии осужденных в связи с сентябрьскими событиями 1923 года в Болгарии.

32

Узнав о смерти жены, Г. Димитров написал из фашистской тюрьмы своей матери: «Хотя я уже давно был подготовлен к получению печальной вести, все же она глубоко взволновала меня. Люба, как жена и друг, как пролетарская поэтесса и революционерка, человек большой души и твердого характера, обладающий многогранным талантом и способностями, была человеком, какие редко встречаются. Она неизмеримо много помогала мне в моей жизни и в моей борьбе». А к сестре Магдалине он обращается с просьбой: «Позаботьтесь о том, чтобы найти и собрать все стихотворения Любы, опубликованные в разное время, а также неизданные, и издать сборник ее стихов. Это будет лучшим памятником нашей незабвенной Любе и некоторым утешением мне за то горе, которое я пережил еще при ее роковом заболевании несколько лет тому назад. Как революционер, милая моя сестра, я переношу все смело и до последнего дыхания не утрачу своего мужества; но как человек я глубоко и постоянно страдаю в связи с этим чрезвычайно тяжелым ударом в моей жизни…»

33

Председатель суда Бюнгер произнес вступительную речь вопреки общепринятой практике; в своей речи он всячески старался опровергнуть утверждения Международной следственной комиссии и иностранной печати о том, что фашистские власти сфабриковали лживое обвинение и провокационный процесс.

34

Георгий Димитров первым же своим выступлением спутал карты постановщиков Лейпцигского процесса. Фашисты, желая придать своей судебной инсценировке массовый пропагандистский антикоммунистический характер, решили транслировать заседание суда по радио. Заседания первых двух дней, 21–22 сентября, как и было задумано, передавались по радио, но с третьего дня радиопередачи из зала лейпцигского имперского суда прекратились. Почему? Суд неожиданно для его организаторов пошел не по их сценарию, а так, как повел его подсудимый коммунист Димитров. Газета «Правда» в свое время хорошо передала этот перелом в ходе процесса:

«Так проходит два дня, а на третий — процесс с оглушительным треском сходит с рельсов. Дальше нет накатанной насыпи. Дальше нет «списка действующих лиц», заблаговременно напитанных и назубок вытверженных ролей. Председатель суда Бюнгер и болгарский коммунист Димитров выступают перед всем миром, каждый представляет свой класс, свой мир, свою партию, свою мораль… Моральное мужество т. Димитрова производит огромное впечатление не только на миллионные массы пролетариев во всех странах, куда доносится его голос, но и в самой Германии, где не в силах заглушить этот голос печать палачей. В основе этого морального мужества — политическая сила и цельность пролетарского революционера.

…Колоссальная аудитория перед т. Димитровым, и, затаив дыхание, каждое его слово слушает международный пролетариат. И как всякий боец-коммунист, схваченный врагами, Димитров не думает о себе, о своей жизни, о своей безопасности. Он продолжает делать дело своей партии, зная, что не только речью своей, но всем своим поведением он дает урок революционной борьбы миллионам пролетариев. Димитров не оправдывает себя от обвинения в поджоге рейхстага. Он обвиняет фашистский суд и фашистские власти…»

35

Мать Димитрова причиняла гитлеровцам много хлопот. Начальник гестапо Дильс говорил болгарскому послу в Берлине, что их беспокоит ее деятельность, ее беседы с иностранными корреспондентами, грозился выслать ее с дочерью из Германии. Но, боясь новых разоблачений, гитлеровцы не рискнули нанести прямой удар по родственникам Димитрова. Гитлеровцы предприняли обходный маневр — они лишили мать Димитрова переводчика, рассчитывая таким образом ограничить ее деятельность в защиту сына.

36

Поведение Геринга на суде возмутило мировую общественность. Западная пресса, в том числе и буржуазная, резко критиковала германский фашизм, сфабрикованный им процесс, на котором нарушались все правовые нормы, восхищалась поведением коммуниста Димитрова. Яркое описание поединка Димитрова с Герингом дала венская социал-демократическая газета «Арбейтерцейтунг»:

«Человек, который там, в Лейпциге, гордо, отважно, неустрашимо стоит перед подлым судилищем, будет жить как один из героев этого мрачного времени: Димитров, болгарский коммунист. Каждый его вопрос пробивает брешь в стене глупости, подлости и низости, которую германские властители воздвигли вокруг разваливающегося капитализма. Сквозь эти бреши веет дуновение будущего, полного свободы, величия и человеческого достоинства. Каждый его вопрос — это атака, и не один из его вопросов не служит его личной защите: этот обреченный на смерть борется не за свою жизнь, он борется за высокое дело, которому подчиняет свою жизнь, за социализм, который наполняет его самосознанием, уверенностью в победе.

Редко случалось видеть что-нибудь такое же потрясающее, что-нибудь такое же встряхивающее и окрыляющее, как борьба этого человека против германских властителей. У них, у этих обагренных кровью завоевателей, есть министерство пропаганды, у них есть гигантские фейерверки и гигантские демонстрации, у них громкоговорители и пулеметы, залы собраний и суды, — а этот обвиняемый болгарин, этот одинокий Димитров не имеет ничего, кроме своих уст, своего мужества, своего фанатизма. И все же германские диктаторы, скрежеща зубами, чувствуют, что этот обреченный на смерть сильнее» чем весь их аппарат власти, что каждый его вопрос оказывает более сильное действие, чем вся их дьявольски функционирующая пропаганда.

Все это разрядилось вчера, вылившись в сцену, в которой сущность пролетарской революции столкнулась с гнусностью фашистской диктатуры. Геринг, убийца, поджигатель и морфинист, всемогущий министр по делам террора и смерти, выступил вчера свидетелем на суде…

Нервы морфиниста не выдержали… Самый могущественный человек в Пруссии, человек, которого в Германии страшатся больше всех, потерял самообладание, стал реветь и визжать, как сумасшедший».

37

«Коричневая книга о пожаре в рейхстаге и гитлеровском терроре» была издана летом 1933 года в Париже немецкими антифашистами. В ней были собраны документы, изобличавшие германский фашизм и свидетельствовавшие о полной непричастности Г. Димитрова и Компартии Германии к поджогу рейхстага. «Коричневая книга» сыграла большую роль в кампании за освобождение Димитрова. Книга была переведена на 17 языков. В ряде стран она распространялась нелегально. Для Германии, например, было выпущено специальное издание карманного формата под названием «Герман и Доротея», Вольфганг Гете».

38

О деятельности Парашкевы Димитровой на родине после возвращения из Советского Союза хорошо говорит донесение полицейского информатора:

«Мать Георгия Димитрова… ведет большую пропаганду в рабочей среде. Так как все знают, что она мать видного большевистского лидера и недавно была в СССР, ее всюду принимают внимательно и восхищенно».

39

На этом конгрессе Г. Димитров был избран генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. И на этом посту Димитров неизменно оставался в течение восьми лет — до роспуска Коминтерна в 1943 году.

Адвокат д-р Л. Дюкмеджиев, представлявший в дни Лейпцигского процесса интересы Димитрова в Болгарии, в связи с этим рассказывал:

— Мне было поручено встретиться с премьер-министром Николой Мушановым по поводу просьбы Димитрова разрешить ему вернуться в Болгарию. Мушанов решительно отказался дать визу Димитрову. Когда я стал доказывать, что Димитров своим поведением на суде показал себя героем мирового масштаба, что ол защитил престиж Болгарии, что благодаря Димитрову сегодня весь мир знает, что на Балканах имеется народ со старой культурой, Мушанов поглядел на меня, ухмыляясь, и ответил:

— Чего вы хотите? Чтобы мы впустили волка в овчарню? Этого не будет! Пусть едет в Россию. Там его место. Нам он не нужен.

40

В 1917 году Димитров, пораженный красотой приморского города Варны, писал своей сестре Магдалине: «Только тогда, когда контраст между великолепием в природе и нищетой в жизни будет устранен, люди смогут быть полностью счастливыми. Воспитай своего Любчо на борьбу за это!»

Прошло семнадцать лет. Любчо, воспитанный своей матерью так, как этого хотел ее брат, был заключен в тюрьму за революционную деятельность. Весть об этом дошла до Димитрова, когда он сидел в Лейпцигской фашистской Тюрьме. Отсюда, из тюрьмы, Димитров 8 января 1934 года написал письмо своему племяннику:

«Дорогой Любчо! С радостью узнал от твоей матери, что ты держался в предварительной тюрьме и перед судом так, как и подобает нашей боевой семье, и что сейчас также достойно переносишь свою тюремную участь.

Это, конечно, похвально, но далеко не достаточно. Нужно всячески использовать время в тюрьме, чтобы закалить еще больше свою волю и всесторонне подковаться необходимыми для жизни и борьбы солидными знаниями. Надо учиться, учиться и постоянно учиться!»

Димитров рекомендовал наряду с гимнастикой для поддержания здоровья заняться историей, языками, самостоятельной разработкой больших проблем сегодняшнего времени и текущих актуальных вопросов. «Не оставляй ни часа в безделье! Тогда незаметно пролетят тюремные дни и ты выйдешь из нее возмужавшим духовно и политически, подкованным знаниями и окрыленным волей к действительно творческой работе и борьбе».

41

Зеленое «Земеделско знаме» — имеется в виду издававшееся в то время «Народно земеделско знаме» — орган отколовшейся от Болгарского земледельческого народного союза в 1945 году реакционной оппозиционной группировки.

42

«Свободен народ» — орган оппозиционной группировки, отколовшейся в 1945 году от социал-демократической партии. Газета закрыта за антинародную деятельность.

43

Димитрова всегда отличала большая скромность. Когда Димитров узнал, что в здании Народного Собрания поставлены бюсты его и Коларова, он потребовал немедленно убрать их, указав Бюро Народного Собрания, что «это является грубой ошибкой».